

ИСТОРИЯ HISTORY

Петрунина Ж. В.
Z. V. Petrunina

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ КИТАЯ В КОНЦЕ 1920–1930-х годов

PROBLEMS OF ECONOMIC MODERNIZATION OF CHINA IN 1920–1930s

Петрунина Жанна Валерьяновна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и архивоведения Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; тел.: + 7 (4217) 24-11-58. E-mail: petrunina71@bk.ru.

Ms. Zanna V. Petrunina – Doctor of History, Professor, Department of History and Archival Sciences, Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str.; tel.; + 7 (4217) 24-11-58. E-mail: petrunina71@bk.ru.

Аннотация. В предлагаемой работе представлен анализ реформ, которым был подвержен Китай в конце 1920–1930-х годов. Определены основные направления экономического развития государства в рассматриваемый период и механизмы достижения поставленных целей, рассмотрено влияние идеологии на воспитание китайского общества. Автор отмечает, что реформы, предпринятые Чан Кайши, не удалось в довоенный период. В числе причин этого выделяются отсутствие единства в окружении китайского лидера и сложная внутригосударственная и международная обстановка. Вместе с тем заложенные основы нового китайского общества получили развитие в послевоенное время в Китайской Республике (Тайвань).

Summary. The proposed paper presents an analysis of the reforms to which China was subjected in 1920s and 1930s. The main directions of economic development of the state in the period under review and the mechanisms for achieving the goals set have been determined, the influence of ideology on the upbringing of Chinese society has been considered. The author notes that the reforms undertaken by Chiang Kai-shek failed in the prewar period. The reasons for this stand out are the lack of unity around the Chinese leader and the complicated domestic and international situation. At the same time, the foundations of the new Chinese society were developed in the post-war period in the Republic of China (Taiwan).

Ключевые слова: Китай, Чан Кайши, реформы Китая, Гоминьдан.

Key words: China, Chiang Kai-shek, China's reforms, the Kuomintang.

УДК 94

В 1920–1930-х гг. Китай был подвергнут кардинальным реформам. Особую роль в развитии государства в этот период сыграл видный политический деятель Китая Чан Кайши. В отличие от известного китайского революционера начала XX века Сунь Ятсена Чан Кайши не имел друзей-европейцев, всячески подчёркивал своё китайское происхождение и связь с китайской культурой. Чан Кайши, пользовавшийся поддержкой представителей из числа экономических элит Китая, в 1927 году сформировал новое правительство (национальное правительство), которое представило амбициозную программу по стабилизации и модернизации Китая. Новое правительство (национальное правительство) состояло из 12 человек, а его власть распространялась на четыре провинции: Фуцзянь, Аньхой, Чжэцзян, Цзянсу.

Одним из членов нового правительства Чан Кайши (1932 г.) был Ван Цзинвэй (1883 – 1944 гг.). Ван Цзинвэй считался одним из влиятельных политиков в Гоминьдане и в правительстве Чан Кайши. Он родился в провинции Гуандун. Для получения образования в 1903 г. он был отправлен в Японию. Во время учебы в возрасте 21 года он встретил Сунь Ятсена и присоединился к организации «Тунмэнхой» (китайская революционная организация, которую Сунь Ятсен создал в 1905 г. Японии). За участие в попытке убийства Айсиньгёро Цзайфэн (принц Чунь), отца малолетнего

императора Пу И, Ван Цзинвэй был арестован и брошен в тюрьму. Однако после падения династии Цин он был освобожден. Ван Цзинвэй получил блестящее образование во Франции и вплоть до смерти Сунь Ятсена в 1925 г. считался правой рукой китайского лидера. Ораторские способности и умение вести переписку позволили Ван Цзинвэю широко распространять революционные идеи строительства нового Китая [1]. Ван Цзинвэй длительное время претендовал на лидерство во всем Китае. С апреля по август 1927 г. он был председателем ЦИК Гоминьдана и председателем гоминьдановского правительства в Ухане, которое продержалось лишь несколько недель. Положение уханьского правительства было сложным, поскольку со всех сторон контролируемая им территория была окружена: с востока армией Чан Кайши, с юга войсками гоминьдановского лидера Ли Цзишэня, с севера и запада – силами милитаристов [2, 387]. Во время Северного похода Чан Кайши Ван Цзинвэй был вынужден покинуть страну и находился в эмиграции до 1929 г. Несмотря на назначение в 1932 г. премьер-министром Нанкинского правительства и министром иностранных дел, отношения между двумя политиками были крайне нестабильные и противоречивые. Особые разногласия вызывал вопрос о взаимоотношениях Китая с Японией, на укреплении которых в условиях отсутствия помощи со стороны европейских государств настаивал премьер-министр [1]. Паназиатская и японофильская ориентация Ван Цзинвэя вызывала сопротивление в Гоминьдане. Это послужило причиной отставки Ван Цзинвэя с поста премьер-министра в 1935 г. В 1938 г. он покинул Чунцин, который был временной столицей Китая, и открыто перешел на сторону Японии. В годы II Мировой войны Ван Цзинвэй возглавлял созданное японцами марионеточное правительство Нанкина.

Не менее интересной в народном правительстве являлся и Фэн Юйсян. К концу 1920-х гг. генерал Фэн Юйсян (1882 – 1948 гг.) был одним из известных военных деятелей Китая. О семье Фэн Юйсяна сохранились противоречивые сведения. Выходец из бедной семьи каменщика, Фэн Юйсян служил в императорской армии с 16 лет, откуда поступил в Баодинскую военную школу (среднее учебное заведение), которую закончил в 1910 г. Фэн Юйсян до конца своих дней придерживался христианского вероисповедания, получив прозвище «генерал-христианин». Свой военный опыт Фэн Юйсян начал приобретать еще в годы Синьхайской революции 1911 – 1913 гг., постепенно продвигаясь на командные должности. Фэн Юйсян был одним из серьезных военных реформаторов среди полевых командиров того времени. Его войска были хорошо обучены и высоко дисциплинированы. При этом Фэн Юйсян очень ценил своих солдат, уделяя внимание их комфорту. У каждого из воинов были столь необходимые москитная сетка, пистолет, штык и военные принадлежности. Большое значение Фэн Юйсян отводил образованию солдат, полагая, что умение считать и писать поможет им в гражданской жизни. В армии было запрещено курить, пить и играть в азартные игры, под особым запретом было курение опиума и публичная проституция. Фэн Юйсян считал, что жены офицеров должны соответствовать повышающемуся уровню своих мужей. В провинции Хунань была создана школа для жен офицеров, где можно было получать «новые знания»[3]. В качестве единственного решения проблем Китая Фэн Юйсян видел в принятии и распространении в стране христианства. В 1926 г. Фэн Юйсян вступил в Гоминьдан, стал одним из лидеров умеренного левого крыла партии, поддержал Чан Кайши и в 1928 – 1929 гг. занимал пост военного министра в Национальном правительстве [4]. В последующем пути Фэн Юйсяна и Чан Кайши разошлись. Причиной разлада стала политика Чан Кайши, направленная на конфронтацию с коммунистами и сворачивание революционных завоеваний. В 1933 г. Фэн Юйсян возглавил армию антияпонского альянса, а с 1936 г. – стал заместителем председателя ЦК армии и до конца своих дней (1948 г.) боролся с диктатурой Чан Кайши [5].

В основу новой государственной структуры была положена система пяти властей (пяти юаней): законодательной, исполнительной, судебной, экзаменационной и контрольной. Впоследствии идея о разделении властей французского просветителя Ш. Л. Монтескье получила реализацию на Тайване, где в соответствии с принятой в 1947 году Конституцией высшими органами власти были Национальное собрание и пять независимых органов (юаней).

Для закрепления власти руководство партии Гоминьдан провело кардинальный пересмотр идеологических установок, справедливо полагая, что общество нуждается во всесторонней опеке.



В основу новой идеологии была положена концепция «Движение за новую жизнь» (синь шэнхо юньдун), начало которой было официально провозглашено Чан Кайши 19 февраля 1934 г. Концепция «Движение за новую жизнь» была выдвинута в ответ на активизацию студенческих и рабочих выступлений в городах, крестьянское движение в сельской местности, свидетельствовавших о появлении новых сил в китайском обществе после потрясений 1920-х гг. Лидер Китая прекрасно понимал, что его политический успех во многом зависит от того, насколько формировавшиеся политические силы будут вовлечены в общественно-политическую жизнь страны. «Движение за новую жизнь», трактуемое как «единственный путь для спасения страны» [11, 945], распространилось по большей части Китая в течение нескольких недель. Лозунгами Движения стали «От себя к другим» и «От простого – к сложному», то есть каждый будет заниматься совершенствованием себя для того, чтобы стать примером для других. «Движение за новую жизнь» должно было приучить китайцев соблюдать такие этические принципы конфуцианства, как «верность/преданность» (чжун) [1935] и «сыновняя почтительность/уважение к старшим братьям» (сяо-ти), которые в новых условиях следовало понимать как «преданность государству» и «преданность нации» [8, 74]. Распространителями идей движения становились «синерубашечники» – молодые люди, занимавшиеся пропагандой идей вождя на местах. Чан Кайши считал, что изменения в поведении людей через восстановление традиционных конфуцианских ценностей, «очищение населения от нездоровых привычек» будут способствовать нравственному возрождению и укреплению страны и заставят граждан Китая «чутко реагировать на потребности государства» [11, 945]. Сам правитель являлся настоящим примером для своих сограждан. Он не пил, не курил, не сквернословил. За внешними проявлениями борьбы за порядок и чистоту, за укрепление воинской дисциплины, увеличение производства и общего культурного уровня скрывались более значимые задачи, связанные с эффективной борьбой с коррупцией, являвшейся бичом Китая, милитаризацией китайского общества, которое должно было стать дисциплинированным и управляемым. Несмотря на то что концепция «Движение за новую жизнь» была направлена на ликвидацию недостатков китайского общества, в середине 1930-х гг. инициатива не получила широкой поддержки общества, которое от руководства государством не получило реального улучшения качества своей жизни.

Основой своей экономической политики партия Гоминьдан сделала укрепление государственного сектора экономики. Это объяснялось, во-первых, принятой в китайском обществе ведущей роли государства в регулировании социально-экономических процессов; во-вторых, влиянием идей Сунь Ятсена о решающей роли национального государства в обеспечении экономических преобразований; в-третьих, усилением роли государства в условиях экономической депрессии 1930-х гг.

В 1929 году в Китае был введён новый таможенный тариф, что привело к повышению ввозных пошлин преимущественно на потребительские товары. Правительство всячески ограждало собственную индустрию от иностранной конкуренции. В 1930 году в Китае были ликвидированы внутренние таможенные барьеры.

Одной из острых проблем в государстве являлся аграрный вопрос. Большинство населения составляли крестьяне, поэтому справедливая аграрная политика была направлена на повышение качества жизни этого слоя. При этом Чан Кайши не рассматривал вопрос об экспроприации помещичьей собственности, поскольку был сторонником национального единства (а не большевистского социального равенства) всех китайцев. В 1930 году был принят аграрный закон (вступил в силу спустя шесть лет). Он ограничивал размеры арендной платы, устанавливал границы земельных владений, защищал права арендаторов. Этот закон был призван погасить социальные конфликты в деревне. Результатом решения аграрного вопроса стала отмена свыше 6 тыс. разнообразных налогов. Почти в два раза (с 70 % до 37,5 %) снизилась сумма арендной платы для крестьян. Началось освоение целинных земель. Больше внимания правительство Китайской Республики уделило восстановлению ирригационной системы, созданию новых плотин и каналов. Широилось кооперативное движение. Если в 1931 году в Китае насчитывалось около 100 тыс. кооператоров, то уже через шесть лет их численность перевалила за 2 млн. [9]. Развитие сельского хозяйства способствовало созданию научно-исследовательских станций, в которых учёные занимались

селекцией растений и животных. В результате в Китае появился новый сорт хлопка, урожайность которого на 35 % превысила урожайность традиционных сортов. Стабилизация ситуации в сельском хозяйстве дала толчок развитию лёгкой и пищевой промышленности. В начале 1930-х в стране было налажено производство спичек, бумаги, сахара, животного масла. Правительство выделяло средства на поддержание тяжёлой промышленности.

В числе значимых экономических реформ следует отметить создание государственной банковской системы. После Синьхайской революции были созданы Банк Да Цинн (первый современный государственный китайский банк Ну Ви, основанный в 1905 году впоследствии он стал называться Да Цин, а затем – Банк Китая) и Банк коммуникаций (в 1910-х годах. оба находились под контролем иностранного бизнеса и не обладали достаточной финансовой мощью [6]. В 1928 году был образован Центральный банк Китая, созданный на правительственные средства. Он получил право на чеканку монет, выпуск банкнот, печатание государственных казначейских билетов. В 1935-м году был создан Крестьянский банк. Эти четыре банка стали важным правительственным рычагом, позволяющим проводить экономические реформы в стране и контролировать их исполнение.

Однако денежная система была беспорядочна, что замедляло развитие промышленного и аграрного сектора, торговых отношений, и делало непривлекательной экономику Китая для иностранных инвесторов. В марте 1933 года в стране был введён серебряный стандарт. Принятие в США закона «О банковской деятельности в сфере закупок» привело к существенному оттоку серебра из Китая. Стремясь стабилизировать экономическую ситуацию, национальное правительство провело финансовую реформу по французскому образцу. В 1935 году министром финансов Конг Сянси был обнародован «Порядок денежного реформирования», согласно которому в стране было запрещено хождение серебряных денег.

В результате проведения радикальной валютной реформы единственным платёжным средством в стране стали банкноты правительственных банков. В результате создания государственной банковской системы правительство взяло под свой контроль всю финансовую систему страны – банки, страховые общества, налоговые и таможенные поступления. Вместе с тем правительственные банки активно включились в промышленное и железнодорожное строительство, создание пароходных компаний, приложили усилия по привлечению частных инвесторов.

Несмотря на изменения, по замечанию очевидцев, к середине 1930-х гг. количество бедных людей в стране увеличилось. Если в конце 1920-х гг. около 70 % крестьянских семей не испытывали нужды, то в 1934 году из 400 семей лишь 5 имели достаточно пищи [12,191]. При этом позиции крупного капитала в Китае оставались неизменными. Фактически банковский сектор защищал интересы четырёх правящих семей: Чан Кайши, Сун Цзувэнь (министр финансов в правительстве Гоминьдан с 1925 по 1933 гг.; в 1935 году основал Банк Китая и стал его президентом), Кун Сянси (потомок Конфуция в 75-м поколении, один из богатейших людей в Китае, министр промышленности и коммерции (1928–1931 гг.), министр финансов (1933–1944 гг.), президент Центрального банка Китая (1933–1945 гг.)), братья Чэнь (Гаофу и Лифу). До 1949 года эти четыре влиятельные семьи контролировали 2448 банков (2/3 от всего количества в стране) и 80 % капитальных фондов в сфере промышленности и связи. Данные семьи контролировали 90 % национального производства стали, 33 % добычи угля, 67 % электроэнергетики, 45 % цемента, всю добычу нефти и цветных металлов, транспортные коммуникации [10, 65]. Сам Чан Кайши был в родстве с олигархами Китая. Его женой была Сунь Мэйлин – представительница самой влиятельной семьи Китая Чарли Суна (как и Сун Цзувэнь), долгое время считавшаяся одной из самых влиятельных женщин мира. После получения образования в США Сунь Мэйлин (1897–2003 гг.) вернулась в Китай и окунулась в политическую деятельность. Став супругой Чан Кайши, она должна была находиться в тени своего мужа. Однако Сунь Мэйлин сумела сломать существовавшие в Китае того времени традиции, став настоящей «первой леди» страны. Сунь Мэйлин стала секретарём и переводчиком своего мужа. Она следовала за ним во всех его поездках, была прекрасным дипломатом и в беседах могла обходить «острые» вопросы. С 1934 года Сунь Мэйлин заняла пост генерального секретаря китайских военно-морских сил, отвечавшего за развитие авиации и модернизацию военно-воздушного



флота страны [7], а в годы II Мировой войны осуществляла личный контроль за закупками из США боевых самолётов. Сунь Мэйлин привлекала внимание мировой общественности к Китаю и его проблемам. В 1937–1938 гг., когда обострились отношения Китая с Японией, она публично выступала для американской прессы, рассчитывая на скорейшее получение помощи со стороны США. Сунь Мэйлин прожила долгую жизнь и даже после смерти Чан Кайши и эмиграции в США продолжала оказывать влияние на политическую жизнь Тайваня.

В результате прихода к власти партии Гоминьдан Китай вступил в полосу крупных реформ. Несмотря на то, что государство оставалось верховным собственником, в стране резко поменялся стиль и темп жизни. Изменения затронули политическую и экономическую сферы, получили развитие новые современные отрасли хозяйства, началась капитализация. В первые годы политика партии Гоминьдан была направлена на защиту крупного капитала и частных собственников. Чан Кайши стремился урегулировать противоборство между разными группировками в стране. Начался процесс формирования нового Центрального государственного аппарата, который проходил на фоне расширения военного аппарата, что приводило к усилению авторитарных методов управления страной. Однако постепенно стало понятно, что значительного эффекта реформы не имеют. Для продолжения экономических преобразований необходимо было получить займы от зарубежных государств, что оказалось делом непростым. Местные органы управления в Китае пока не затронули изменения. В самом Гоминьдане не было общей идеи, которая способствовала бы реальному объединению партии. Ситуацию усугубило обострение военно-политических отношений с Японией. К середине 1930-х гг. Китай стоял перед угрозой новых вызовов и дальнейшее проведение реформ пришлось отложить. Модернизация государства, предпринятая Чан Кайши, была реализована им во второй половине XX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Wang Jingwei (1883 – 1944) // <http://wangjingwei.org/en/wang-jingwei-life-en/bio/> (дата обращения 03.10.2018).
2. Дельнов А. Китайская империя. От Сына Неба до Мао Цзэдуна. М., 2013. С. 387.
3. Patton, Cornelius H. (Cornelius Howard). General Feng Yu Hsiang : the Stonewall Jackson of China's army. American Board of Commissioners for Foreign Missions. XXIV JULY, 1921 No. 2//https://archive.org/stream/generalfengyuhsi242patt/generalfengyuhsi242patt_djvu.txt (дата обращения 27.12.2016).
4. Feng Yü-Hsiang// Encyclopedia of World Biography COPYRIGHT 2004 The Gale Group Inc.// <http://www.encyclopedia.com/people/history/chinese-and-taiwanese-history-biographies/feng-yu-hsiang> (дата обращения 28.10.2018).
5. Feng Yuxiang//<http://www.bdcconline.net/en/stories/f/feng-yuxiang.php> (дата обращения 27.10.2018).
6. Какая история развития китайской банковской системы? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://bankcreds.ru/banking_system/what_is_the_history_of_the_development_of_chinas_banking_system.htm (дата обращения: 12.10.2018).
7. Мадам Чан Кайши: первая леди Китая, поразившая мир, самая влиятельная [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://she-win.ru/politica/269-song-meiling?start=1> (дата обращения: 05.10.2018).
8. Мыльникова, С. Ю. Осмысление исторического пути и будущее страны в книге Чан Кайши «Судьба Китая» / С. Ю. Мыльникова // Вестник СПбГУ. Сер. 13. – 2009. – Вып. 2. – С. 74.
9. Островной генералиссимус. Коммерсант.ru. № 40. 11.10.2004 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kommersant.ru/doc/513599> (дата обращения: 05.10.2018).
10. Селищев, А. С. Китайская экономика в XXI веке / А. С. Селищев, Н. А. Селищев. – СПб., 2004. – С. 65.
11. Arif Dirlík The Ideological Foundations of the New Life Movement: A Study in Counterrevolution // The Journal of Asian studies. – Vol. 34. – №. 4 (Aug., 1975) – p. 945 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://share.nanjing-school.com/dphistory/files/2014/05/The-New-Life-Movement-Jstor-1kty76p.pdf> (дата обращения: 29.10. 2018).
12. Lloyd, E. Eastman. The Abortive Revolution: China under Nationalist Rule 1927-1937 / E. Lloyd. – Cambridge, Mass: Council on East Asian Studies, Harvard University. – 1974. – P. 191.

Головцова М. А., Шушарина Г. А.
M. A. Golovtsova, G. A. Shusharina

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ТЕКСТОВ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ

PECULIARITIES OF TRANSLATING TEXTS OF LEGAL THEMES

Головцова Мария Александровна – магистрант кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; тел.: + 7 (909) 826-06-20. E-mail: maria94gl@mail.ru.

Ms. Maria A. Golovtsova – Master's Degree student, Linguistics and Cross-culture Communication Department, Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str.; tel.: + 7 (909) 826-06-20. E-mail: maria94gl@mail.ru.

Шушарина Галина Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; тел.: + 7 (4217) 24-11-65. E-mail: Galinalmk@yandex.ru.

Ms. Galina A. Shusharina – PhD in Philology, Associate Professor, Head of the Department of Linguistics and Cross-culture Communication, Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str.; tel.: + 7 (4217) 24-11-65. E-mail: Galinalmk@yandex.ru.

Аннотация. Перевод текстов юридической тематики, как и текстов других сфер деятельности характеризуется некоторыми особенностями. В статье рассматривается ряд трудностей перевода, которые отражают особенности текстов подобной тематики. Также описываются основные переводческие трансформации, применяемые переводчиками в тех или иных случаях во избежание трудностей с целью достичь адекватности и эквивалентности в переводе. В статье приводятся примеры использования трансформаций.

Summary. The process of translating texts of legal themes as well as texts of other themes is characterized by certain features. The article considers some difficulties that reflect the translating texts of such a theme. The main translation transformations used by translators in certain cases to avoid difficulties and achieve adequacy and equivalence in translation are also described. Some examples of using the transformations are given in the article.

Ключевые слова: перевод, юридический перевод, переводческая трансформация, трудности перевода.

Key words: translation, legal translation, translation transformation, translation problems.

УДК 81

Тема перевода юридических документов на сегодняшний день является довольно актуальной. Это связано с развитием деловых отношений между представителями разных стран. Договоры и другие соглашения, заключённые между сторонами, оформляются в виде того или иного документа, корректное понимание условий которого достигается адекватным юридическим переводом.

Юридический перевод является одним из самых сложных видов перевода. С его помощью переводят тексты письменной и устной речи, относящиеся к юриспруденции. Для осуществления юридического перевода переводчик должен обладать специальными компетенциями в юридической науке, а также иметь опыт перевода подобных документов. Ошибки в переводе могут быть чреваты серьёзными юридическими последствиями для переводчика.

Приступая к переводу юридических документов, первое, что следует учитывать, – это разница в правовой системе разных государств, что отражается в юридических формулировках и фразах, встречающихся в текстах. Именно различия в правовой системе стран О. А. Чепак [1] считает



самой главной проблемой передачи текстов юридической направленности. Исходный документ составлен с учётом национальных особенностей страны и её правовой системы, которая отражает историю, культурные ценности и мировосприятие людей. Поэтому текст перевода должен содержать максимально близкую по смыслу терминологию правовой системы страны. В тексте перевода также следует сохранить стилистику, синтаксические особенности и другие важные аспекты переводящего языка.

Профессиональная терминология также, безусловно, вызывает трудности при переводе юридических текстов. А. С. Киндеркнехт [2] считает, что именно интерпретация терминов той или иной системы права является основной трудностью не только для начинающих, но и уже практикующих переводчиков. Данную проблему не всегда удаётся решить при помощи двуязычных словарей юридических терминов, поскольку они не учитывают контексты, от которых зависит выбор варианта перевода. В таких случаях может помочь консультация и работа со специалистами в области права, анализ аутентичных документов, содержащих нужные термины для определения их лингвистического окружения и сочетаемости.

Трудность вызывают и терминологические лакуны: не всегда в языке перевода есть соответствующий термин или его эквивалент ввиду его отсутствия в юридической практике другой страны. В этом случае переводчику необходимо найти словесную конструкцию, которая наиболее точно передаёт смысл исходной фразы.

Помимо сложной терминологии, особенностью юридических текстов является использование устаревших слов, как например: *hereafter/hereinafter* (затем, далее), *hereby* (настоящим, этим), *herein* (здесь, при сём), *therein* (там, в том месте), *thereto* (туда, к тому), *wherein* (в котором (букв.: «где в»)) и т. п. Умение правильно употребить эти слова в переводе, а также правильно и точно передать их значение является необходимым качеством для профессионального переводчика [3].

А. М. Ключина [4] в своей работе пишет о том, что трудности, возникающие в процессе выбора трансформаций при переводе, чаще всего связаны с лингвокультурными различиями, разницей в отношении к явлениям и предметам. Автор также поднимает вопрос о важности контекста. Во время перевода юридического текста стоит уделять внимание не просто отдельным лексическим единицам, а словосочетаниям. Автор говорит об особом значении субстантивных словосочетаний по типу «имя существительное + глагол». Подобные словосочетания нужно переводить целостно, так как по отдельности они несут иной смысл, их значение приближается к одному слову.

На процесс перевода также влияет и степень юридизации текста. Н. Д. Голев [5] выделяет четыре степени юридизации разных типов текста. Первую степень юридизации имеют тексты с большим количеством специальной профессиональной терминологии, например, тексты законов.

Вторую степень юридизации составляют тексты о законоисполнении. К таким текстам можно отнести служебную переписку профессиональных юристов. Помимо терминологии, в них более часто встречаются фразы естественного языка.

Третья степень принадлежит текстам, составленным людьми, не являющимися специалистами права, однако такие тексты несут юридическое предназначение. В них наблюдается имитация стиля и лексики юридического языка.

Последнюю, четвёртую, степень имеют тексты, не функционирующие в сфере права, но относящиеся к ней по определённым причинам. Это тексты, содержащие лексику, которая подлежит лингвистической экспертизе в делах об оскорблении личности.

При переводе необходимо уделить внимание различным сокращениям. В зависимости от контекста сокращения трактуются по-разному. Важно уметь выбрать правильное соответствие. Например, в текстах, посвящённых уголовным или административным правонарушениям, можно встретить такие сокращения, как GBMI – *guilty but mentally ill* – виновный, но требующий принудительного психиатрического лечения в период отбывания срока исполнения наказания; ROR – *release on recognizance* – освобождение с подпиской о невыезде [6].

Сложность вызывает перевод слов, которые называют реалии, не существующие в культуре языка перевода, к ним можно подобрать соотносимые варианты перевода. А. В. Подстрахова [7] пишет, что в подобных случаях уместен буквальный перевод с применением переводческой нота-

ции. При переводе таких слов автор предлагает использовать приёмы компенсации, а именно перевод словосочетанием или введение переводческого комментария.

Основной особенностью языка юридических документов можно назвать манеру изложения материала. Это всегда чёткое повествование, в котором исключён эмоциональный аспект. В связи с этим возможно представить некоторые критерии приемлемого перевода юридических текстов. Во-первых, это точность. В тексте перевода должны быть отражены все позиции оригинального документа. Изложение материала должно быть сжатым, однако при этом оставаться ясным, передавая полноту лексики исходного текста. И, безусловно, перевод должен быть составлен в соответствии с литературными нормами языка.

Осложняет процесс и возможность по-разному интерпретировать тексты. Это выражается в омонимии и многозначности слов и конструкций предложений. О. В. Барабаш [8] в своей работе предлагает в качестве примера такого явления термин «life office», который может переводиться как «контора по страхованию жизни» или «пожизненная должность». Трудность также представляют собой атрибутивные группы-цепочки. Главное значение термина несёт последнее определяемое слово в цепочке. Автор предлагает алгоритм перевода подобных словосочетаний:

- а) определить, к какой части речи и к какому функциональному стилю относятся компоненты термина;
- б) выделить определяемое слово;
- в) проанализировать смысловые связи между компонентами, разделить их на смысловые группы;
- г) начинать перевод с определяемого слова, подбирая эквивалент для каждой смысловой группы.

Рассмотрим примеры использования трансформаций при переводе научных статей юридической тематики на материале научного журнала, в котором рассматриваются фундаментальные проблемы юридической науки.

Итак, главной задачей для переводчика является, в первую очередь, подбор эквивалента слова или термина в языке перевода. Например: аудит – audit, инфляция – inflation, собственность – property, налоговая база – tax base, криминализация – criminalization.

Описательный перевод также часто используется при переводе юридических терминов. Применяя данный приём, переводчик раскрывает значение лексической единицы, не имеющей эквивалента, с помощью описательной конструкции. Например, charge – напутственная речь судьи к присяжным; bail – временное освобождение под обязательство явки в суд.

Формулировки, характерные для юридического дискурса, можно перевести, используя трансформацию калькирования. Составляющие элементы слова (морфемы) или слова языка оригинала заменяются их лексическими соответствиями в переводящем языке. Например, правовое регулирование – legal regulation, Уголовный Кодекс – Criminal Code, юридическое основание – a legal ground, ограничение прав и свобод – limitation of rights and freedoms.

Лексико-семантические замены, такие как конкретизация и модуляция, также являются частотными способами перевода юридических текстов. В качестве примера применения конкретизации – замены единицы языка оригинала, употребляемой с более широким значением, единицей переводящего языка, имеющей более узкое значение, может послужить следующее: «affecting the importance – снижающих значимость», «new crimes – изменчивость преступности», «constant review – постоянное внесение изменений».

Приём модуляции, при котором словарное значение слова заменяется контекстуальным, позволяет сохранить смысл исходного термина: «deeds dangerous for the society and criminally liable are not recognized as such, it can lead to serious consequences...» – «непризнание преступными посягательств, имеющих общественно опасный характер и нуждающихся в уголовно-правовом регулировании, наносит серьёзный ущерб...».

При переводе текстов юридической направленности переводчику необходимо принимать во внимание как лингвистические, так и экстралингвистические факторы, определяющие специфику данного вида перевода. Выявление особенностей юридического текста важно для осуществ-



ления предпереводческого анализа. В процессе перевода наиболее часто используются такие трансформации, как замена и добавление.

Юридический перевод справедливо можно назвать актом межкультурной коммуникации, поскольку в процессе контактируют разные системы права, а также разные правовые культуры, несоответствия в которых приводят к проблемам юридического перевода [8].

ЛИТЕРАТУРА

1. Чепак, О. А. К вопросу о переводческих трансформациях при передаче юридического текста с английского языка на русский (на примере правовых документов) / О. А. Чепак // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 4. – С. 172-175.
2. Киндеркнехт, А. С. Особенности перевода юридических текстов / А. С. Киндеркнехт // Учёные записки Орловского государственного университета. Гуманитарные и социальные науки. – 2015. – № 5. – С. 123-127.
3. Мушнина, М. М. О правовой лингвистике в Германии и Австрии / М. М. Мушнина, // Юрислингвистика-5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права. – 2004. – № 5. – С. 19-32.
4. Ключина, А. М. Проблемы и способы перевода английских терминов в текстах юридического дискурса / А. М. Ключина, А. И. Здор // Поволжский педагогический вестник. – 2016. – № 3. – С. 54-59.
5. Голев, Н. Д. Юридизация естественного языка как лингвистическая проблема / Н. Д. Голев // Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии. – 2000. – № 2. – С. 8-40.
6. Сложности перевода юридических текстов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eldia.ru/perevod-yuridicheskikh-tekstov/> (дата обращения: 29.07.2018).
7. Подстрахова, А. В. Перевод юридического текста: проблемы лингвистической и межкультурной коммуникации [Электронный ресурс] / А. В. Подстрахова. – Режим доступа: <http://www.myluni.ru/journal/clauses/115/> (дата обращения: 30.07.2018).
8. Барабаш, О. В. Юридический текст: проблема интерпретации и перевода / О. В. Барабаш // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2013. – № 3. – С. 152-161.

Непечатова В. М.
V. M. Nepochatova

ЕДИНСТВО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

THE UNITY OF LANGUAGE AND CULTURE IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES

Непечатова Валерия Михайловна – аспирант Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (Россия, г. Комсомольск-на-Амуре); 681000, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Кирова, 17/2. E-mail: devalera9@gmail.com.

Ms. Valeria M. Nepochatova – a post-graduate, Amur State University of Humanities and Pedagogy (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681000, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 17/2 Kirova str. E-mail: devalera9@gmail.com.

Аннотация. Статья посвящена проблеме единства языка и культуры при обучении иностранным языкам. Рассмотрена классификация социокультурных компонентов Тер-Минасовой. На основании классификации представлены примеры, демонстрирующие тесную связь языка и культуры при обучении иностранным языкам.

Summary. The article is devoted to the problem of the unity of language and culture in teaching foreign languages. The classification of socio-cultural components of Ter-Minasovoy is presented in the article. The examples based on the classification are presented and demonstrate the close relation between language and culture in teaching foreign languages.

Ключевые слова: единство, язык, культура, обучение, иностранный язык.

Key words: unity, language, culture, tuition, foreign language.

УДК 81

В настоящее время большое внимание уделяется иностранным языкам. Это связано с тем, что в эпоху глобализации межкультурное общение становится инструментом, позволяющим установить хорошие, дружеские отношения между представителями различных культур. Однако для того, чтобы умело использовать иностранный язык в общении, необходимо не только изучать язык как таковой, но также и культуру его страны.

В данной статье поднимается проблема обучения иностранным языкам в тесной связи с культурой изучаемого языка. Неотъемлемой частью урока является изучение культуры той страны, язык которой преподаётся. Тер-Минасова писала: «Каждый урок иностранного языка – это перекрёсток культур». И это действительно неоспоримый факт, поскольку, изучая иностранный язык, мы опосредованно прикасаемся к культуре его страны. За иностранным словом скрывается не только его значение, но и представление его народа о мире. Очевидно, что различные культуры смотрят на мир по-разному, и это видение находит отражение и в языке.

Овладевая иностранным языком, учащиеся зачастую испытывают трудности в понимании той или иной грамматической категории. Продемонстрируем это на примере категории времени в русском и английском языках. В русском языке 3 вида времени, тогда как в классической грамматике английского языка их насчитывается 12. Данный пример демонстрирует то, как по-разному воспринимают русские и англоговорящие время как таковое и, конечно же, это находит отражение в языке. Поэтому, когда мы сталкиваемся с определёнными трудностями во время изучения иностранного языка, это свидетельствует о том, что мы пытаемся выйти за пределы своей культуры и познакомиться с новой, иностранной культурой.

Восприятие и понимание окружающей действительности по-разному отражены в различных культурах. Это находит выражение в национальных традициях, обычаях и др. К примеру, в русской культуре жилое здание обозначается лексемой «дом». В английской культуре лексема



«дом» имеет несколько значений. Дом – место, где вы живёте или жили («home»), и в этом значении слово «home» употребляется, когда мы выражаем эмоциональную привязанность к определённому месту. Ещё одно значение слова «дом»: дом – здание, в котором кто-то живёт («house»). В этом случае мы имеем в виду один из видов здания, в котором живут люди [3].

Рассмотрим несколько примеров:

Пример № 1.

Your house needs repairing.

Перевод: твоему дому нужен ремонт.

В этом примере лексема «дом» («house») употребляется в значении «чужой дом; то место, к которому мы эмоционально не привязаны».

Пример № 2.

Masha wants to go home.

Перевод: Маша хочет пойти домой.

В данном примере слово «дом» («home») употребляется в значении «свой, родной дом; место, к которому мы привязаны эмоционально».

Изложенные выше примеры наглядно демонстрируют то, что при переводе текста с одного языка на другой возникают трудности с лингвистической точки зрения. Таким образом, при обучении иностранному языку необходимо уделять особое внимание межкультурному аспекту для того, чтобы избежать не только речевых ошибок, но и недопонимания значений иностранных слов, так как конечной целью любого межкультурного взаимодействия является понимание и достижение гармонии между различными культурами.

Как упоминалось ранее, каждый урок – это перекрёсток культур. Отсюда следует вопрос: о каких культурных компонентах должны знать обучающиеся, осваивающие иностранный язык?

Тер-Минасова классифицирует культурные компоненты следующим образом:

1. Традиции, обычаи и обряды

Овладение иностранным языком как средством общения подразумевает не только знание этого языка, но и использование его в реальном общении с учётом особенностей культурного фона страны изучаемого языка. Для этого учителю (преподавателю) необходимо передавать обучающимся определённые страноведческие знания, включая традиции, обычаи и обряды иностранных людей – носителей изучаемого языка. Освоение обучающимися иностранного языка происходит гораздо глубже, если учитывается социокультурный компонент. Более того, изучая культуру и язык одновременно, учащиеся осваивают иностранный язык на более глубоком уровне.

2. Бытовая культура

При обучении иностранному языку важно учитывать повседневный, привычный уклад жизни людей. Специфичные культурные особенности прослеживаются в поведении, предметах быта людей – одежде, национальных блюдах, технологии приготовления пищи и т. д. Знания о культуре страны изучаемого языка помогут обучающимся не только духовно обогатить свою личность, но и позволят сформировать тесную связь с такой, казалось бы, для них чуждой культурой. При таком подходе к обучению у учащихся появляется эмоциональная привязанность к стране изучаемого языка, а вместе с тем появляется серьёзная мотивация к обучению.

3. Национальная картина мира

Конечно, изучая иностранный язык, невозможно в полной мере взглянуть на мир глазами другой, иной культуры, но приблизиться к этому в наших силах. Таким образом, при обучении иностранному языку необходимо учитывать менталитет, особенности мышления и сознания, характерные для народа страны изучаемого языка.

4. Художественная культура

Знание культурных ценностей помогает обучающимся получить всеобъемлющую картину о стране изучаемого языка. Литература, архитектура, музыка, кино и многое другое – всё это помогает нам получить фоновые знания, которые так важны при обучении иностранному языку [1].

Следует отметить, что преподавание иностранных языков на высоком уровне может быть достигнуто только с учётом социокультурного компонента. К примеру, учебная дисциплина линг-

вострановедение от лат. *lingua* – «язык» + страноведение позволяет обучающимся познакомиться с культурными особенностями страны изучаемого языка и, как следствие, у обучающихся формируется представление о традициях, бытовой и художественной культурах, менталитете и многом другом.

На уроках иностранного языка происходит знакомство обучающихся с конкретными проявлениями иноязычной культуры, что способствует более глубокому и осознанному пониманию этой культуры; в свою очередь, понимание позволяет избежать трудностей – культурных или языковых, с которыми могут столкнуться обучающиеся в процессе своей языковой практики [2].

С учётом вышеизложенного следует вывод о том, что при преподавании иностранного языка следует изучать культуру его страны. Более того, ознакомление обучающихся с культурой народа изучаемого языка при обучении иностранному языку повышает интерес у них к учебным занятиям, побуждает их к самостоятельности и творчеству.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – М.: Слово/Slovo, 2000. – 624 с.
2. Садохин, А. П. Межкультурная коммуникация / А. П. Садохин. – М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2004. – 288 с.
3. Такие интересные английские традиции и обычаи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://skyeng.ru/articles/takie-interesnye-anglijskie-traditsii-i-obychai> (дата обращения: 16.10.2018).

Авдеенко И. А.
I. A. Avdeenko

КЛЮЧЕВЫЕ ОБРАЗЫ ПОЭЗИИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

KEY IMAGES IN THE POETRY OF THE FAR EAST

Авдеенко Иван Анатольевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681000, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Кирова, 17. E-mail: iavdeenko@mail.ru.

Mr. Ivan A. Avdeenko – PhD in Philology, Associate Professor at the Department of Russian Language and Literature Studies of the Amur State University of Humanities and Pedagogy (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 17 Kirov str. E-mail: iavdeenko@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые образы-символы поэзии Дальнего Востока: лес, тайга, город. В результате анализа поэтических подборок журнала «Дальний Восток» за 2013–2017 гг. выявлено противопоставление ключевых образов леса (тайги) и города. Хотя и лес, и город понимаются как близкие человеку, символика леса связана преимущественно с жизнью, природой, а города – со смертью, цивилизацией.

Summary. The article deals with the key images-symbols of the poetry of the Far East: forest, taiga, city. As a result of the analysis of poetic collections of the magazine «Дальний Восток» for 2013–2017, the opposition of key images of the forest (taiga) and the city was revealed. Although the forest and the city are understood as close to man, the symbolism of the forest is mainly associated with life, nature, and the city – with death, civilization.

Ключевые слова: поэзия Дальнего Востока, ключевой образ, символ, лес, тайга, город.

Key words: poetry of the Far East, the key image, symbol, forest, taiga, city.

УДК 81; 82

Работа выполнена в рамках гранта Правительства Хабаровского края на реализацию проектов в области гуманитарных и общественных наук по теме «Ключевые символы дальневосточной поэзии как основа для эффективной социальной коммуникации»

Актуальность анализа ключевых образов поэзии Дальнего Востока определяется тем, что поэты своим творчеством выражают представления дальневосточников о крае, регионе, малой родине. Эти представления остаются на периферии социальной коммуникации, их содержание игнорируется ведущими социальными коммуникаторами, что приводит к формированию концептуального коммуникативного барьера: официозные штампы не воспринимаются жителями региона как изначально чужеродные. Целью работы, представленной в данной статье, является описание содержания основных ключевых образов-символов поэзии Дальнего Востока: леса, тайги, города. Следует отметить, что названный состав ключевых образов поэзии Дальнего Востока не является исчерпывающим и ограничен допустимым объемом публикации.

Центральным для дальневосточной поэзии образом-символом является лес, поскольку он встречается практически во всех подборках стихов журнала за пятилетний период [1].

Символ леса ассоциируется с множеством других ключевых образов Дальнего Востока. Например: «Я живу на окраине большой империи, / В нескольких километрах от моря, / В таёжной деревушке, / Запертой Высокими лесистыми хребтами. <...> И если идти точно на юг целый день, через сопки, / На груди которых дремлют тучи, / По заросшим таёжным тропинкам, то к вечеру / Можно прийти к морю (Марина Савченко «Приморье»). В данном примере символ леса, выраженный в производной номинации «лесистый», ассоциируется с морем, тайгой, деревней, хребтами, сопками, тропинками, тучами, образно представляющими пространство Дальнего

Востока – «окраины большой империи».

Ещё один пример: «Ни капли на душу, зато уж по рубашам – и реки в радугах, и в оханьках леса, и горы в ухах, и поляны в ахах... (Анатолий Кобенков «...Ни капли в рот, зато уж по усам...»). В этом примере символ леса ассоциируется с реками, радугами, горами, полянами как ключевыми образами дальневосточной природы.

Символ леса ассоциируется со снами, тайнами, сказками, преданиями: «Запахи трав лесных здесь навевают сны» (Илья Штуца «Деревянные песни»); «В тени таинственных лесов» (Марина Савченко «В тени таинственных лесов...»); «Я задобрю духов леса, / Духов неба и воды» (Мария Дечули «Обряд кормленья духов»); «Снег слежался будто войлок. Лес таинственен и светел (Ефим Гаммер «Сибирские реалии»); «Жар-птица воспарит, о детстве запоёт, / Кикимора всплакнёт, завоюют водяные, / Царевичи, цари, волшебницы лесные – / Все сказки на земле затеют хоровод! / Польётся пир горой, день ото дня вкусней» (Олег Сешко «Из детства в далеко...»); «Смотрят звери лесные на нас исподлобья, / Словно думая: были же божьи подобья, / Жили-были, любили, трудясь и надеясь, / Помним, были же люди! Куда они делись?» (Роальд Добровенский «Забастовка соловья»); «Курчавые, как вавилонские боги, они над землёю парили, / Над лесом, где красные сосны стояли, как будто полки ассирийцев у стен Вавилона» (Александр Куликов «Рэндзю на тему стихов Роберта Блая»); «Нам тьмою глухих и таинственных чащ / Совиная зоркость дана. / Тальник нам набросит невидимый плащ / И когти наточит сосна» (Андрей Бережнов «Амурский тигр»); «Треугольники тёмные елей, / Как печати темнеют вокруг, / В светлый лес их поставить успели / Канцелярии вечных наук» (Клавдия Матухина «Зелёное и голубое»); «Есть шкафы для скелетов, для чашек и для белья, / Где-то прячут любовников, где-то волшебный лес» (Ольга Олоу «Минус тридцать два»).

При этом символ леса связан с коммуникацией, разговором, передачей информации: «Здесь лес стеной – прибежище / Для обитателей таёжных. / Услышать можешь их многоголосье. / В нём речки говорливое ворчанье. / И вздох листов, и шелест тайный, / И запахов аккорд, птиц ликование, / И трав особое звучанье...» (Марина Савченко «Сихотэ-Алинь»); «В тени таинственных лесов, / В сени дерев, густой дубравы / Могучий шелест слышу справа, / А слева – эхо ваших слов» (Марина Савченко «В тени таинственных лесов...»); «Всё почему-то чаще подковкою звенит – и лес, и море; / И что ни молвится, всё выкликает горе, / И что ни скажется, отталкивает счастье...» (Анатолий Кобенков «...То дождику кивнув, то солнышку кивая...»); «Мы ехали, и всё окрест / готовилось к исходу света / И лес на сопке был оркестр, игравший шабаш из «Макбета» (Александр Куликов «Катрены на приход тайфуна Болавен»); «Шагни в лесок на перекур – / Заговорят с тобою листья» (Сергей Шубин «Лес»).

Семантика тайны и коммуникации связана в символическом значении леса с поэзией, словесным творчеством: «Хотя мишуток братия строга. / В таёжный мир – стихию Комарова – / Царапается лирики строка» (Петр Эхов «По следу Комарова»); «Я думала: жизнь – пенная ключа лесного песнь!» (Мария Дечули «Бабочка»); «В пляс пустилась луна, / задирая цыганский подол, / и весь лес загляделся / на голое лунное тело – / Нет, не зря прогремел / соловьиный весёлый глагол! <...> Мы с тобою оценим / цинизм оголённых полян, / Комариные жалобы – / музыку царства лесного, / золотое наследство / древян и полян, / скатный жемчуг / славянского слова» (Марк Богославский «Соловьиная ночь и утро сенокоса»); «Но сколько осилишь ведь, столько и пишешь пьес, / ищи свою сказку, их всяких здесь – завались. / А волк всё глядит и глядит в свой далёкий лес» (Лада Пузыревская «Тёмный лес»); «А стихи? Стихи – на ветер. Снег слежался будто войлок. Лес таинственен и светел» (Ефим Гаммер «Сибирские реалии»); «А лес, / пустой осенний лес, / так чуток к шороху и плачу, / что слово, обретая вес, больше бьёт... / но боль я спрячу» (Иван Шепета «Устал, озяб...»); «И, вспомнив об этом, Блай вспомнил стихи о тропинках, которые в жёлтом осеннем лесу расходились» (Александр Куликов «Рэндзю на тему стихов Роберта Блая»);

С поэтическим аспектом символики леса связано понимание его символической природы: «Безвестность – это тихое стремленье / Приблизиться к познанию небес, / Такое написать стихотворенье, / Какое оценил бы синий лес» (Александр Балтин «Безвестность и бесславье...»); «Они



ушли в геральдику, как в лес, и на монетах повернулись в профиль» (Майя Шварцман «В стране единорогов...»).

Лес символически противопоставлен цивилизации, городу. Отсюда мотив бегства: «И стучало в виски: / Не могу! Не хочу быть покорным! / Он к рябинам в тот лес. / Он отчаянно хлопал калиткой. / Но слепил его блеск высочайшей, всемирной политики» (Марк Богославский «Поэт и царь»); «От порога в лес уводят ноги» (Иван Шепета «У моря я лечь хочу...»); «Опротивело всё: торжества, надувание щек, / незаметный раскрой вертикалей по новым отвесам / да примерки величья, которое каждый берёт / для себя... Я сказал: покурить, и ушёл себе лесом» (Майя Шварцман «Ворошить ни к чему...»); «Пока возвращались, все только и говорили о выходке странной Гомера, который, когда все грузились в машины, вдруг взял и пошёл по тропинке в лесную чащобу» (Александр Куликов «Рэндзю на тему стихов Роберта Блая»); «Накрытый ноябрём, сырым и бурным, болеет, чахнет лес. <...> Запуган весь могучею заразой охотничий отряд. / Домой – к пилюлям, одеялам, газу – / небритые младенцы семят... / А город спит на каменной постели. <...> Не корчиться за кованой оградкой, а умирать, как Лес...» (Дарья Уланова «Перед зимой»); «В раннем детстве читали мы «Так говорил Заратустра» и бежали в леса, чтобы было о чём вспоминать (Игорь Муханов «Нарисуй, Хокусай, херувима российских распутий»); «Не пиши, пожалуйста, не маши, / я следы запутываю, и в лес» (Любовь Колесник «Я мешаю золото с серебром...»); «Внутри волшебной жизни не спрячешься навеки, / И надо уходить, как зверю в тёмный лес» (Дмитрий Овчаренко «На ледяном огне»).

Лес символизирует избавление, исцеление от болезней, бескорыстную помощь, прозрение: «Я столько лесов насадил, / Что стало теплей и спокойней» (Евгений Лебков «Сосновая сопка»); «Нам снились радужные дали / Без боли, пепла, – без войны. / И не могли мы наглядеться / На сень лесов, / На ширь полей» (Евгений Кохан «Концлагерное детство»); «О, солнце, дай и мне займы! / За подписью лесной букашки / Со счёта своего сними» (Игорь Муханов «Мой бизнес»); «Она говорит: я выращу для него лес. / А он говорит: зачем тебе этот волк?...» (Лада Пузыревская «Тёмный лес»); «Похожим став на этот лес – седым, / где в полдень снег на чёрных ветках тает, / я человеком стал – немолодым, / и мне не нот, а пауз не хватает» (Иван Шепета «Вверх по распадку неба свод белёс...»); «Не смотри, не смотри, а иди / в тёмный час, в заколдованный лес, / ведь едва остановимся мы, и под куполом здешних небес / не отыщут ни света, ни тьмы» (Сергей Попов «Апельсиновым лисьим огнём...»).

Ценность возможности бегства от цивилизации в лес и возможность исцеления определяются тем, что человек отождествляется с лесом, а лес – с человеком: «Внутри себя спокойнее. Там лес. / И попугая розовые перья, и поцелуй в 2007-м / (какая малость, а хотелось плакать)» (Евгения Баранова «Спокойнее»). Это тождество подкрепляется регулярными олицетворениями: «Мне только бы видеть бездонное небо, / Рассвет и с туманом флиртующий лес» (Виктор Хатеновский «С утра расцвела придорожная ива...»); «Дышит лес туманом влажным» (Виктор Брюховецкий «Грузди белые, как блюдца...»).

Однако бегство в пространство леса связано с непонятностью происходящего, мучением: «И мука мучает меня. / Брожу по лесу до рассвета, / Тону в тумане золотом. / Но всё, что есть, уже не это, / И всё, что помнится, не то» (Михаил Анащенко «Ещё раз про волков»); «И всё теряло смысл и вес, выламывалось из тенёк и рамок. / Как будто шёл Бирнамский лес войной на Дунсианский замок (Александр Куликов «Катрены на приход тайфуна Болавен»); «Вызрел кабак забродившими лицами, / Как заплутавшие дети в лесу, / Пальцы бродили у пианиста (Кирилл Алейников «В рубище рифм»); «Я видел, как паряще вылетал он, / Зеленокрылый лиственничный лес. / И нет стволов, и нет корней державных <...> И всё летит, летит, не улетая, / зеленокрылый лиственничный лес» (Евгений Лебков «Летящий лес»); «Но растёт-золотится / Мой лесок молодой. / И шумит-веселится, / И парит над землей (Евгений Лебков «Молодой Бор»); «Я обожаю росные поля и уважаю грозные леса...» (Диана Кан «Там, где вставали в полный рост хлеба...»); «Что за далью синего леса / ждёт меня?...» (Антонина Спиридонова «Вечерами зимними...»); «И до меня ужасались / Стонущей бездне небес, / И до меня погружались / В неувядаемый лес» (Марина Комар «Парижская нота»).

Эта непонятность леса ведёт к ощущению его отсутствия, призрачности: «Где ж вы, где ж вы, леса медвежьи / Над плескучей от рыб рекой? / А лесов уже нет в помине (Алексей Крестинин «В зоопарке такому зверю...»); «Этот мир – тот же лес, / обнесённый колючей железкой, / с пылесосом у входа и с бубном шамана в кустах, / где на ветке сухой всенародный сидит Достоевский, / ну а Гоголь смешит, / наступая на собственный прах (Игорь Муханов «Нарисуй, Хокусай, херувима российских распутий»); «Дробный пригород дремлет лицом к стене / леса, вросшего в окаменевший ил» (Сергей Попов «Дробный пригород дремлет лицом к стене леса...»).

Лес символизирует не только добровольный, но и насильственный уход от действительности: «И кто придёт на выручку, когда готовит Родина / Одним под сердцем дырочку для пули и для ордена, / Другим – лесные просеки, тюремные свидания, / А рыжему Иосику – особое задание...» (Игорь Царев «Бродскому»); «Вижу, человек несёт свой крест, / Крытый золотом обжигающим, / Освещающий каждый чёрный лес / Да ослепляющий <...> Вижу, человек несёт свой крест, / А на кресте – человек. / Битый убитого везёт через дикий лес, / Через строй калек» (Сергей Денисенко «Пролог»).

Соответственно, лес может отторгать человека: «Вздулись жилы под корой деревьев – / Тяжелы рогатины ветвей. / Звёзды метят прямо в подреберье / Лезвиями кованых лучей. / Лес застыл, косматый и зловещий, / Разразившись гулкой тишиной (Кирилл Алейников «Небесная охота»).

Аналогичное лесу символическое значение приобретает в дальневосточной поэзии тайга. Например: «И, просторы осилив, над тайгой расстилало загадочный дым. / Эх, сойти б с эшелона на маленькой станции и туда б, в эту синь, без путей и дорог!» (Александр Дракохруст «Синие сопки»); «Когда по стенам силикатным / Стекают мутные дожди, / О, как нам хочется обратно / В тайгу привольную уйти!» (Сергей Сутулов-Катеринич «Интермедия вторая. Финал»). В приведённых примерах с символом тайги ассоциируется желание уйти от цивилизации. Но этот уход так же, как и в случае с лесом, соединён с опасностью неприятя: «А позже, раздув дымокур и глотая «Столичную», / Себя материли на кратком привале в логу: / Какого, мол, чёрта попёрлись из быта привычного / В заплывшую эту, в недобрую эту тайгу?» (Александр Дракохруст «Я всё это помню»); «Я – тигрица из пади кедровой <...> Так померимся силой на сцене здесь, в тайге, где призов не дают» (Мария Дечули «Я – тигрица из пади кедровой...»); «Ты обходишь меня стороною. <...> Дрожь по телу, ухватки – кошачьи. / Здесь, в тайге, тесновато вдвоём» (Мария Дечули «Ты обходишь меня стороною...»).

В следующих примерах актуализируется семантика коммуникативной наполненности: «Шёл состав, монотонно качаясь, / прошивая дождливую тьму, / и гудки над тайгою звучали, / как призыв неизвестно к кому (Юрий Ковалев «Гроза над Сибирью»); «Как будто били здесь чечётку бойко, / И пели про смолистую тайгу (Клавдия Матухина «Накануне»).

В следующих двух примерах тайга наделяется целительной силой: «Понесу по тайге королевой – / Принимайте хозяйку, зверьё! / <...> Ну, откликнись же, эхо моё! / Привезу из любого далёка, / От любого греха отмолю, / Жизнеспособной кедрового сока / От болезни любой исцелю» (Владимир Квашнин «Таёжная»). Эта целительная сила распространяется тайгой и на город: «Тайга – она из года в год шлёт в город / Цветы и травы от своих щедрот» (Лада Магистрова «Час пик»).

Однако при наличии сходного с лесом олицетворения тайга представляется в образах людей (шаманки, матушки): «По тропам шаманки-тайги / Посланец не нашего мира идёт, / не надев сапоги» (Мария Дечули «Инопланетянин»); «И над спасённой матушкой-тайгой / Полночный сыч светло заголосил» (Евгений Лебков «Встречный пал»).

Противопоставлен лесу и тайге образ-символ города. Следует отметить, что дальневосточные поэты упоминают в своих произведениях различные города, однако их объединяют общие свойства, характеризующие символическую семантику города.

В подавляющем большинстве случаев (и это противопоставляет город лесу) город понимается как агрессивная, враждебная, не предназначенная для жизни среда: «А город всё хрипит в автоудавке» (Михаил Асламов «Облака – как бинты неумелые...»); «Наш город утонул в пыли»



(Галина Горбатенко «Смотрю на небо – самолёты»); «Отравлен город сворой негодяев» (Виктор Хатеновский «Стучится ночь в оконное стекло...»); «В городе выживают / Всеядные. / Мрак фирменных камер / Пыхает из упаковок...» (Петр Эхов «Азбука древняя – трескать Юколу...»); «Проклятье города большого» (Иван Шепето «Проклятье города большого»); «Город общажный, в себе обособленный, / Пёс подгаражный породы озлобленной» (Олег Сешко «Венчиком тучи...»); «В этом городе сдавленный воздух глотают кусками. / Здесь собачий мороз» (Дарья Уланова «Собачье»); «Какой задавлены усталостью / Больные эти города!» (Сергей Сугулов – Катеринич «Интермедия вторая. Финал»).

Специфическим фактором враждебности является зима, регулярно сопровождающая в дальневосточной поэзии упоминание города: «Будет город обнажённый / В глубине снегов тонуть» (Марина Самаркина «Просто жизнь...»); «А город замело по всем законам жанра» (Марина Самаркина «Сосульки в феврале неистово рыдали...»); «И стал декабрь над городом» (Лада Пузыревская «Обнять и плакать»); «Заснеженный город устало / Готовится спать» (Вадим Воеводин «Заснеженный город...»).

Семантика враждебности, агрессивности связана со стремлением выйти за его пределы (как было указано выше, основным направлением выхода является лес): «Из города опять уходит поезд, / Они здесь никогда не остаются» (Лада Пузыревская «Молчать по-русски»); «Каждый раз уходит из города, / память которого – щелочь, / разевшая горло и спину» (Дарья Ярош «Каждый раз уходит из города...»). При этом возможность выхода за пределы города обеспечивается его непосредственным соседством с лесом, тайгой, рекой: «Тайга – она из года в год шлёт в город / Цветы и травы от своих щедрот <...> И на полянах тех играют дети, / воображая, что они в лесу» (Лада Магистрова «Час пик»); «Мой рассветный город зелёными протоками бульваров течёт к реке <...> Река добра! Она весь город поит и кормит рыбой» (Лада Магистрова «Час пик»); «А на западе, вдоль по берегу – огоньки во тьме, полотно полей, город-запонка в рукаве реки» (Майя Шварцман «Пристегнув ремни...»).

Вместе с тем город понимается как нечто родное, близкое человеку: «Привычно замедляет ритмы дня мой город – / точка малая на глобусе, моя судьба, Вселенная моя» (Лада Магистрова «Час пик»); «Я вышел из дома, и город во мгле / Был самым родным для меня на Земле» (Михаил Мезрин «Ночной город»); «Это город мне дарит последний шанс / К тем вернуться, кого люблю» (Андрей Земсков «Портовый шум»). Эта близость проявляется в олицетворениях, подчеркивающих общность человека и города: «Приморский город на ветру знобило» (Валерий Скобло «Всё снился город...»); «А город спит на каменной постели» (Дарья Уланова «Перед зимой»); «А город поймёт и простит» (Татьяна Шепелева «Эпистолярное»).

Общность человека и города соотносится с представлениями об идеальном городе: «Я вновь отстрою города, / Восстановлю дома и улицы / И заселю их только добрыми / И только честными людьми» (Елена Соснина «Утопическая мечта»); «Тихо шуршит сонный город там за стеной, / Где все печали оставлены и позабыты!» (Светлана Камушкова «Осенние лисы...»); «Мой невидимый город спит над верхушками фонарей. / Я мечтаю всерьёз вернуться туда поскорей» (Илья Штуца «Мой невидимый город»).

Сопряжение семантики враждебности, отторжения и общности, сходства, идеализации приводит к представлению о совмещении в понимании сущности города противоположностей: «Мой город – он прожжён, прокурен, пропит <...> / Мой город – он прославлен очень зло строкой стихов и непечатным словом <...> Столичные мужи в речах своих / Его не раз изящно костерили. / Но этот город знает больше них; он много лучше, чем о нём твердили и продолжают... <...> В суровости своей он очень прост <...> Возводит храм, чтоб быть поближе к людям. / Он любит нас, он нами дорожит, / Он – как ребёнок. Обижать не будем?» (Татьяна Дудникова «О городе»); «Мы вышли из города, полного смутной печали и ясных надежд» (Лада Пузыревская «Брат»); «Проболтавшись в городе большом <...> Что тут скажешь, тело-то согрето, / Только вечно холодно душе» (Светлана Супрунова «Преет сено в скирдах залежалых...»). При этом выделяется противоречие коммуникативной, текстовой природы города и глухоты/немоты. С одной стороны: «Рассветный город кажется мне книгой <...> Читаю город...» (Лада Магистрова «Час пик»); «Ветром-книгочеем

до дыр зачитан города талмуд» (Олег Горшков «Мальчик Мотл»); «Любовь разрасталась и <...> хлынула в город горячкой стиха» (Майя Шварцман «Приятно туристом бродить наугад...»); с другой стороны: «Мне ходить бы по городу с бубном, / На чужую гадать судьбу, / Только, видишь ли, в месте людном / Я и слова сказать не могу...» (Ирина Манина «Мне ходить бы по городу с бубном...»); «Жил в городском захолустье один неизвестный поэт. / Искал он в словесном искусстве на вечные темы ответ. / Собравши наличные деньги, он сборник сонетов издал. / Но все были заняты делом, а книжек никто не читал» (Владимир Губин «На вечную тему»); «Весь уснувший город – комната твоя... / Тему для беседы мы не ждём, не ищем: / Тема для молчанья может быть своя» (Елена Литвинова «Ночное чаепитие»).

Таким образом, ассоциирующийся с множеством других образов-символов Дальнего Востока лес связывается со снами, тайнами, сказками, преданиями и, соответственно, коммуникацией, разговором, что в совокупности актуализирует связь леса с поэзией, словесным творчеством. Символизируя избавление, исцеление, бескорыстную помощь, прозрение, лес побуждает человека к бегству из города, которое сопровождается непониманием и отторжением. Аналогичное символическое значение имеет в дальневосточной поэзии тайга. Город понимается в большинстве случаев как агрессивная, враждебная для жизни среда, побуждающая к выходу из неё. Эта возможность обусловлена непосредственным соседством города с лесом, тайгой, рекой. Как лес, так и город понимается как нечто родное, близкое человеку; человек отождествляется как с тем, так и с другим, однако семантические доминанты этих ключевых образов-символов различны: если доминанта леса – жизнь, то доминанта города – смерть.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дальний Восток: литературно-художественный журнал. Хабаровск, 2013–2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://litjournaldv.ru/index.php/archive>.



Александрова А. Д.
A. D. Alexandrova

1917: ПОИСК СИМВОЛОВ «НОВОЙ КУЛЬТУРЫ»

1917: SEARCHING SYMBOLS OF «NEW CULTURE»

Александрова Анна Дмитриевна – аспирантка Российского государственного гуманитарного университета (Россия, Москва); 125993, г. Москва, Миусская площадь, д. 6, стр. 1; тел.: + 7 (926) 960-71-40. E-mail: alexaann007@yandex.ru.

Ms. Anna D. Alexandrova – a postgraduate student, Russian State University for the Humanities (Russia, Moscow); 125993, Moscow, Miusskaya square, 6, p. 1; tel.: + 7 (926) 960-71-40. E-mail: alexaann007@yandex.ru.

Аннотация. Статья посвящена одной из загадочных тем – теме Великой русской революции; 1917 год был ознаменован не только изменением исторического процесса, приходом нового правительства к власти, но и внедрением «новой культуры». Приход «новой культуры» маркировался принятием новых ценностей и символов. Новые символы приобретали статус официальных и ознаменовывали переход в «новый мир».

Summary. The article is devoted to one of the mysterious themes – the Great Russian Revolution; the year 1917 was characterized not only by a change in the historical process, the coming of a new government to power, but also by the introduction of a «new culture». The arrival of the «new culture» was marked by the adoption of new values and symbols. New characters acquired the status of official and heralded the transition to the «new world».

Ключевые слова: Великая русская революция, 1917, «новая культура», идеология, символы, художественная культура.

Key words: The Great russian revolution, 1917, «new culture», ideology, symbols, art culture.

УДК 008:94(470)

Великая русская революция 1917 года – особый период в развитии культуры России XX века. Он положил начало не только приходу новой власти, но и внедрению «новой культуры». Любая власть маркируется определённым набором символов и знаков, наиболее полно отражающих её тематику и специфику. С приходом новой власти появляются и новые символы. Это и произошло в культуре России в 1917 году, когда остро встал вопрос о «новом мире».

Затрагивая исторический контекст смены парадигмы, Россия начала XX века переживает сразу несколько потрясений. Наряду с революционными восстаниями страну раздирали и кровопролитные войны. В 1914 году началась Первая мировая война, которая ослабила экономическую и социальную ситуации в стране. К моменту подписания Николаем II манифеста 1917 года об отречении от престола Россия пребывает в глубочайшем кризисе. Огромные потери, понесённые в результате Первой мировой войны, кровопролитные войны, растущее недовольство политикой царя, голод, массовые восстания и шествия, чётко организованная революционная пропаганда сделали невозможным подавление восстания силой, как это удалось в прошлый раз – 9 января 1905 г. (Кровавое воскресенье). И, наконец, подписание манифеста об отречении царя от престола и создание Временного правительства подтвердили факт свержения действующего режима с помощью революции.

Известный историк С. С. Ольденбург в своей работе «Царствование императора Николая II» писал о том, как 9 января стало «политическим землетрясением» и началом русской революции [9]. В мемуарах Троцкого встречается описание всей ситуации угнетения властью и призыв к активным действиям через демократическую программу [11]. Революция представляется как единственный выход в достижении поставленных целей. Для того чтобы показать народу, в чём смысл такой власти, была развернута целая акция, доказывающая, что ведение войны и вся напряжённая ситуация в целом были направлены только на спасение самодержавия. Появляются религиозные

организации, признающие, что единственное верное решение спасти Россию – совершить революцию.

Идеология 1917 года была направлена на разрушение старых устоев и установление новых порядков. С приходом к власти большевиков и победой Великой русской революции радикально меняется культура России XX века. Нигилизм, отказ от христианских ценностей, атеизм – вот основы «новой культуры» и «нового мира» [2]. Эти направления отражали идеологию и становились «неофициальной» властной символикой (официальные символы – красная звезда, серп и молот).

Рассмотрению понятия «нигилизм» и феномену отказа от христианских идей Н. А. Бердяев отдельно посвятил несколько своих работ [3]. Основными «носителями» нигилизма в России во времена революционных движений выступали в первую очередь те, кто призывал к активным действиям [6]. Революционный путь, путь террора и убийства, выбранный революционерами, призывал к быстрым и кровавым мерам, к разрыву с историческим временем и православными ценностями. Н. А. Бердяев характеризовал революции как «суд над историческим христианством...» [4].

Отказ от христианских ценностей и последующая за ним идея атеизма в культуре России XX века связаны в первую очередь с покушением на царя и впоследствии с антирелигиозной пропагандой. Покушение на царя означало не столько подрыв режима и власти, сколько попытку «посягнуть» на Бога и на христианские ценности (царская власть в XIX – начале XX века строилась по такому же принципу, что и при Петре I). Таким образом, мы можем говорить о зарождении атеистических идей в обществе. Известный русский философ Г. П. Федотов в своей работе [12] писал о всеобщей безграмотности, роли церкви, заниженных требованиях к подготовке специалистов, принципе равенства и т. д. В главе, посвящённой положению церкви, анализируются взаимоотношения между властью и церковью в 1920-х годах. Он пишет о гонениях на церковь, об обезличивании и о попытках её ослабить; отмечает, что лояльность во взаимоотношениях нынешней власти и церкви на самом деле не более чем политическая игра [12].

Изначально светская символика маркировала не только новую власть, но и являлась ориентиром для нового, светского государства. Идея партикуляции культуры на светскую и религиозную, а также разлом культуры на старую и новую культуры не нова. Первопроходцем данной идеологии можно назвать Петра I. Благодаря внедрению символов и эмблем в широкий обиход, Пётр I не просто смог укрепить свою власть и престиж России на международной арене, но и укрепить своё положение как монарха [7] (начиная с XVII века, власть монарха представляла собой высшую силу, а во время правления Петра I монарх – наместник Бога на земле). Идеи секуляризации культуры (светская и религиозная) и сакрализация власти – новые реформы того времени. Символы стали использоваться в визуальном контексте и теперь не только маркировали «новую культуру» и новую власть, но и становились своеобразным проводником в «новый мир». Радикально меняется положение символов и эмблем после 1917 года [1].

Строится «новый мир», но уже без царя и самодержавия [8]. «Новая культура» не до конца разрушила старый мир, но существенно упростила понимание всех вещей, при этом сначала активно использовалась религиозная тематика для продвижения новой идеологии. Вот примеры тех лозунгов, которые стали появляться после 1917 года: «Кто не работает, тот не ест» – лозунг В. И. Ленина, заимствованный из Библии: «Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (Второе послание св. Апостола Павла к Фессалоникийцам); «Мы не рабы, рабы не мы» – лозунг 1919 года, использовавшийся на страницах первой азбуки. В данной фразе скрывается сразу несколько подтекстов: во-первых, по Библии человек – раб божий, а во-вторых, одна из главных пропагандистских идей коммунистов – образование – всем, независимо от происхождения и социального статуса каждого. «Религиозное воспитание есть преступление против детей» – призыв 1920-х годов к фанатичному атеизму.

Важным явлением стало активное привлечение детей на всевозможные демонстрации. Почему это было сделано? Ответ простой: новое правительство стремилось распространить свою идеологию и воспитать «нового человека». Воспитание этого «нового человека» решили начать с детского возраста. Для этого был сделан очень интересный ход. Вся литература дореволюционного периода должна была полностью исчезнуть из школьной программы, и на её место должна



была прийти «новая» литература», целью которой было воспитание правильного человека. Этот план получил самое широкое распространение после 1924 года.

Следующий шаг – зарождение повседневных и официальных символов. Внедрение новой культурной программы революционным путём – это, прежде всего, насильственная смена власти и политического режима в символическом оформлении. Символами такого обобщения революционной воли народа стали: звезда, серп и молот (официальные), фигуры рабочего и крестьянина, нигилизм, атеизм (повседневные) и т. д. Они были призваны маркировать те силы, благодаря которым стал возможен Октябрьский переворот и которые отныне выступали не только как своего рода «память жертв самодержавной власти», но и как основа будущего советской России, а вместе с ней и всего мира.

Среди неофициальных символов можно было выделить образы революционного героя и свободного человека, пахаря и сеятеля, фигуры рабочего и крестьянина, «новый мир» и т. д. Они широко использовались в художественной культуре, обыгрывая не только действительность и культуру повседневности, но и формируя новую реальность.

Например, на плакатах 1918–1920-х годов можно проследить, как менялась жизнь после революции. В тематике ранних плакатов (до 1920 года) можно выделить следующие сюжетные линии: критика царского режима, прославление итогов пролетарской революции и формирование образа нового героя.

После 1920-х тематика плаката «поворачивается» в сторону демонстрации обустройства послереволюционного мира и повседневной жизни «нового человека». Плакат «До Октября. 1917. После Октября» (художник С. Мухарский) разделён на две части. Первая часть, как видно из названия, повествует о жизни до революции 1917 года: крестьянки и крестьяне страдают от налогов и произвола со стороны господ или полиции. Женщины не заняты трудом, так как не могут оставить детей одних. В свободное от работы время мужчины сидят в небольшом помещении и употребляют алкогольные напитки. Жилище – небольшое деревянное строение. Противоположная картина наблюдается на второй стороне плаката: изображены специальное учреждение для детей, которых не с кем было оставить работающим родителям в прошлые времена; помещение, в котором сидят мужчины, обучающиеся грамоте; ярмарка, организованная мастерами в свободное время, где демонстрируются их изделия и где можно приобрести различные товары; комфортабельные строения – жилища для трудового народа. И, самое важное – образ крестьянина: до революции – угнетённый человек, носящий рваные и грязные вещи, а после революции видим опрятно одетых, чистых, воспитанных и счастливых людей, забывших про пьянки и драки.

Обе композиции объединены идейным символом революции – крестьянином, в руках которого не серп и молот, как было раньше, а оружие, благодаря которому он смог отстоять свои права и стать свободным.

Проблематике крестьянских и рабочих вопросов уделялось особое место и в творчестве философов. В работе «Истоки и смысл русского коммунизма» Н. А. Бердяев изобразил крестьян угнетёнными людьми, чьи интересы никогда не учитывались. Нерешённость аграрного вопроса и уничижительное отношение власть имущих к народу подтолкнули его к решительным действиям. Рабочим отводилась задача «решать чисто экономические задачи» [4]. К таким же выводам приходит и Ф. Степун, говоря об идеях революции и «раскрепощении рабочей массы» [10]. К аналогичным выводам приходил и Г. Федотов, говоря об особой силе в лице рабочего класса [12]. Таким образом, происходит выделение фигур крестьянина и рабочего как основных представителей русской революции, как её символов.

На приведённых плакатах мы видим шапку на голове крестьянина с изображением красной звезды. Звезда становится символом Советской Армии. «Советские войска изначально именовались Красной гвардией. Затем Рабоче-Крестьянской Красной Армией. Присягали красноармейцы Красному знамени» [13]. Существует много версий относительно того, почему именно пятиконечная фигура стала эмблемой власти. Это и отсылка к Французской революции («марсова звезда», символ бога Марса), и ориентир на западный образец и т. д. Однако, несмотря на эти версии, именно в трудах философов русского зарубежья мы можем найти наиболее полное описание зна-

чения данного изображения. Н. Бердяев в «Новом Средневековье» пишет следующее: «Ориентироваться в русском коммунизме можно лишь по звёздам» [5]. Однако в данной работе автор говорит не о звезде как о западном образце, не о библейском смысле (например, о Вифлеемской звезде, которая привела волхвов к Младенцу Христу) и не о небесном месте (понятие места в соответствии с религиозной доктриной). Речь идёт об особом отличительном признаке, который маркирует понятия «свой» и «чужой». Так как Красная звезда – символ революции и армии, то символика маркирует идеологического представителя «новой культуры», новой власти.

Ещё одними «отличительными» символами того времени стали серп и молот – символы крестьян и рабочих (символы объединения под одним общим началом). Молот всегда ассоциировался с ремеслом, а серп – с полем и крестьянскими работами. Вместо обычного художественного оформления серп и молот приобретают черты идеологии новой власти и становятся символами «новой культуры». Серп и молот – успешно реализованный политический проект по объединению революционной идеологии и новой власти: перекрещенные серп и молот – аллегория на христианский сакральный символ – крест. Но в христианстве крест – это символ страданий и терпения, а для социалистического мира перекрещенные орудия труда – символ единства рабочих и крестьян, всех трудящихся и знак победы труда над капиталом. Замена креста на эмблему продолжила тенденцию по распространению атеистических идей в обществе.

Рядом с серпом и молотом на гербе 1922 года изображался и земной шар, символизировавший территориальное распространение идей коммунизма, новой идеологии. Он – символ единства всех наций, всех культур, входящих в состав нового правительства, принявшего идеи коммунизма.

Несмотря на всю важность, значимость лозунгов советского правительства и идеи, которые они пропагандировали, в результате мы наблюдаем становление диктатуры с отсутствием свободы выбора, с существенным спадом культурной составляющей, где сознание каждого должно быть подчинено общей идеологии.

В заключение отметим, что та революционная программа, которая была задумана и воспроизведена, имела огромный успех и была направлена не только на установление нового порядка, но и на продвижение уникальной идеологии, полностью вытеснившей церковь из жизни общества и ориентировавшей рабочего человека на партийность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белый, А. Символизм как миропонимание / А. Белый. – М.: Республика, 1994. – 568 с.
2. Бердяев, Н. А. Духовные основы русской революции / Н. А. Бердяев. – М.: АСТ; Хранитель, 2006. – 116 с.
3. Бердяев, Н. А. Духовный кризис интеллигенции / Н. А. Бердяев. – М.: Канон+, 1998. – 396 с.
4. Бердяев, Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев. – М.: Наука, 1990. – С. 59, 108.
5. Бердяев, Н. А. Новое средневековье / Н. А. Бердяев. – М.: Канон+; Реабилитация, 2002. – 446 с.
6. Бердяев, Н. А. Русская религиозная психология и коммунистический атеизм / Н. А. Бердяев. – Париж: YMCA-Press, 1931. – С. 49.
7. Лотман, Ю. М. История и типология русской культуры / Ю. М. Лотман. – СПб.: Искусство Санкт-Петербурга, – 2002. – с. 586.
8. Одесский, М. П. Поэтика власти: тираноборчество, революция, террор / М. П. Одесский, Д. Фельдман. – М.: РОССПЭН, 2012. – 263 с.
9. Ольденбург, С. С. Царствование императора Николая II / С. С. Ольденбург. – М.: Центрполиграф, 2016. – 654 с.
10. Степун, Ф. А. О свободе // Новый Град [Электронный ресурс] / Степун Ф. А. – Режим доступа: http://www.odinblago.ru/noviy_grad/13/2.
11. Троцкий, Л. Д. Сочинения. В 12 т. Т. 2. Ч. 1. Наша первая революция / Л. Д. Троцкий. – М.: Госиздат; Л.: Госиздат, 1925. – 674 с.
12. Федотов, Г. П. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры [Электронный ресурс] / Г. П. Федотов. – Режим доступа: <http://itexts.net/files/pdf/fedotov-georgiy-sudba-i-grehi-rossii-33734.pdf>.
13. Фельдман, Д. М. Терминология власти: советские политические термины в историко-культурном контексте / Д. М. Фельдман. – М.: РГГУ, 2006. – 486 с.



Брейтман А. В.
A. V. Breitman

ЗАБОЛОЦКИЙ И ПЛАТОНОВ: ПОЭТИКА МИФА

ZABOLOTSKY AND PLATONOV: THE POETICS OF MYTH

Брейтман Анастасия Викторовна – кандидат филологических наук, методист Краевого центра образования (Россия, Хабаровск); 680023, Хабаровский край, г. Хабаровск, ул. Морозова Павла Леонтьевича, 92Б; тел.: + 7 (4212) 47-36-01; доцент кафедры литературы и журналистики Педагогического института Тихоокеанского государственного университета (Россия, Хабаровск); 680000, Хабаровский край, г. Хабаровск, ул. Карла Маркса, 68; тел.: + 7 (4212) 30-45-04. E-mail: really.19.70@mail.ru.

Ms. Anastasia V. Breitman – PhD in Philology, Methodist for the Regional Education Center (Russia, Khabarovsk); 680023, Khabarovsk Territory, Khabarovsk, 92B Morozov Pavel Leontievich str.; tel.: + 7 (4212) 47-36-01; Associate Professor, Department of Literature and Journalism, Pedagogical Institute of the Pacific State University (Russia, Khabarovsk); 680000, Khabarovsk Territory, Khabarovsk, 68 Karl Marx str.; tel.: + 7 (4212) 30-45-04. E-mail: really.19.70@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматриваются художественные формы воплощения мифологического сознания в творчестве Н. Заболоцкого (поэмы 1930-х гг. «Деревья», «Птицы») и А. Платонова (повесть «Котлован»), воплотивших в своих произведениях революционный миф. Образы очеловечивающихся животных и растений могут быть интерпретированы как результат сплава коммунистического мифа и идей русского космизма. Выявляются такие способы реализации индивидуального мифа в поэзии Заболоцкого, как жанровый синкретизм, модель метаморфоз, жанрово-стилистические элементы древнеаттической комедии, античной эпической поэмы, идиллии и элегии. Парадоксализм мифологизма Платонова – следствие глубокого конфликта между сознанием и подсознанием автора, а образы разумных животных отражают противоречия между авторской интенцией и читательским восприятием.

Summary. The article examines the artistic forms of the mythological consciousness embodiment in the works of N. Zabolotsky (poems of the 1930s «Trees», «Birds») and A. Platonov (the story «The Pit»). Platonov and Zabolotsky embodied a revolutionary myth in their works. The images of humanized animals and plants can be interpreted because of the fusion of the communist myth and the ideas of Russian cosmism. The author of the paper reveals such ways of realizing an individual myth in Zabolotsky's poetry as genre syncretism, a model of metamorphosis, and genre-stylistic elements of ancient comedy, an ancient epic poem, idyll and elegy. The paradoxicalism of Platonov's mythology is a consequence of a deep conflict between the consciousness and the subconsciousness of Platonov. Images of intelligent animals reflect the contradictions between the writer's intention and the reader's perception.

Ключевые слова: миф, утопическое сознание, революционный миф, мифопоэтика, метаморфозы, эволюция, древнегреческая литература, образ медведя-молотобойца.

Key words: myth, utopian consciousness, revolutionary myth, mythopoetics, metamorphosis, evolution, ancient Greek literature, image of the bear-blacksmith.

УДК 82-31

В наше время многие, казалось бы, незыблемые научные подходы перестают быть универсальным средством объяснения сложных явлений действительности. Между тем миф – этот «устаревший» способ интерпретации реальности – вновь востребован. К нему обращаются не только различного толка современные «маги» и «чародеи», но и весьма серьезные учёные. Возникновению и бытованию множества новых, видоизменённых форм мифотворчества активно способствуют современные (в первую очередь, политически ангажированные) масс-медиа. А о глобальном влиянии глобальной сети Интернет нужно говорить всерьёз и отдельно.

Традиционно литературоцентричной и многоэтничной русской интеллигенции (а она, несмотря на многочисленные объявления о её смерти, безусловно, существует), являющейся, среди прочего, наследницей, а нередко и *жертвой* утопического сознания прошлого века, важно с позиций исторической дистанции подвергнуть анализу мифологический компонент творчества художников и мыслителей XX века, воплотивших в своих произведениях извечную мечту *о революционном преобразении мира*. Осмысление недавнего прошлого – важный шаг на пути самопознания.

Искусство и литература России начала XX века испытали мощное влияние идей революционного преобразования мира. *Революционное сознание* писателей и художников, парадоксально объединяя марксистско-ленинские постулаты с идеями русского космизма, порождало своеобразный *эволюционный миф*. Идея очеловечивания, одухотворения и *обожения* природы, по-разному преломляясь в художественном творчестве, присутствует и в картинах Филонова («Коровницы», «Лошади»), и в поэзии Заболоцкого («Птицы», «Читайте, деревья, стихи Гесиода!», «Лицо коня»), в прозе Платонова. Глубоко ощущая родство человека и всего живого, Заболоцкий и Платонов вслед за русскими философами верили, что миссия человека – помочь миру растений и животных выйти на новый уровень бытия: *люди – учителя, а животные и растения – талантливые ученики, идущие рука об руку с человеком по пути мировой эволюции*. «Зайцы и птицы садятся за парты!», «Берёзы, вы школьницы!» – восклицал Заболоцкий.

Какое же место получают идеи эволюции (одухотворения, очеловечивания) животного-растительного мира, развиваемые в творчестве поэта Заболоцкого и писателя Платонова в общем культурно-философском контексте эпохи конца 1920-х – начала 1930-х гг.? *Какова доминанта в их восприятии: научная или мифологическая?* И поэт, и писатель искренне верили в возможность коммунистического преобразования жизни при ведущей роли науки и техники: ведь не случайно отец Заболоцкого был агрономом, а отец Платонова – машинистом. Вместе с тем обоим художникам присуще первобытно-телесное (синкретичное) *«чувство вещества»*. Обратимся к произведениям начала коллективизации, когда, несмотря на уже пережитые социальные разочарования, голод, лишения, страх репрессий («Котлован» Платонова (1930), поэмы «Деревья» (1933) и «Птицы» (1933) Заболоцкого), вера в революционные идеалы юности не оставляла их и была для них равносильна утрате смысла жизни.

Мифологический компонент творчества Заболоцкого конца 1920-х – начала 1930-х гг. отразился в приобщении к жанрово-стилистическим формам античной литературы. Восприятие атомарно-телесной целостности мироздания в единстве с идеей метаморфоз природного мира становится для Заболоцкого своеобразным «символом веры». В отличие от петербургских эллинистов 1920-х гг. К. Вагинова, М. Кузмина, В. Брюсова, О. Мандельштама, Заболоцкий использует не столько даже образы и сюжеты, сколько сами формы художественного мышления античности. Как когда-то Жуковский и Одоевский в 1820–1830-е гг. мечтали о «новой мифологии», так и Заболоцкий мечтал о современной послереволюционной мифологии. При этом символистскую мифологию он считал субъективной, тогда как объективная (подлинная) мифология должна была явить некое обобщающе-символическое воплощение истории человечества в его отношении к природе. Заболоцкий чувствовал необходимость возродить дидактический пафос и энциклопедизм древнегреческой литературы, синкретичное восприятие мира.

В шутовском эстетическом манифесте Заболоцкого 1926 года «Disciplina clericalis» («Духовный устав») три действующих лица – Хлоя, автор и философ – ведут диалог о «природе вещей». Хлоя выступает в качестве наставницы поэта, учит видеть «природу вещей» (Лукреций «О природе вещей»), заключающуюся в «единстве атомов» и перспективе пробуждения сознания в материи, в связи с чем обозначается проблема смерти и бессмертия. Заболоцкий творчески преломляет некоторые важнейшие жанрово-стилистические особенности античной литературы, в том числе латинский заголовок, античный метр, нерифмованный стих, драматическую форму, напоминающую хоревые партии древнеаттической комедии. Мы можем наблюдать и элементы сократического диалога, некий шутовский разговор о серьёзных вещах, сопровождающийся гротесковым изображением грубого быта наподобие аристофановских «Облаков». Финал же организуется как праздник обновлённой жизни.

Пойте, пойте, хлещите в ладоши...
Это в них <вещах – Н. З. > закрутились на конях фаэтоны,
Перекрёстки, моря, берега.
И не доски – а сёстры, не железы – а братья.
Где рука твоя, Смерть, покажи!
Пойте, пойте, хвалите, валитесь в объятия,
Целовайтесь, никто не дрожи! [5].

Вероятно, в силу своей экспериментальности это стихотворение не вошло в публикуемый том стихотворений поэта. Но в 1930-е гг., в период поэзных поисков, античный «код» пригодился и получил широкое развитие. Поэмы 1930-х гг., такие как «Торжество земледелия» (1930), «Безумный волк» (1931»), «Деревья», «Птицы», исследователи называют мифологическими или фантастическими утопиями. С полным правом их можно назвать и современными мистериями. Как и «Котлован» Платонова, эти «неудобоваримые» для восприятия произведения интересны с точки зрения авторской попытки совместить принятие коллективизации как проекта, жестокую реальность её воплощения с дорогими сердцу поэта идеями мировой философии и культуры. Главная идея здесь – «кровное родство» природы и культуры. Природа должна повторить стадии развития культуры, а значит, прошлое человечества. По Заболоцкому, античность и близкие к ней культурные эпохи – это будущее природы: «И в каждом камне Ганнибал таится...» («Метаморфозы») Жуки – «славные Сократы». Полёт орла – полёт славного Икара [4].

Структурно поэмы Заболоцкого ориентированы на жанровые модели эпической поэмы (Гомер, Гесиод, Лукреций, Овидий), сократического диалога, древнеаттической комедии (Аристофан), идиллии и элегии. От эпической поэмы и философских диалогов – широта обсуждаемых проблем, античная метрика (гекзаметр, нерифмованный стих), подробная описательность (перечислительные ряды), животнов-растительные метафоры. От древнеаттической комедии – миро-устроительный пафос; наличие пролога; коллективный герой, являющий подобие хора (волки, женщины, предки, деревья, птицы); гротеск.

В поэме «Деревья» после пролога («Бомбеев и голоса») следуют три части, напоминающие эпизоды древнеаттической комедии. Сюжетно-организующая ситуация – пир. Вторая часть под заголовком «Пир в доме Бомбеева» представляет собой своеобразный агон, словесный поединок лесничего и Бомбеева. Благородный консерватор (лесничий) и представитель новых идей (Бомбеев, естествоиспытатель, духовный искатель) – носители разных точек зрения на природу. Зрителями становятся вступившие в процесс одухотворения деревья. Все части, кроме третьей, написаны привычным метром. В третьей части меняется ритм, начинает звучать нерифмованный стих. Разворачивается космогоническая картина жизни ночного леса, пластическое изображение метаморфоз. Парадоксальные лексические сочетания (сундуки струн, деревянные девочки, деревья-виолончели, деревья-гробницы, деревья-фонтаны), количественно нагнетаясь, служат выражением эволюционного процесса одухотворения животных и растений. Как и положено в мистерии, свершается чудо: количество переходит в качество – механика на глазах становится музыкой. От строфы, где упоминается античный Орфей, начинает звучать гекзаметр (шестистопный дактиль). Растения, животные, человек, чистые понятия (идеи), Сфера (область Духа), как ступени эволюции, выстраиваются в единую гармоничную систему – *лестницу* мироздания, хаос преобразуется в космос:

Там над землёй образуется новая плоскость:
Снизу – животные, взявшие в лапы деревья,
Сверху – одни вертикальные звёзды.
Но не смолкает земля. Уже деревянные девочки
Пляшут, роняя грибы в муравейник.
Прямо над ними взлетают деревья-фонтаны,
Падая в воздух гигантскими чашами струек.
Дале стоят деревья-битвы и деревья-гробницы,
Листья их выпуклы и барельефам подобны.

Можно здесь видеть возникшего снова Орфея,
В дудку поющего. Чистою лиственной грудью
Здесь окружают певца деревянные звери.
Так возникает история в гуще зелёных
Старых лесов, в кустарниках, ямах, оврагах,
Так образуется летопись древних событий,
Ныне закованных в листья и длинные сучья [4].

При всей важности жанрово-стилистических форм древнегреческой литературы на мифопоэтику «Деревьев» повлияли и другие факторы, в том числе детские впечатления Заболоцкого о культовом обожествлении деревьев народом мари, восточно-христианские представления о падшей вместе с грехопадением человека природе. Именно за это поэмы Заболоцкого подверглись жёсткой официальной критике.

Изображение метаморфоз в поэме с аристофановским заголовком «Птицы» строится на организуемых ситуациях пира и жертвоприношения (анатомирование голубя). Действующими лицами являются старый философ, мальчик, птицы. Жанровый субстрат, лежащий в основе сюжетно-композиционного единства поэмы, включает элементы эпической поэмы, сократического диалога, элегии и идиллии. Наблюдаются свойственные эпическим поэмам избыточность описаний и анатомических подробностей, украшающих и уточняющих эпитетов («голубь, небесная птица, житель стропил деревянных!»), «О, деревянная музыка старого чистого леса! Первых существ разговор, колыбель человеческой речи» и т. д.), перечисления-каталоги («сойки, малиновки, вороны, дятлы, ястребы, совы»).

Старый философ и мальчик изучают строение птицы в процессе её анатомирования. К ним слетаются птицы, занимающие позицию молчаливых участников-учеников. Разговор философа и мальчика «о природе вещей» прерывается появлением птиц, обедом, прогулкой. Тема смерти и готовность к ней философа формируют элегическое начало. Поэму Заболоцкий посвящает отцу – потомственному земледельцу, агроному. В тихой, светлой грусти преодолевается трагизм смерти, чувствуется влияние элегий и идиллий Жуковского, изображающего гекзаметром русский быт. Мистерия совместного обучения таинствам природы придает жизнеутверждающий характер поэтической реальности. Перед нами идиллический вариант гармонии природы и культуры.

Неоднозначное впечатление производит ход урока старого философа, призванного примирить телесно-чувственное и духовное постижение тайны бытия:

Должно теперь нам разбиться на три отдельные группы,
Дятел в первой группе будет вожак. Пересмешник
будет в группе второй, цапля – в третьей. Смотри сюда, дятел.
В этой сумочке сердце лежит голубиное. В чёрные лапы
ножницы ты захвати и разрежь ими сумочку. Видишь –
вот оно – сердце! Пересмешник, ты красную печень
вынь, а за ней – селезёнку. Теперь из утробы
вытянуть надобно зоб с пищеводом, кишки и желудок,
всё разрезать, промыть и в ванночке к дну восковому
крепко пришить булавками. А где длинноносая цапля?
Ты, цапля, мозгом займёшься... [4]

Ради воплощения любимой идеи – пробуждения разума в материи – поэт идёт на смелый эстетический эксперимент. Пугающий в своих подробностях процесс разъятия природы на составные части – птичьего тела самими птицами – окрашивается лирическим настроением и тонким юмором. Использование обращений, императивов, уменьшительных суффиксов воспроизводит интонацию простого и искреннего разговора с детьми, что напоминает написанную гекзаметром умиротворяющую интонацию поэмы Жуковского «Овсяный кисель». Жестокий факт, что «природа – печь», в ней повсюду «людоедства страшные черты» уравновешивается светом сознания, проливающегося на неизбежный закон смерти. Все участники процесса должны спокойно принять его и тем самым освободиться от страха, а в будущем от самой смерти. Это определяет идилличе-



ски-элегическую ноту, смешанную с футуристическим прозрением гармонии природы, преображённой человеком, в финале поэмы:

...Ходит Сон по дворам.

Всё-то ходит, всё-то смотрит: «Кто тут не спит ещё? Я вот его!» <...>

Только эти, эти только слова, и больше ни слова не надо...

Ходит Сон по дворам... Земля моя, мать моя, знаю твой непреложный закон. Не насильник, а умный хозяин скоро придёт человек, и во имя всеобщего счастья жизнь перестроит твою. Знаю это. С какой любовью травы к травам прильнут! С каким щебетаньем и свистом птицы птиц окружают! Какой неистленно прекрасной станет Природа! И мысль, возвращённая сердцу, – мысль человека каким торжеством загорится!

Праздник природы, в твоё приближение – верю [4].

Неопубликованная по понятным причинам поэма-мистерия «Птицы» поражает своей искренностью, силой веры и чистотой мечтаний поэта. Прав ли он был в своих футуристических грёзах? Удалось ли достичь гармонии природы и культуры сто лет спустя?

Революционный миф, идеи русского космизма о преобразении природы нашли отражение и в поэтическом космосе А. Платонова. Во множестве рассказов и «Котловане», писавшемся одновременно с поэмами Заболоцкого, также возникают образы животных, откликнувшихся на вызовы эпохи великих перемен. Платоновское «чувство вещества» не облекалось в античные формы, но в сущности своей склонялось к модели метаморфоз.

В изображении метаморфоз у Заболоцкого и Платонова есть существенные отличия. Заболоцкого больше интересуют формы эволюции животно-растительного мира, которые поэт облачает в литературные формы античности. Платонов же стремится вместе с персонажами к обострённо-чувственному переживанию метаморфоз, прежде всего телесных, к пристальному наблюдению самих взаимопереходов энергии в материю и наоборот. Не всегда рационально объяснимые процессы возрастания и угасания жизненности в телах и предметах становятся важными компонентами специфического платоновского сюжета. Чем объяснить обрастание шестью Вощева, Юлии, Елисея из «Котлована», Лихтенберга и Зельды из «Мусорного ветра», Пухова из «Сокровенного человека»? Метаморфозы женского тела с пробуждением и цветением красоты, утратой витальности в результате страданий, голодной смерти, болезни, увечья или старости? Думается, что именно с этим интересом к тайне витальности объясняется и острое чувство пола в мире Платонова.

Об особой пластичности платоновского «вещества существования» К. А. Баршт подмечает: «...Мироздание состоит из живого, обладающего волей к самосовершенствованию «вещества существования»; эта субстанция, в зависимости от наполнения её энергией, принимает разнообразные формы в виде предметов и существ, каждый из которых пребывает в неразрывной связи со всем остальным Космосом. Эта имманентно живая субстанция пронизана энергией бытия, которая скапливается в одних существах и предметах и угасает в других, меняя свойства и формальные признаки... Так, можно наблюдать, как изменяется сама физиология некоторых из его героев (или структура неодушевлённых предметов): они вдруг приобретают зооморфные признаки, превращаясь в медведя, собаку, червя, дерево, могут обретать новые органы или, например, вырабатывать в своём организме яд против комаров» [7]. В произведениях и черновых записях Платонова содержится немало примеров такого рода: «В одном месте Стратилат, изменившись туловищем, проехал без билета в поезде принятый за скотину» [7].

В «Послесловии к “Котловану”» И. Бродский отмечает: «Платонова за сцену с медведем-молотобойцем в «Котловане» следовало бы признать первым серьёзным сюрреалистом». Причём поэт связывает это напрямую с античной мифологией и мифологическим мышлением вообще. «Сюрреализм его (Платонова – И. Б.) внеличен, фольклорен и, до известной степени, близок к ан-

тичной (впрочем, любой) мифологии, которую следовало бы назвать классической формой сюрреализма» [6].

Платонов, несмотря на трагический опыт участия в социалистическом строительстве, никогда не был врагом коммунистического режима, коллективизации. По мысли Бродского, Платонов писал на языке своей эпохи, языке фиктивности и грамматического абсурда, что трагически детерминировало его сознание и стало источником парадоксализма и тупика. «Котлован» действительно, если воспользоваться психологической терминологией, запечатлевает столь глубокий конфликт между сознанием и подсознанием автора, что гениальность книги начинает граничить с безумием. Поэтому в трактовке тех или иных образов платоноведение сталкивается с противоречиями между авторской интенцией и читательским, исследовательским восприятием.

Рассмотрим образы животных из «Котлована». То, что сегодня производит пугающее впечатление на читателей, для писателя было воплощением мечты или предчувствием будущего. Лошади, собаки, медведь в повести приобретают социальные характеристики и поставлены перед необходимостью сделать исторический выбор: вступить в коллективизацию или нет. В трагическом и во многом иррациональном сюжете повести есть полярно-симметричные эпизоды, определяющие идеологический вектор авторского сознания. Это фрагменты «лошадиной утопии» и «лошадиного апокалипсиса», с одной стороны, а с другой – выбежавшая за цветком из пионерского строя пионерка, излучающая эротическую энергию, и утрачивающая витальность «безродная» девочка Настя.

Обобществлённые лошади делают правильный эволюционный *выбор* и получают «счастливый билет» в будущее. Они демонстрируют «чудеса» сознательной самоорганизации. Их действия целесообразны, они двигаются «сплочённой массой» без участия человека, разбредаясь, когда необходимо искать пищу, и добровольно возвращаясь в строй. Они чистоплотны, разумность заменяет личную привязанность к человеку, существование лишено трагизма и надрывов. Приведём развернутую цитату.

«...Открылись одни ворота, и через них стали выходить спокойные лошади. Ровным шагом, не опуская голов к растущей пище на земле, лошади сплочённой массой миновали улицу и спустились в овраг, в котором содержалась вода. Напившись в норму, лошади вошли в воду и постояли в ней некоторое время для своей чистоты, а затем выбрались на береговую сушь и тронулись обратно, не теряя строя и сплочения между собой. Но у первых же дворов лошади разбрелись – одна остановилась у соломенной крыши и начала дергать солому из неё, другая, нагнувшись, подбирала в пасть остаточные пучки тощего сена, более же угрюмые лошади вошли на усадьбы и там взяли на знакомых, родных местах по снопу и вынесли его на улицу. Каждое животное взяло поильную долю пищи и бережно несло её в направлении тех ворот, откуда вышли до того все лошади... Вощев в испуге глядел на животных через скважину ворот; его удивляло душевное спокойствие жующего скота, будто все лошади с точностью убедились в колхозном смысле жизни, а он один живёт и мучается хуже лошади» [3].

Думается, Платонов писал картину «лошадиной коллективизации» без иронии. Обобществлённые лошади откликаются на «гул человеческого счастья» – «радиомузыку», приходят «поодиночке» на Оргдвор и ржут. Писатель хотел вложить вполне оптимистический смысл в образ разумных животных, осознавших историческую правоту коллективизации, по контрасту с кулацкими лошадьми. Реакция Вощева, не постигшего «колхозный смысл жизни», наблюдающего эту картину в качестве постороннего, «через скважину ворот», даёт основание думать, что, с точки зрения автора, пробудившиеся к сознанию лошади находятся на одной ступени эволюции с отколовшимся Вощевым.

Жизнь крестьян и животных, сопротивляющихся процессу, изображается как абсолютная трагедия. Крестьяне-кулаки перестают кормить лошадей, забивают скот (коров, овец) и пытаются съесть огромное количество «родной убоины». Именно от переизбытка убоины заводятся зимой полчища жирных мух. В отличие от предыдущей картины порядка и разумности, мир обречённых существ абсолютно алогичен и ускоренно стремится к смерти. Полной мерой натуралистических деталей автор показывает процесс утраты жизненности. С какой-то первобытной чувственностью



вглядывается писатель в пограничное состояние существ на той стадии метаморфоз, когда их можно считать живыми мертвецами. «Остаточные, необобществлённые лошади грустно спали в станках, привязанные к ним так надёжно, чтобы они никогда не упали, потому что иные лошади уже стояли мёртвыми». Следует и изображение ухода жизни из живого тела «крупным планом: «Лошадь дремала в стойле, опустив навеки чуткую голову; один глаз у неё был слабо прикрыт, а на другой не хватило силы, и он остался глядеть в тьму. Сарай остыл без лошадиного дыханья, снег западал в него, ложился на голову кобылы и не таял. Хозяин потушил спичку, обнял лошадь за шею и стоял в своём сиротстве, нюхая по памяти пот кобылы, как на пахоте.

– Значит, ты умерла? Ну ничего, я тоже скоро помру, нам будет тихо» [3].

У умирающей лошади и её хозяина последовательно фиксируются потеря зрения, дыхания, осязания, обоняния. Трагический лиризм сцены прерывается действиями собаки, отъедающей кусок ноги у не имеющей сил сопротивляться лошади, что подчёркивает близость всех участников к распаду, переходу в праматерию, то есть инобытию, понимаемому, как у Заболоцкого, «атомарно-телесно». Собака действует подобно крестьянам, объедающимся «родной говядиной». Для автора эта параллель подчёркивает утрату разумности и целесообразности в поведении людей и животных, идущих против истории. Поэтому обрастание шерстью героев «Котлована» – Юлии, умирающей в здании заброшенного завода, Вошева, уволенного с места работы, Елисея, заготавливающего гробы для крестьян, – признак инволюции, отщепенства. А шагающая в общем строю и потянувшаяся за цветком пионерка, которой любят Жачев и Чиклин, в отличие от Насти не испытывает недостатка витальности и так же, как и «спокойные» лошади, имеет «билет» в будущее. Следуя этой логике, образ медведя-молотобойца с его безошибочным нюхом на врагов может быть понят не как отрицательный персонаж, но инновационный продукт творчества вселенной.

Нельзя не учитывать, что в 1920–1930-е годы русская и европейская литературы испытали осязаемое влияние активно развивающейся евгеники. Евгеника стала практическим воплощением культурного дарвинизма. Достаточно вспомнить «Остров доктора Моро» Г. Уэллса, «Собачье сердце» и «Роковые яйца» Булгакова, «Превращение» Кафки. А в 1920-е годы за опытами И. И. Иванова по скрещиванию человека и шимпанзе следила пресса и вся страна. Эксперименты шли несколько лет и закончились неудачей, некоторые из учёных были репрессированы. Советское правительство возложило на профессора Иванова задачу выведения новой породы людей, «идеального пролетария», с превосходящей во много раз обычного человека работоспособностью, выносливостью и умственным развитием, обеспечивающим управляемость. Это один из ключей к этимологии образа медведя-молотобойца в «Котловане».

Если современные исследователи видят в образе медведя-молотобойца выражение «апокалипсического зверя» (Проскурина), «символ предельного порабощения» (Н. М. Малыгина), «буквализацию» классового чутья (см. [7]), то авторское отношение подчёркивается по меньшей мере тремя существенно важными штрихами. Это симпатия девочки Насти к медведю, то, что он прощается с умершей девочкой последним, и то, что его ремесло – кузнечное дело. «Пока Елисей равнодушно ходил на Оргдвор, медведь сделал четыре подковы и просил ещё трудиться. Но кузнец послал его за дровами, чтобы нажечь из них потом углей, и медведь принёс целый подходящий плетень. Настя, глядя на почерневшего, обгорелого медведя, радовалась, что он за нас, а не за буржуев» [3].

Фольклорная природа персонажа, отмеченная ещё И. Бродским, затем и другими исследователями, является основой его парадоксальной мифопоэтики. В невидимой и глубокой связи Насти и медведя воскресают мотивы народной сказки «Маша и медведь», а также идея кровного родства людей и животных. «Девочка всё время следила за медведем, ей было хорошо, что животные тоже есть рабочий класс, а молотобоец глядел на неё как на забытую сестру, с которой он жировал у материнского живота в летнем лесу своего детства» [3]. Медведь – тотемное животное русского народа, обладающее силой, хитростью, ловкостью, коварством. Путь медведя к бабушке и дедушке с Машей за спиной в сказке и путь медведя-молотобойца, ведомого «классовым чутьём», с Настей за спиной в повести Платонова – невероятная по смысловой глубине метафора народного пути. Доминантой образа является то, что всё это *своё*. Именно органика, укоренён-

ность в подсознании русского человека, убеждает нас в положительной авторской интенции при создании фантастического персонажа: быть кузнецом в мире Платонова означает владеть тайной творения. Поэтому для автора медведь-кузнец – не проявление звериного начала, но метафора пути революционного народа, прообраз Нового человека.

Убедительно пишет Баршт: «...Идеальный пролетарий» в повести «Котлован» не случайно оказывается именно кузнецом. Кузнец – это скульптор, изготавливающий полезные в быту предметы... он выковывает предметы из самого разогретого (получившего максимальную энергетическую подпитку и потому пластичного) «вещества существования». Кузнец и литейщик в произведениях Платонова – это... метафизические модели деятельности людей будущего, способных сформировать из пластичного «вещества» Новую Землю: «вечный дом» для преображённого Нового человека» [7]. Платоновский образ медведя-кузнеца Нового мира в своей сложной мифопоэтике объединил в конечном счёте три составляющие: фольклорную, архетипическую (сакрализация кузнечного ремесла, аналогия с Гестом, Вулканом) и научную (евгеника).

Почему же современные читатели и исследователи видят в зарисовке «лошадиной утопии» антиутопию, а в образе медведя-кузнеца выражение апокалипсиса? Вероятно, потому, что историческая дистанция даёт им на это полное основание. Художественная правда заявляет о себе весомее, чем реконструированная авторская интенция. И автора, и читателей объединяет принадлежность к жертвам утопического сознания. Но у современного читателя больше возможностей оказаться уже не внутри, а вне утопии. В возможности же разглядеть трагический конфликт пролетарской убеждённости автора и боли его сердца видится трудный путь освобождения от великих иллюзий.

Перед нами несколько примеров воплощения в литературе 1920–1930-х гг. идеи одухотворения природного мира, восходящей к философским идеям русского космизма и революционного (большевистского) преобразования жизни. Идеи Циолковского, Вернадского, Федорова стали частью души и личной трагической судьбы и Заболоцкого, и Платонова и оказались неотделимы от коммунистического проекта и веры в научно-технический прогресс. Образы одушевлённых, разумных деревьев, птиц и животных, обретающих разум с помощью активной деятельности человека, вошли в их образ будущего. И сейчас, почти через сто лет, эта футуристическая грёза также далека от воплощения в реальность.

Изображение мира, в котором границы устойчивых форм пришли в движение, у Заболоцкого облеклось в поэтическую форму античности, потребовало воскрешения античной модели метаморфоз, непосредственно вырастающей из архаической мифологии. Рассмотренные в статье поэтические утопии Заболоцкого, основанные на истоках европейской литературной традиции, порождают эстетизм, интеллектуализм, античный оптимизм, что, по выражению Бродского, может быть названо *мифологией индивидуальной* [6]. Мифологическое же сознание Платонова, развивая далее мысль Бродского, имеет массовый и имперсональный характер. Футуристические прозрения, выраженные в прозе, жёстче и бесстрашнее. Всматриваясь с первобытным чутьём в метаморфозы живых существ, предметов и явлений, доверяя полностью своему «чувству вещества», Платонов погружался в такие глубины человека Новой эпохи и национального сознания, что его собственный разрыв «ума и сердца» вкуче с неизменностью коммунистических идеалов не столько препятствовали, сколько способствовали процессу беспощадного художественного познания.

Миф в этом случае обнаруживает свою двойную природу. Будучи иллюзией, фантазией, гипнозом, он может уводить от реальности, погружать в «сон разума». Но в равной мере он остаётся универсальным способом познания той же самой действительности и культуры в их изначальных формах. Что, на наш взгляд, гениально и парадоксально демонстрирует Платонов, этот Эдип, ослепивший себя и обрётший истину. В итоге прибегнем к мифологической метафоре. Ослепив сам себя верой своего времени – коммунистической идеологией, писатель устремился в роковую бездну народного подсознания, животворного мифотворящего лона, где постиг тайну народной жизни, национальной души. И это знание, может быть, современные россияне ещё не готовы принять, не готовы увидеть в зеркале своё отражение.



ЛИТЕРАТУРА

1. Лосев, А. Ф. Диалектика мифа / А. Ф. Лосев. – М.: Мысль, 2001. – 558 с.
2. Сидорина, Т. Ю. Философия кризиса: учеб. пособие / Т. Ю. Сидорина. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 456 с.
3. Платонов, А. Котлован [Электронный ресурс] / А. Платонов. – Режим доступа: https://imwerden.de/pdf/platonov_kotlovan_tekst_materialy_2000_text.pdf.
4. Заболоцкий, Н. А. Стихотворения и поэмы (1932–1958) [Электронный ресурс] / Н. А. Заболоцкий. – Режим доступа: <http://lib.ru/POEZIQ/ZABOLOCKIJ/stihi.txt>.
5. Библиотека русской поэзии. Заболоцкий Н. – Режим доступа: <http://libverse.ru/zabolockii/list.html>.
6. Бродский, И. Послесловие к «Котловану» А. Платонова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lib.ru/BRODSKIJ/br_platonov.txt_Contents.
7. Баршт, К. А. Медведь-кузнец из повести А. Платонова «Котлован» и опыты И. И. Иванова по созданию гибрида человека и обезьяны [Электронный ресурс] / К. А. Баршт. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2015/6/medved-kuznec-iz-povesti-platonova-kotlovan-i-opyty-ii-ivanova->.

Вольский А. Л.
A. L. Volskiy

ЭСТЕТИЧЕСКИЙ МИФ НЕМЕЦКОГО МОДЕРНИЗМА: КОНСТРУКЦИЯ И ДЕКОНСТРУКЦИЯ (ПРЕЗЕНТАЦИЯ НАУЧНОГО ПРОЕКТА)

THE AESTHETICAL MYTH OF THE GERMAN MODERNISM: CONSTRUCTION AND DECONSTRUCTION (THE PRESENTATION OF THE SCIENTIFIK PROJECT)

Вольский Алексей Львович – доктор филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена (Россия, Санкт-Петербург); 191186, г. Санкт-Петербург, 1-я линия Васильевского острова, 52; тел.; + 7 (921) 644-18-29. E-mail: volskij@mail.ru.

Mr. Alexey L. Volskiy – Dr. hab. of Philology, Assistant professor, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, department of the foreign literature (Russia, St. Petersburg); 191186, St. Petersburg, 52 Vasilevsky ostrov 1 th line; tel.: + 7 (921)644-18-29. E-mail: volskij@mail.ru.

Аннотация. В статье выдвигается тезис об эстетизации дискурса культуры немецкого модернизма и вводится понятие эстетического мифа, под которым понимается вся совокупность взглядов, теорий, концепций, получивших отражение в текстах культуры, приписывающих искусству роль движущей силы в преображении человека и мира, а также намечается компонентный анализ структуры эстетического мифа как диалектический процесс конструкции и деконструкции.

Summary. The article deals with the aestheticization of the cultural discourse of the German modernism and formulates the term of the aesthetical myth which is interpreted as the sum of the views, theories, conceptions reflected in the cultural texts where the arts are regarded as the main force of the transfiguration of the man and the world. The article shows the component analysis of the structure of the aesthetical myth as a bilateral process of the construction and deconstruction.

Ключевые слова: эстетический миф, немецкий модернизм, герменевтика, философская эстетика, художник, конструкция, деконструкция.

Key words: aesthetic myth, German modernism, hermeneutics, philosophical aesthetics, artist, construction, deconstruction.

УДК 008:18

Одной из наиболее перспективных тенденций современного литературоведения является интерпретация литературного факта в широком историко-культурном контексте, «большом времени» (М. Бахтин) [4]. Теоретическим осмыслением данной тенденции стала концепция так называемого «большого модернизма» (С. Вьетта) [24], или «модерна как макроэпохи» (Д. Кемпер) [12], которая примерно с середины 1980-х годов утвердилась в немецком литературоведении, образовав новую область литературоведения – *Moderneforschung* – «модернизмоведение», которое, однако, по своей глубинной интенции может трактоваться как «опыт инициативной памяти» (Вяч. Иванов) [11], то есть продуктивное обращение к истокам исторического осмысления литературного процесса, историко-философской концепции литературы, разработанной Ф. Шиллером и романтиками [4].

Согласно модернизмоведению явления немецкой культуры последних 220–250 лет рассматриваются в качестве целостного семиотического пространства, в котором возникли, оформились и были развиты основные идеи, культурные тенденции, концепты и модели современности. Как отмечает А. Г. Аствацатуров, данная концепция не отменяет традиционной периодизации историко-культурного процесса начиная с XVIII века (Просвещение, «Буря и натиск», классицизм,



романтизм, реализм и т. д.), но дополняет и интегрирует таковую при помощи понятия, которое становится «средоточием эпистемологических критериев для течений, литературных форм и явлений, применимых к 220-летней истории западноевропейской литературы Нового времени» [5]. Понятие «большой модернизм» позволяет, с одной стороны, сконцентрировать внимание не только на различиях, но и на общих основаниях модернизма, а с другой стороны, лучше определить специфику модернизма по отношению к предшествующим эпохам развития литературы.

При всём многообразии возможных интерпретаций смысла модернистского проекта мы представляем его как диалектическое взаимодействие двух фундаментальных тенденций: с одной стороны, он осуществлялся под знаком революционного обновления всех сфер жизни с целью *неорелигиозного* синтеза и обретения *холистической* картины мира, реализации утопии Нового царства, примирения человека и Бога. В знаменитом фрагменте Ф. Шлегель выразил эту тенденцию с присущим ему максимализмом: «Революционное стремление осуществить Царство Божие на земле – пружинящий центр прогрессивной культуры и начало современной истории. Всё, что не связано с Царством Божиим, представляется ей чем-то второстепенным» [17]. С другой стороны, неорелигиозное возрождение культуры предполагало не отказ от «образовательных тенденций современности» (Ф. Гундольф) [7], но должно было осуществиться с опорой на весь рефлексивный опыт «сентиментальной эпохи» с её нетождеством реальности и идеала. В немецком модернизме эти тенденции последовательно воплотились в диалектическом противостоянии йенского романтизма и веймарского классицизма, поэтического и «фундаментального реализма» (Й. Шмидт) [23], натурализма и авангардизма, реализма XX века и постмодернизма [5].

В литературе упомянутая диалектика привела к формированию двух противоположных тенденций в изображении человека. С одной стороны, её целью стало наиболее полное раскрытие неповторимого внутреннего мира человека, глубокое проникновение в психологию личности, передача неповторимого исторического и местного колорита, реабилитация чувственности перед судом разума, иными словами, тенденция к субъективности; с другой – поиск метафизических универсалий, возведение частного к общему, не просто типическому, а архетипическому, выявление глубинного культурного кода и обретение целостного взгляда на природу и человека, получившего название «новой мифологии» [16], иными словами, тенденция к объективности. Обе эти тенденции глубже остальных выразил Гете, создавший образ современного человека, воплотив его сначала в субъективности «Страданий юного Вертера», а затем в объективности «Фауста» [19].

Национальная специфика *немецкого* модернистского проекта состояла прежде всего в том, что он был задуман не как социально-политическое, то есть внешнее переустройство общества, а имел целью *внутреннее* преобразование личности и реализовался не в экономическом переустройстве общества, как это было в Англии, и не в политической революции, как во Франции, а в духовной. Мистицизм, пиетизм, психологизм, пантеизм, интуитивизм, трансцендентализм, а также все изводы идеализма – таковы разнообразные наименования того специфически немецкого пути, который Новалис на заре модернизма, а Г. Гессе уже в эпоху его зрелости, именовали «путём *внутрь*» (Weg nach Innen) (см. прим. 11), который должен был, по мысли идеологов модернизма, завершиться «образованием гуманности» (Bildung zur Humanität), новым богочеловечеством. «Итак, Божественное в человеческом проявляется в образовании гуманности», писал И. Г. Гердер в «Письмах для поощрения гуманности» (см. прим. 2).

Ключевая роль в процессе гуманизации отводилась *эстетической* сфере, что повлекло за собой *эстетизацию* всего дискурса культуры и формирование «**эстетического мифа**» (Kunstmythos) немецкого модернизма, под которым понимается, с одной стороны, вся совокупность взглядов, теорий, концепций, получивших отражение в текстах культуры, приписывающих искусству роль движущей силы в преобразении человека и мира, «воспитательницы человеческого рода» (Ф. Гельдерлин), а с другой – конструируемый на основе этой совокупности метарассказ, позволяющий рассматривать длинный ряд текстов не как случайное собрание разрозненных историко-культурных фактов, а как единое смысловое целое, объединённое общей идеей и проходящее определённые исторические фазы своего развития.

Согласно эстетическому мифу «царский» путь к гуманизму, новому богочеловечеству, ведёт через *творчество и красоту*, под знаком которых происходит интеграция дискурса культуры в Германии. Старинная платоновская идея о рождении нового мира в красоте стала лейтмотивом немецкого модернизма – «прекрасная иллюзия» (*schöner Schein*) должна была восстановить гармонию мира, выступая прообразом нового Золотого века (см. прим. 3).

В контексте эстетического мифа искусство обретает функцию новой религии, художник трактуется как её провозвестник, оправданием человеческой жизни считается творчество, а красота уподобляет человека Богу. «Человек, достигнув человечности, становится Богом. И если он Бог, то он прекрасен» (см. прим. 4).

Поэзия и искусство становятся основой мировоззрения и, следовательно, основой антропологии, прежде всего, в силу того, что способны явить мир в его *абсолютном единстве*, то есть показать *результат* того, к чему теоретическая наука и практическая деятельность могут лишь бесконечно приближаться. «Поэзия есть абсолютная реальность. Это центр моей философии. Чем поэтичнее, тем истиннее» – писал Новалис [14, 197]. Художественное преображение мира осмыслялось в модернистской культуре как предвосхищение и символ его реального преображения.

С одной стороны, нигде эстетическая проблематика не переживалась так энергично и глубоко, нигде не породила такого обширного мифотворчества, как в Германии. Различные аспекты эстетического мифа нашли своё выражение практически у всех представителей немецкоязычного модернизма от И. И. Винкельмана, И. В. Гете и романтиков до Х. фон Гофманстала, Ст. Георге, Р. М. Рильке, Г. Бенна, Т. Манна и М. Хайдеггера. С другой стороны, нигде эта идея не была так радикально поставлена под сомнение и деконструирована, как в той же Германии. Истоки деконструкции эстетического мифа мы обнаруживаем уже у его творцов: у К. Ф. Морица, Гете и ранних романтиков (В. Вакенродер, Л. Тик), в литературе позднего романтизма (Э. Т. А. Гофман), бидермайера и поэтического реализма (Эйхендорф, Келлер, Мерики, Грильпарцер и др.), в «поствагнерианском» периоде философии Ницше, но главным образом, в литературе и философии после 1945 года – у Т. Адорно, П. Целана, в острой иронии немецкоязычного постмодернизма (П. Зюскинд, Т. Бернхард, Э. Елинек), что подтверждает знаменитое высказывание Ф. Шлегеля: *Idee ist ein bis zur Ironie vollendeter Begriff* (идея – это понятие, завершённое до иронии).

Разнообразные аспекты эстетического мифа (философия искусства, образ творческой личности в немецкой литературе, проблема художественной критики, поэтической науки, эстетизация жизни и т. д.) не раз становились объектом научной рефлексии.

С момента своего возникновения эстетическая тенденция немецкого модернизма представляла собой важнейший объект как научной, так и художественной рефлексии. Вместе с тем наряду с эволюционным развитием взглядов на эстетику имеются периоды так называемых «эстетических революций», в которые история народа, природа общества и сущность личности толковались сквозь призму эстетических феноменов, а интенсивность их изучения в культуре резко возрастала. К таким периодам относится, безусловно, ранний (классическо-романтический) модернизм рубежа XVIII-XIX веков, который в немецкоязычной традиции именуется как «художественный» (*Kunstperiode*), а также «классический модернизм» рубежа XIX-XX веков.

Новые немецкие исследования во многом продолжают традицию немецкой мысли раннего и классического модернизма от Винкельмана и Канта до Хайдеггера и Гадамера – в философии и от Гете и романтиков до Т. Манна и Ст. Георге – в литературе, естественно, преломляя её в современной парадигме мышления, в которой доминирует постмодернизм. В фокусе интересов современных авторов также находятся проблемы историзма эстетической традиции.

Однако комплексного исследования немецкоязычного модернизма под знаком эстетического мифа до сих пор не было осуществлено ни в зарубежной, ни в отечественной науке (см. прим. 5). На повестке дня стоит осмысление эстетического мифа в широком историко-семиотическом пространстве культуры, в котором он выступает в качестве смыслового стержня, интегрирующего культурный дискурс немецкоязычного модернизма.

Следует подчеркнуть, что при всём обилии затрагивающей эту проблематику литературы, само понятие «*эстетический миф*» хотя и появлялось спорадически, до сих пор не обрело статус

научного термина и обозначения научной *концепции*, с помощью которой можно дать целостную интерпретацию культурного дискурса немецкоязычного модернизма.

Основным научным подходом, позволяющим реализовать задачи проекта и достигнуть поставленной цели, выступает **герменевтика**, которую мы, вслед за В. Дильтеем, трактуем как универсальную методологию наук о духе. Синтетическое описание объекта исследования предполагает вычленение в нём следующих интерферирующих друг с другом направлений, представляющих различные аспекты эстетического мифа, содержательное наполнение которых на данном этапе видится в следующем:

1. Философская эстетика. Выделение эстетического объекта в качестве эмансипированного объекта исследования хронологически совпадает с началом самого модернизма, а содержательно – с его смысловой доминантой – эмансипацией уникальной человеческой личности: «Эстетика» А. Баумгартена вышла в свет в 1750 году, предвосхитив эстетический поворот в философии, осуществлённый Кантом, Шиллером и романтиками, продолженный в творчестве Шопенгауэра, Ницше и Хайдеггера, суть которого заключалась в том, что художественное творчество было осознано как высшая форма человеческой деятельности, а искусство приобрело статус новой религии, «религии искусства» (Kunstreligion), связывающей конечное и бесконечное. Задача проекта – описать основную магистральную линию революции в эстетике, сконцентрировав внимание на её ключевых концептах: «прекрасное», «творчество», «произведение искусства», «символ», «гений», «вкус» и др.

2. Эстетизация истории означает осмысление истории сквозь призму эстетики. Исторический процесс предстаёт в модернизме как закономерная последовательность сменяющих друг друга стадий: неполного тождества объекта и субъекта в начале исторического процесса, их противопоставления в настоящем времени и их синтеза в эсхатологической перспективе, которым соответствуют определённые парадигмы художественного мышления. Таковыми являются эпохи наивной и сентиментальной поэзии у Ф. Шиллера, античной и современной у Ф. Шлегеля, греческой и гесперической у Ф. Гёльдерлина и т. д., противоположные в настоящем, но единые в будущем. В логике этой проблематики развиваются теоретические построения Ф. Ницше и О. Шпенглера. Одной из современных интерпретаций дифференциации поэтических родов сквозь призму феноменологии времени следует считать поэтику Э. Штайгера. К этой теме примыкает и немецкая философия трагедии, в которой литературный жанр (трагедия) трансцендирует границы поэтики и рассматривается философски как форма концептуализации бытия.

3. Художественная наука. Рационалистическому разделению и обособлению наук модернизм противопоставляет идею их синтеза, в котором роль синтезирующего элемента будет принадлежать поэзии и искусству. Ф. Шлегель формулирует принцип «прогрессивной универсальной поэзии», а Новалис в своём энциклопедическом проекте исходит из идеи единства знания. Романтиками провозглашается идеал «художественной науки» (Kunstlehre), которая должна свидетельствовать о единстве человеческого духа, который от соединения с разным материалом отдельных наук изначального единства не утрачивает. Одной из главных форм художественной науки является поэтическая философия как синтез объективного познания и субъективного творчества. Поэтическая философия использует язык поэзии наряду с языком философии, язык метафор и образов наряду с языком понятий, субъективную ассоциацию наряду с дискурсивной логикой. «Высший идеализм есть поэзия», – писал Ф. Шлегель.

4. Поэтическая критика. В отличие нормативной и уже потому прескриптивной литературной критики классицизма, намеренно отделяющей себя от литературы с целью её объективной оценки, модернистская критика, следуя принципу прогрессивной и универсальной поэзии, стремится слиться с литературой, стать частью её метадискурса. Модернистский критик претендует на то, чтобы быть писателем, а его критическое произведение приобретает черты литературного, по своим художественным достоинствам конкурирующего с оригиналом. «Читатель должен стать продолжением автора», – говорит Новалис, а Ф. Шлегель требует от критики (кон)гениальности, эквивалентной самому художественному творчеству. Поэзия становится формой критики (poetische Kritik), начиная с художественного перевода и заканчивая созданием собственного текста как

оригинальной рефлексии на исходный текст. Обратной стороной этого процесса является усиление авторефлексивных тенденций внутри самой литературы (*kritische Poesie*). Имманентная рефлексия, присущая процессу художественного творчества, становится важным аспектом литературных текстов. Классический пример – роман Гете «Годы учения Вильгельма Мейстера», который, по мнению Ф. Шлегеля, не только себя изображает, но и толкует.

5. Эстетизация философии языка и лингвистики. Процессы эстетизации затронули и сферу философии языка и лингвистики. Концентрированным выражением этой тенденции стала так называемая *поэтическая теория языка*, развитая в трудах И. Г. Гамана и И. Г. Гердера; романтиков Я. Гримма, В. Ф. Гумбольдта, Ф. Ницше, Л. Вайсгербера, М. Хайдеггера. Согласно этой теории язык имеет поэтическое (творческое) происхождение и поэтическую сущность. Первоначальный поэтический язык получил название мифа. В результате распада мифа и разрушения мифологической картины мира язык утрачивает свою естественную поэтическую сущность, которая, однако, может быть восстановлена в поэзии как в искусстве слова. Поэтическая теория языка сформировала такие концепты, как естественная и искусственная поэзия (*Naturpoesie*, *Kunstpoesie*), соответствующие историческим парадигмам художественного мышления. В рамках этого аспекта планируется также рассмотреть более частную проблему «кризиса языка» эпохи классического модернизма начала XX века (Г. фон Гофмансталь, Ф. Маутнер и др.), которая своими корнями уходит в философию языка раннего модернизма (романтизм) и получает новую интерпретацию в философии Т. Адорно и поэзии П. Целана.

6. Художник становится в эпоху модернизма одним из главных героев литературы. Гете, Шиллер, Новалис, Гельдерлин, Тик, Гофман, Мерики, Эйхендорф, Грильпарцер, Келлер, Т. Шторм, Т. Манн, Т. Бернхард, П. Зюскинд, Э. Елинек и др. создают новый жанр – литературу о художнике, посредством образа которого литература создаёт самоё себя, что является одним из аспектов идеи Ф. Шлегеля о трансцендентальной поэзии. Значение художника в модернизме переосмысливается: он предстаёт в ней не как представитель определённой профессии, а как высшее выражение человеческой сущности, всечеловек. Образ художника проходит эволюцию от Торквато Тассо через Генриха фон Отфтердингена и Иоганна Крейсlera к Тонио Крегеру и Адриану Леверкюну и далее к Жан-Батисту Гренуйю как постмодернистской пародии на художника.

7. Эстетизация жизни. Начиная с раннего модерна, в Германии набирает силу идея эстетического воспитания человека (Ф. Шиллер, Гете, В. фон Гумбольдт). Смысл этой идеи состоит в том, что человек имеет способность быть художником собственной жизни, возвышать стихийный хаос жизни до форм искусства. Искусство жизни для Гете – вещь более драгоценная, нежели художественное творчество. Этой проблеме посвящён его эпохальный роман «Годы учения Вильгельма Мейстера». Ф. Шиллер усматривает цель эстетического воспитания в преодолении дуализма человеческой личности, примирении чувственности и нравственности, свободы и необходимости, природы и культуры в эстетическом состоянии игры. Идеи Гете и Шиллера были продолжены в педагогических работах В. фон Гумбольдта. Новым шагом, продолжившим раннемодернистскую идею воспитания, стала философия Ницше с её идеей преодоления человека в сверхчеловеке, теории и практике авангардистских течений начала XX века, в частности, антропософии Р. Штейнера, молодёжной контркультуре 60-х и т. д. Смысл жизнотворчества состоит в пересоздании природы личности.

8. Эстетизация политики. Продолжением и следствием эстетизации личности должна стать эстетизация общества. Данный проект приобрёл теоретическую форму на страницах философского эссе Ф. Шиллера «Письма об эстетическом воспитании человека», в котором политическая свобода выводилась из свободы человеческой личности. Гете в своих классических шедеврах «Ифигения в Тавриде», «Торквато Тассо», «Внебрачная дочь», «Избирательное сродство» и романах о Вильгельме Мейстере показал различные сценарии осуществления этого проекта и риски, ему сопутствующие. К попыткам реализации утопического проекта *эстетического государства* следует отнести идеи о «Тайной Германии» (*Geheimes Deutschland*) и проект построения Нового Царства в круге Стефана Георге и фальсификацию этих утопий в «Третьем Рейхе».

Суммируя вышеизложенное, отметим, что исследование немецкого модернизма сквозь призму эстетического мифа представляется плодотворным и инновационным во многих отношениях: во-первых, оно способствует продуктивной рецепции теории большого модернизма, позволяющей рассматривать немецкоязычную культуру последних 250 лет в рамках единого смыслового горизонта, интерпретации модернистского проекта как рефлексивной реконструкции холистического мирозерцания; во-вторых, выявляет специфику немецкоязычного модернизма как «пути внутрь» и революции духа; в третьих, позволяет понять революцию духа как революцию эстетическую по преимуществу, ведущую к формированию в немецкоязычном дискурсе культуры эстетического мифа; в-четвёртых, даёт диалектическое понимание эстетического мифа (диалектику мифа) как двуединого процесса конструкции и деконструкции; в-пятых, позволяет произвести компонентный анализ структуры эстетического мифа на основе выделенных содержательных аспектов и на примере герменевтической интерпретации ключевых текстов немецкой этнокультуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асмус, В. Ф. *Немецкая эстетика XVIII века* / В. Ф. Асмус. – М.: Искусство, 1962. – 311 с.
2. Аствацатуров, А. А. *Поэзия. Философия. Игра: герменевтическое исследование творчества Гете, Шиллера, В. А. Моцарта, Ф. Ницше* / А. А. Аствацатуров. – СПб.: Геликон Плюс, 2010. – 496 с.
3. Аствацатуров, А. Г. *О модерне и стадиях, ему предшествующих* / А. Г. Аствацатуров // Поля модерна как объекты исследования литературоведения: материалы межвузовской конференции, 8-9 ноября 2013 г. – СПб.: Изд-во РХГА, 2013. – С. 7.
4. Бахтин, М.М. *К методологии гуманитарных наук* / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. Изд. 2-е, - М.: Искусство, 1986. - 445 с.
5. Вольский, А. Л. *О двух путях развития модернистской субъективности* / А. Л. Вольский // Преломления: труды по теории, истории литературы, поэтике, герменевтике и сравнительному литературоведению. Сб. памяти А. Г. Аствацатурова. – СПб.: Изд-во РХГА, 2017. – С. 66-76.
6. Вольский, А. Л. *От поэтической философии к философской поэзии: опыт герменевтического исследования* / А. Л. Вольский. – СПб.: Изд-во «Норма», 2008. – 329 с.
7. Гундольф, Ф. *Немецкие романтики* / Ф. Гундольф. – СПб., 2017. – 295 с.
8. *Европейская поэтика. От античности до эпохи Просвещения. Энциклопедический путеводитель* / Под ред. Е. А. Цургановой и А. Е. Махова. – М.: Изд-во Кулагиной-Intrada, 2010.
9. Жеребин, А. И. *Роман Гельдерлина «Гиперион» и концепция «Третьего царства» в европейской культуре* / А. И. Жеребин // Фридрих Гельдерлин и идея Европы. Коллективная монография по материалам IV Международной конференции по компаративным исследованиям национальных языков и структур; под ред. С. Л. Фокина. Платоновское философское общество. – СПб., 2017. – С. 25-36.
10. Жеребин, А. И. *Русская историческая поэтика и дискурс о модерне в филологической науке Германии* / А. И. Жеребин. – СПб., 2012. – С. 68.
11. Иванов, В. *Переписка из двух углов. Вячеслав Иванов и Михаил Гершензон* / В. Иванов // Вячеслав Иванов. Родное и вселенское. – М.: Республика, 1994. – С. 121-122.
12. Кемпер, Д. *Изучение модернизма как метод литературоведения: сб. статей* / Д. Кемпер. – СПб.: Издательский дом «Мир», 2006. – С. 8-15.
13. Михайлов, А. В. *Языки культуры* / А. В. Михайлов. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 912 с.
14. *Новалис Фрагменты* / Новалис; пер. с нем. А. Л. Вольского. – СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2014. – 319 с.
15. Чавчанидзе, Д. Л. *Феномен искусства в немецкой романтической прозе* / Д. Л. Чавчанидзе. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – 322 с.
16. Шлегель, Ф. *Разговор о поэзии* В 2 т. Т. 1. / Ф. Шлегель. – М., 1983. – С. 386-393.
17. Шлегель, Ф. *Фрагменты*. В 2 т. Т. 1. / Ф. Шлегель. – М., 1983. – С. 301.
18. *Эстетизация личного опыта в европейском романе XVIII–XX вв.* / О. А. Джумайло, В. В. Котелевская, В. С. Приходько [и др.]. – Ростов н/Д: Изд-во Южного федерального ун-та, 2014. – 208 с.
19. Frank, M. *Der kommende Gott. Vorlesungen über die neue Mythologie* / M. Frank. – Frankfurt am Main, 1982.
20. Herder J. G. *Briefe zur Beförderung der Humanität. Werke in zwei Bänden. Bd. II* / J. G. Herder. – München, 1953. – S. 470.
21. Hölderlin Werke in vier Bänden. Bd. II. – Berlin und Weimar, 1970. – S. 181.

22. Meindert, Evers Die Ästhetische Revolution in Deutschland: 1750–1950 – Von Winckelmann bis Nietzsche – von Nietzsche bis Beckmann / Evers Die Meindert. – Peter Lang GmbH, Internationaler Verlag der Wissen, 2017.
23. Schmidt, J. Die Geschichte des Genie-Gedankens in der deutschen Literatur, Philosophie und Politik 1750–1945 / J. Schmidt. – Winter-Verlag, Heidelberg, 2004.
24. Vietta, S. Ästhetik der Moderne. Literatur und Bild / S. Vietta. – München, 2002.
25. Zima, V. Peter: Der europäische Künstlerroman: von der romantischen Utopie zur postmodernen Parodie / V. Zima. – Tübingen, Francke, 2008.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Новалис Фрагменты. – СПб., 2014. – С. 73. Так озаглавлен цикл произведений Г. Гессе, включающий повести «Сиддхартха», «Душа ребёнка», «Клейн и Вагнер», «Последнее лето Клингзора», но это понятие может считаться обобщающим для всего творчества Г. Гессе.
2. Das Göttliche in unserem Geschlecht ist also Bildung zur Humanität Herder J. G. Briefe zur Beförderung der Humanität. Herder J. Werke in zwei Bänden. Bd. II. München, 1953. – S. 470.
3. Жеребин, А. И. Роман Гельдерлина «Гиперион» и концепция «Третьего царства» в европейской культуре // Фридрих Гельдерлин и идея Европы. Коллективная монография по материалам IV Международной конференции по компаративным исследованиям национальных языков и структур; под ред. С. Л. Фокина. Платоновское философское общество. – СПб., 2017. – 432 с. – С. 25-36.
4. «Der Mensch ist aber ein Gott, sobald er Mensch ist. Und ist er ein Gott, so ist er schön». Hölderlin Werke in vier Bänden. Bd. II. Berlin und Weimar, 1970. – S. 181.
5. M. Frank Der kommende Gott. Vorlesungen über die neue Mythologie. Frankfurt am Main, 1982. J. Schmidt Die Geschichte des Genie-Gedankens in der deutschen Literatur, Philosophie und Politik 1750–1945, Winter-Verlag, Heidelberg, 2004. Peter V. Zima: *Der europäische Künstlerroman: von der romantischen Utopie zur postmodernen Parodie*, Tübingen, Francke, 2008. Evers Meindert Die Ästhetische Revolution in Deutschland: 1750–1950 – Von Winckelmann bis Nietzsche – von Nietzsche bis Beckmann 2017. А. В. Михайлов. Языки культуры. – М.: Языки русской культуры, 1997. Асмус В. Ф. Немецкая эстетика XVIII века. – М.: Искусство, 1962. Европейская поэтика. От античности до эпохи Просвещения. Энциклопедический путеводитель / Под ред. Е. А. Цургановой и А. Е. Махова. – М.: Изд-во Кулагиной-Intrada, 2010. Чавчанидзе Д. Л. Феномен искусства в немецкой романтической прозе. – М.: Изд-во МГУ, 1997. Вольский А. Л. От поэтической философии к философской поэзии: опыт герменевтического исследования. – СПб.: «Норма», 2008. Джумайло О. А., Котелевская В. В., Приходько В. С., Черненко И. А. Эстетизация личного опыта в европейском романе XVIII–XX вв. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2014. Аствацатуров А. А. Поэзия. Философия. Игра: герменевтическое исследование творчества Гете, Шиллера, В. А. Моцарта, Ф. Ницше. – СПб.: Геликон Плюс, 2010.



Гончарова С. В.
S. V. Goncharova

СТАНИСЛАВ ПОНЯТОВСКИЙ: ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В ПРИАМУРЬЕ

STANISLAV PONIATOWSKI: ETHNOGRAPHIC EXPEDITION TO AMUR RIVER REGION

Гончарова Светлана Владимировна – кандидат исторических наук, доцент Дальневосточного государственного медицинского университета (Россия, Хабаровск); 680000, Хабаровский край, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 35; тел.: + 7 (962) 503-01-01. E-mail: goncharova_s@mail.ru.

Ms. Svetlana V. Goncharova – PhD in History, Associate Professor, Department of Philosophy, Far Eastern State Medical University (Russia, Khabarovsk); 680000, Khabarovsk territori, Khabarovsk, 35 Muraviev-Amur str. tel: + 7 (962) 503-01-01. E-mail: goncharova_s@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена этнографическим исследованиям коренных народов Приамурья в начале XX века, проведённым польским учёным С. Ф. Понятовским.

Summary. The article is devoted to the ethnographic study of the indigenous peoples of the Amur river region in the early twentieth century, conducted by the Polish scientist S. F. Poniatowski.

Ключевые слова: С. Ф. Понятовский, В. К. Арсеньев, культура коренных народов Приамурья, этнография, антропология.

Key words: S. F. Poniatowski, V. K. Arseniev, the culture of the indigenous peoples of the Amur region, ethnography, anthropology.

УДК 39(571.6)

Среди имён польских исследователей, внесших значительный вклад в изучение коренных народов Сибири и российского Дальнего Востока, малоизвестным остаётся имя Станислава Францевича Понятовского – этнографа и антрополога.

В отличие от многих своих соотечественников, попавших в эти северные районы не по своей воле, его приезд на Амур был связан с проведением международных научных исследований с разрешением проблем этногенеза коренных народов Восточной Сибири и Северной Америки.

После окончания с отличием университета в Цюрихе С. Понятовский получил степень доктора философии и начал специализироваться в области антропологии. В 1912 году произошла его встреча с известным антропологом А. Хрдличкой, сотрудником Смитсоновского института (США). Американский учёный приехал в столицу Польши в связи с подготовкой экспедиции в Сибирь и предложил Станиславу Францевичу принять участие в этом международном антропологическом проекте.

К этому времени исследования сибирских народов, проведённые на территориях Восточной Сибири и Северо-Западной Америки среди индейцев, выявили существование между этими народами культурных связей. На основании собранных материалов была выдвинута гипотеза об азиатском происхождении американских индейцев. Учёные предполагали, что оба континента некогда составляли единое целое, что делало возможным в древности проникновение человека из Азии в Америку.

«Однако культурные связи сами по себе не могли служить достаточным основанием вышеуказанной гипотезы, учитывая возможные заимствования. В равной степени и установление физического родства между сравнительно близко живущими чукчами и коряками, с одной стороны, и индейцами северных тихоокеанских побережий, с другой, не могло стать достаточно сильным аргументом против принятой некоторыми авторами возможности прибытия этих народов

в Азию из Северной Америки. Зато гораздо более важным для упомянутой гипотезы было бы установление физического родства между американскими индейцами и сибирскими народами, проживающими вдали от них» [5, 7]. Алеш Хрдличка, автор этой гипотезы, планировал провести целую серию экспедиций в разные районы Восточной Сибири и российского Дальнего Востока с целью сбора антропологического и этнографического материалов, подтверждающих его предположение. К выполнению поставленных задач он привлёк молодых польских учёных С. Понятовского и К. Столыхву, с которыми встретился в Варшаве перед отъездом в экспедицию по Сибири.

Первоначально проведение исследований С. Понятовского было запланировано на 1913 год, позднее сроки были перенесены на весну 1914 года. Одной из причин, вызвавшей изменение планов, была необходимость в изучении новейших методик антропологических исследований, в частности, метода изготовления гипсовых масок с лица живого человека. Для обучения он должен был встретиться с известным чешским учёным профессором И. Матейка. За неделю пребывания в Праге Станислав Францевич научился делать маски, а также получил от А. Хрдлички специальные инструменты для проведения антропологических измерений.

Вместе с тем в начале 1914 года Понятовский был занят созданием кабинета этнологии, основу которого составили этнографические коллекции Варшавского музея промышленности и сельского хозяйства. Планируя поездку в Приамурье, он встретился в Кракове с Брониславом Пилсудским, исследователем народов Сахалина, известным к этому времени не только в Польше, но и в Европе.

После долгих сборов при содействии американского Национального музея польский учёный выехал в свою первую крупную антропологическую и этнографическую экспедицию в начале мая 1914 г. Основные исследования, определённые Смитсоновским институтом, должны были охватить гольдов (нанайцев), орочей (удэгейцев), гиляков (нивхов), ольчей (ульчей) и выявить наличие культурных связей между народами Америки и Азии. Целью экспедиции был сбор материалов, подтверждающих гипотезу А. Хрдлички, главным образом «поиск среди тамошних туземных народностей физических типов, родственных американским индейцам» [5, 7].

Поездка должна была длиться от полутора до двух месяцев, на изучение каждой этнической группы отводилось по три недели.

Научное оборудование экспедиции включало в себя два комплекта антропологических инструментов, присланных А. Хрдличкой, и личный набор учёного, привезённый им же из Швейцарии; два фотографических аппарата, 480 фотопластин Agla размером 12x16,5 и 13x18 см, 36 плёнок, фотохимикаты и маленькая тёмная палатка для затемнения во время смены фотопластин.

Путешествие Станислава Понятовского началось с Петербурга, где он посетил Русское географическое общество, познакомился с известными российскими учёными Э. К. Пекарским и Л. Я. Штернбергом. Последний дал рекомендательное письмо и посоветовал польскому исследователю обратиться за помощью в организации экспедиции к В. К. Арсеньеву, директору музея в Хабаровске. Дальнейший путь из Петербурга занял две недели. Станислав Понятовский проехал по российским железным дорогам через Вятку, Пермь, Челябинск, Омск, Красноярск, Иркутск, Владивосток и Никольск-Уссурийск.

Конечным пунктом его маршрута был город Хабаровск, где к этому времени существовал научный центр – Приамурский отдел Императорского русского географического общества (ПОИРГО), музей и библиотека. Члены отдела вели разноплановые исследования не только в Приамурье, но и на всей территории российского Дальнего Востока. Значительную роль в работе ПОИРГО (1906–1918) играли экспедиции и исследования В. К. Арсеньева, который к 1914 году уже был известен как признанный знаток Приамурья и на общественных началах исполнял обязанности директора Гродековского музея. Опубликованные работы, накопленный научный потенциал сделали имя Арсеньева известным не только в стране, но и за рубежом. Можно сказать, во многом встреча двух исследователей была предопределена, а дружеское расположение,



общность научных интересов, взаимный обмен информацией послужили основой для дальнейших плодотворных контактов.

Днём 03 июня они впервые встретились в музее. Перед Понятовским стоял худощавый человек роста немного выше среднего, лет сорока, с лицом суровым, но очень симпатичным. Польский учёный вручил В. К. Арсеньеву рекомендательные письма от Русского географического общества и Л. Я Штернберга. «Дорогой Владимир Клавдиевич, – писал Лев Яковлевич, – податель сего польский антрополог Станислав Понятовский едет на Амур для антропологических измерений. Очень прошу Вас оказать своё товарищеское содействие своим опытом, советом и связями. В свою очередь, быть может, г. Понятовский будет и Вам полезен своими знаниями и антропологическим опытом» [3, 33].

Арсеньев тепло принял польского учёного и согласился помочь в проведении запланированных исследований в Приамурье. Он познакомил Понятовского с историей возникновения Гродековского музея и его экспозицией. В большей степени польского учёного заинтересовал отдел этнографии, в котором подавляющее количество экспонатов было собрано самим В. К. Арсеньевым во время его экспедиций по краю. Наиболее полно в экспозиции были представлены коллекции по материальной и духовной культурам орочей и удэгейцев.

Масштаб исследований, проведённых Арсеньевым за незначительный промежуток времени, произвёл большое впечатление на польского учёного: «За время своих поездок он смог как никто другой до него изучить весь Уссурийский край, создать множество топографических карт, собрать геологические, зоологические и археологические коллекции, составить списки и планы различных руин наземных построек, созданных предположительно в период так называемого средневекового царства Бохай, составил огромный словарь языка орочей-удэха: причём он, не зная научной транскрипции, придумал свою собственную фонетическую транскрипцию и одновременно собрал много первосортных материалов по самым различным областям знаний» [5, 45].

Большой интерес у польского учёного вызвали опубликованные работы В. К. Арсеньева и составленные им подробные карты Уссурийского края. Русский исследователь обстоятельно отвечал на вопросы польского коллеги и даже составил небольшую этнографическую карту Уссурийского края с прилагающейся к ней объяснительной запиской [2, 36]. Особенно поразили польского исследователя дневники русского путешественника. Это были подробные полевые записи, включавшие разносторонние сведения о географии, населении, истории, растительном и животном мире Приамурья. Скрупулёзность ведения рабочих материалов, вдумчивость Арсеньева, его педантичность поразили Понятовского, получив высокую оценку – «капитальные дневники !!» [5, 35].

К подготовке экспедиции польского учёного В. К. Арсеньев привлёк И. А. Лопатина, хорошо знавшего район предстоящей поездки. Был разработан план совместных антропологических, этнографических исследований в отношении нанайцев и орочей. В свою очередь Понятовский познакомил дальневосточных исследователей с новейшими методами, применяемыми в антропологии. Позднее, закупив гипс и все необходимые материалы, польский учёный на практике показал технику изготовления масок, проведя показательный урок по краниологии. Несколькими днями позже под руководством Станислава Францевича Лопатин изготовил маску с лица Владимира Клавдиевича Арсеньева.

Вновь встретившись 06 июня, исследователи обсудили и уточнили план предстоящей этнографической экспедиции. Следующие две недели заняла подготовка к полевым исследованиям, и только 15 июня экспедиция выехала из Хабаровска в Сикачи-Алян на моторном катере. В состав экспедиции вошли жена Лопатина Любовь Григорьевна и ученики Хабаровского реального училища Евгений Воропаев, Николай Делле и Григорий Стрижевский.

Исследования проводились в следующих населённых пунктах:

1. Сикачи-Аляне (нанайское стойбище на правом берегу реки Амур, в 72 км от Хабаровска) – с 16 июня по 4 июля;
2. Нижнем Мари (нанайское стойбище на левом берегу протоки Мари) – с 04 по 09 июля;

3. Муху (нанайское стойбище на правом берегу протоки Орэ) – с 09 по 11 июля;
4. Дада (нанайское стойбище ниже по протоке Орэ) – с 12 по 14 июля;
5. Даерге (нанайское стойбище на правом берегу Гардамской протоки) – с 14 по 15 июля;
6. Найхине (нанайское стойбище на правом берегу протоки Докэ) – с 15 по 17 июля;
7. Торгоне (нанайское стойбище, расположенное на двух островах ближе к правому берегу реки Амур) – с 17 по 20 июля;
8. Троицком (русское село в 209 км ниже г. Хабаровска, основано в 1859 году) – с 20 по 21 июля;
9. Баркас-баочане (нанайское стойбище на правом берегу реки Амур) – 21 июля;
10. Мынгэне (нанайское стойбище на острове с правой стороны реки Амур) – с 22 по 26 июля;
11. В ороchonских селениях на реке Хунгари – с 26 по 31 июля;
12. Вознесенском (русское селение в 361 км от г. Хабаровска, основано в 1864 году) – с 01 по 02 августа;
13. Среднетамбовском (русское селение, основано в 1860 году) – с 05 по 07 августа.

В начале августа исследования были прерваны начавшейся Первой мировой войной.

По возвращении в Польшу Станислав Понятовский был занят обработкой обширного этнографического материала. Проведённые им антропологические измерения фактически не подтвердили гипотезу о физическом сходстве восточносибирских народов и североамериканских индейцев [4, 24]. Позднее, в 1923 году, выходит его небольшая работа «Материалы к словарю амурских гольдов» [6].

Осенью 1915 года он был назначен директором библиотеки Варшавского университета. Годом позже принял кафедру этнографии в Варшавском вольном польском университете. Исполнение обязанностей директора библиотеки оставляло учёному мало времени для научной работы, поэтому в 1919 году он оставляет эту должность и целиком посвящает себя этнологическим исследованиям, издательской и преподавательской деятельности. В 1934 году С. Понятовский был назначен экстраординарным профессором этнологии и общей этнографии гуманитарного факультета Варшавского университета.

Начало Второй мировой войны застало Станислава Понятовского в Варшаве, где он продолжает тайно проводить занятия и семинары для студентов. Десятого ноября 1942 г. он был арестован гестапо и заключён в концлагерь. По последним данным, полученным польским исследователем А. Кучинским, датой смерти С. Понятовского следует считать 08 января 1945 г.

К сожалению, военные действия не только привели к значительным человеческим потерям, но и нанесли большой урон архивным фондам, собраниям библиотек и коллекциям музеев.

Безвозвратно исчезли многие документы, в том числе и имеющие отношение к С. Понятовскому, его научному наследию.

Как отмечает профессор А. Кучинский в 1966 году, дневник экспедиции в несовершенно виде был опубликован на страницах польского журнала *Lud*. В архиве Польского этнографического общества во Вроцлаве хранятся многочисленные документы и коллекции, относящиеся к исследованиям С. Понятовского в Приамурье, не введённые в научный оборот до настоящего времени [1]. Между тем собранные в экспедиции 1914 года материалы польского учёного и сегодня остаются ценным источником по этнографии и антропологии народов Нижнего Амура.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кучинский, А. Неизвестная переписка Владимира Арсеньева с польским этнологом Станиславом Понятовским / А. Кучинский // Вестник Сахалинского музея. – 2001. – № 8. – С. 3-58.
2. Полевой, Б. П. Этнограф Понятовский о В. К. Арсеньеве / Б. П. Полевой // Дальний Восток. – 1976. – № 9. – С. 35-38.
3. Тарасова (Васина), А. И. Письма Л. Я. Штернберга к В. К. Арсеньеву / А. И. Тарасова (Васина) // Страны и народы Востока. – Вып. 20. Страны и народы бассейна Тихого океана. Кн. 4. – М., 1979. – 368 с.
4. Samsonowicz, M. Dwa autografy W. K. Arsienjewa w zbiorach Biblioteki Uniwersytetu Warszawskiego / M. Samsonowicz // Wrocławskie Studia Wschodnie. – 1998. – № 2. – P. 12-16.



5. Poniatowski, S. Dziennik wyprawy (do Kraju Goldów i Oroczonów w 1914 roku) / S. Poniatowski // LUD T. L. Wroslaw, 1966. – 68 p.
6. Poniatowski, S. Materials to the Vocabulary of the Amur River gold. (Materialy do slownica Goldow nadamurskich). / S. Poniatowski // Bibliotheca Universitatis Liberae Polonae. Easc. 10. – Varsaviae, 1923. – 35 p.

Донченко А. И.
A. I. Donchenko

ПСЕВДОНАРОДНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ СЮЖЕТЫ В МЕРОВИНГСКОЙ АГИОГРАФИИ (ЧАСТЬ I)

PSEUDONATIONAL AND SOCIAL SUBJECTS IN MEROVINGIAN HAGIOGRAPHY (PART I)

Донченко Алексей Иванович – доктор культурологии, профессор кафедры всеобщей истории, философии и культурологии Благовещенского государственного педагогического университета (Россия, Благовещенск); 675000, Амурская область, г. Благовещенск, ул. Ленина, 104. E-mail: alexdon@mail.ru.

Mr. Alexey I. Donchenko – Dr. hab. of Culture Studies, Professor, General History, Philosophy, Culture studies department, Blagoveshchensk state pedagogical University (Russia, Blagoveshchensk); 675000, Amur region, Blagoveshchensk, 104 Lenin str. E-mail: alexdon@mail.ru.

Аннотация. В данной статье автор выявляет особенности сюжетов и мотивов агиографической литературы эпохи Меровингов. Автор приходит к выводу о том, что литература данной эпохи носит в большей степени церковно-монастырский характер и мало связана с подлинно народным творчеством.

Summary. In this article the author reveals the plots and motives of Merovingian hagiographic literature. The author comes to the conclusion that the literature of this epoch is, to a greater extent, ecclesiastical and monastic in nature and has little to do with genuinely folk art.

Ключевые слова: эпоха Меровингов, христианство, агиография, жития святых, фольклор, сказка, литературный персонаж.

Key words: the era of the Merovingians, Christianity, hagiography, the lives of saints, folklore, fairy tale, literary character.

УДК 008(8)

Агиография как жанр христианской литературы изначально обращена к народу, она старается пропагандировать своих святых среди широких слоёв населения. Такая функция, разумеется, определяет соответствующий отбор материала и расстановку акцентов. Истории о чудесах или святых рассказывали для того, чтобы в них поверили; читали и при этом читали именно то, во что можно было поверить (см. прим. 1). Чтобы иметь возможность воздействовать на народ, нужно, в определённом смысле, идти навстречу его вкусам и запросам, нравиться ему и подавать отдельные рассказы исходя из определённой «народной» точки зрения. По большей части мы не знаем тех отдельных рассказов, которые звучали во время средневекового праздника какого-либо святого и которые являлись вариациями на тему его жития. В них проповедник частично изменял письменные оригиналы и «подгонял» их под запросы слушателей, тем более что письменные тексты отчасти уже изначально предназначались для чтения вслух на праздниках святых, и проповедники, конечно же, могли придерживаться оригинала.

Церковно-учёную литературу эпохи Меровингов лишь изредка занимал вопрос о «народе», столь же редко делались попытки дать ему определение. Особую сложность для теологов представлял вопрос о причинах неравенства людей на этом свете, поскольку было ясно, что все люди были сотворены Богом и что они, в принципе, равны, а Христос принял смерть на кресте за всех людей. Эта идея, конечно же, воспроизводила позднеантичное представление об изначальном равенстве всех людей (см. прим. 2), тем более что в Библии также говорится об этом, однако вопрос о происхождении несвободы оставался открытым. С другой стороны, между людьми всё же существуют различия, которые вскоре были признаны церковью; она заключила союз с государством и потому должна была защищать существовавшее разделение общества.

Отцы церкви пытались преодолеть это противоречие; истоки несвободы искали в первоначальном грехе (см. прим. 3), в грехе вообще, в происхождении от рода Хама (см. прим. 4) и т. п. «Официальное мнение» по этому вопросу ещё не было сформировано, и потому высказывались разные точки зрения. Мы не будем подробно вдаваться в разного рода спекуляции на эту тему, отметим лишь, что в данном вопросе продолжали бытовать две довольно древние идеи.

Одна из них, появившаяся ещё в эпоху поздней античности, отстаивала мнение о том, что все люди от природы равны, что не может быть никакого аристократизма власти, есть только аристократия мысли (см. прим. 5). Эту идею часто можно встретить в произведениях церковных авторов; она была позаимствована, например, Августином (см. прим. 6) и Амвросием, если ограничиться только этими из выдающихся учителей церкви. В V веке эта мысль проникает и в агиографию, в VI веке мы встречаем её у Леандра Севильского и Григория Великого. Однако в меровингское время теоретическое обоснование положения о всеобщем равенстве людей уже не встречается, несмотря на то, что в это же время определёнными церковными кругами неволя как социальное состояние была проклята. Аббат Смарагд высказывает мнение о том, что необходимо освободить всех заключённых и невольников (см. прим. 7). В последующие столетия число сторонников равенства всех людей постепенно возрастает и в городской литературе позднего средневековья она подчёркивается с особой силой.

Меровингская эпоха, а значит и меровингская агиография, вообще не используют эту идею. Если речь заходит о происхождении святого, то агиограф всячески подчёркивает его благородство. Святые более низкого социального происхождения, или из несвободных (см. прим. 8), хотя и встречаются, но весьма редко, и «народные» представления меровингской агиографии в этом отношении почти не прослеживаются.

Но чаще встречается косвенная защита господствующего слоя путём уподобления всего общества человеческому телу. Как в человеческом теле каждый орган выполняет свою определённую функцию, так и в человеческом обществе функции отдельных его частей не могут быть изменены без тяжёлых последствий. Метафора частей тела известна ещё со времён античности (см. прим. 9), сравнение общества с человеческим телом мы также находим и в Новом Завете (см. прим. 10), и у Отцов церкви – оно стало обычным в эпоху средних веков. В меровингское время мы встречаем его только в *Conversio Aerae* (см. прим. 11); более употребительной данная метафора становится в теоретической литературе эпохи Каролингов.

Наряду с этим раздаются голоса, которые начинают превозносить происхождение в качестве решающего критерия. Это тоже старая идея (см. прим. 12), и, по понятным причинам, она не находит особого отклика в агиографии; более отчётливо мы видим её присутствие начиная с IX века, и в последующие столетия (параллельно с топомом изначального равенства всех людей) она получает своё дальнейшее развитие. Тесно связанными с топомом о решающей роли происхождения являются также инвективы в адрес всякого рода выскочек (см. прим. 13), которые стремились приписать себе знатных предков. И хотя в меровингское время этот топомом хорошо известен (см. прим. 14), в агиографию он проникает позже. Ощутимую девальвацию отношения к «народу», простому человеку мы можем констатировать в использовании эпитетов *rusticus*, *rusticitas*. Эти понятия редко употребляются без соответствующей оценки (см. прим. 15); обычно оно, согласно античному образцу, несёт ясно выраженный уничижительный смысл, и меровингские авторы с аффектированной скромностью приносят извинения за «простонародность» (*rusticitas*) своего стиля. Параллельно с этим выказывается пренебрежение в адрес простого неучёного народа, как это хорошо видно, например, из произведений Алкуина.

Однако «народ» (*populus*) – понятие довольно расплывчатое, и часто оно использовалось церковными авторами в качестве синонима к слову «мирянин». Только начиная с X века, когда появляется учение о трёх сословиях (см. прим. 16), данное понятие получает более определённый смысл и значение, хотя даже в позднесредневековой литературе «народ» остаётся категорией весьма аморфной. В предшествующие времена, по большей части, ограничивались общими увещаниями о том, что каждый должен пребывать в том состоянии, в котором он родился (см. прим. 17) (мысль очень популярная и в последующем), а некоторые авторы даже отстаивали

идею о недопустимости предоставления слишком много свободы простому народу, впрочем, как и слишком жестокого угнетения.

Аналогично тому, как постепенно конституировался высший слой общества, столь же постепенно возник и «народ» в собственном смысле этого слова. «Народ» в агиографии этого времени редко играет какую-либо особую роль, по большей части ему отводится роль статиста. Но по сравнению с позднегреческим романом и особенно со сказаниями о мучениках, в которых в большинстве случаев «народ», будучи статистом, всё же сопереживает «героям», сочувствует им и проявляет к ним свои симпатии, в меровингской литературе даже такого рода народ-статист, за небольшим исключением, отсутствует вообще. Здесь есть только «бедняки», которые окружают святого, он же, в свою очередь, поддерживает их и даже кормит, затем они оплакивают смерть своего покровителя. В иных случаях никаких следов присутствия «народа» не прослеживается.

Но в одном отношении позиция агиографа примечательна: если в ходе повествования появляются фигуры угнетателя и угнетённого, то святой всегда становится на сторону притесняемого и гонимого. Церковь, правда, осуждала побеги невольников, но если в произведении появляется некий беглый раб, то святой *всегда* становится на его сторону и добивается его освобождения. Меровингской агиографии неизвестно ни одного примера святого, который помогал бы хозяину поймать беглого раба или слугу, равно как и святого, который оказывал бы помощь знати против простого народа.

Конечно, народный оттенок меровингской агиографии даёт о себе знать, однако он не достиг такой степени выразительности, чтобы оказать существенное влияние на «народ». Но чувства народа желают затронуть, и автор легенды пытается достичь указанной цели разными путями и средствами. Агиограф старается использовать простонародный язык, который был бы понятен и неучёным. Кроме того, сочинялись специальные истории о чудесах для слушателей, которые читались в особых случаях, прежде всего во время праздника того или иного святого.

Здесь святой изображается в облике великого чудотворца, который спешит на помощь любому верующему, в том числе и самому последнему бедняку, во всех его нуждах и бедах (см. прим. 18). Опять же напомним о том, что человек того времени сам не может «справиться» с окружающей его действительностью: в ней существует слишком много «непостижимого», чтобы обойтись без небесного защитника. Святой – чудотворец и могущественный покровитель – был близок народу, и эта близость особенно усиливалась тогда, когда он был близок пространственно, когда в округе были места, которые свидетельствовали о его деяниях, а в рядом расположенной церкви показывали его могилу или, по крайней мере, мощи.

Однако в агиографии святой, благодаря использованию псевдонародных и социальных мотивов, которые могли произвести впечатление на простых слушателей и пробудить их интерес, показан «ещё ближе к народу». Под *псевдонародными мотивами* мы понимаем рассказы, напоминающие фольклор, но при этом имеющие совершенно ненародную функцию. Ибо некоторые рассказы могут быть декларированы как «народные» и вместе с тем иметь функцию, весьма далёкую от народа.

Различение зачастую является непростым делом, и видимость может ввести в заблуждение. Более точное определение часто сталкивается с затруднениями в том смысле, что некоторые литературные типы амбивалентны и могут различным образом проявляться в отдельных литературных жанрах. Например, это относится к образу пастуха, который играет важную роль как в агиографии, так и фольклоре и позднеантичном романе. Образ доброго пастыря знаком уже античной традиции, а в Библии мы находим образ пастуха как в его обычной роли (см. прим. 19), так и в переносном смысле (см. прим. 20). Вполне последовательно агиография использует это понятие в позитивном смысле и изображает святого в юности как настоящего пастуха, но, наряду с этим, трактует этот образ и символически соответственно словоупотреблению Нового Завета. Пастух также может, следуя библейскому образцу, сыграть определённую роль и в обнаружении святого или его мощей. Однако образ пастуха занимает особое место не только в литературе, но и в так называемых суевериях, при этом с ним связаны определённые магические представления.



По мере углубления процесса социального расслоения общества, дифференциации между сословиями (а затем и классами), можно констатировать девальвацию ценности этой профессии и её уничижительную оценку, которая позже стала преобладать в феодальном обществе, что не смогло изгнать полностью прежнюю позитивную оценку образа пастуха из средневековой литературы. В образе пастуха сходятся различные литературные направления, а его особое положение обусловлено не только литературными топосами. Агиография, конечно же, несёт на себе печать библейского использования понятий; особенно она использует образ пастуха в символическом смысле, который уместен в тех случаях, когда агиограф изображает своего святого в юности действительно пасущим стадо. Функция такого изображения в легенде искусственна, навеяна Библией, она псевдонародна.

В литературных произведениях меровингской эпохи мы часто встречаем псевдонародные рассказы, они отличаются и от фольклора, и от отдельных народных сюжетов, присутствующих в агионафии, своей ярко выраженной и подчёркнутой направленностью. Псевдонародной является, например, история, сочинённая в 480 году в Англии, о победе, одержанной с помощью возгласа «Аллилуйя!» (см. прим. 21); особенно часто такого рода сообщения встречаются у Григория Турского. Григорий даёт народным рассказам подчёркнуто церковную оценку, таким образом полностью изменяя их смысл. Были ли эти изначально фольклорные рассказы переработаны, или это продукт творчества самих агиографов, опиравшихся на них, в данном случае это не столь важно. Бесспорным фактом является то, что эти рассказы, напоминающие фольклор, излагаются с подчёркнуто церковной точки зрения. Они созданы по образцу народных, но при этом совершенно чужды им; они не народные, они – псевдонародны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блаженный, А. О граде Божьем. В 2 т. Т. 1. / А. Блаженный. – СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 1998. – 600 с.
2. Блаженный, А. О граде Божьем. В 2 т. Т. 2. / А. Блаженный. – СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 1998. – 592 с.
3. Турский, Г. История франков / Г. Турский. – М.: Наука, 1987. – 464 с.
4. Дигесты Юстиниана. В 8 т. Т. 1. – М.: Статут, 2002. – 584 с.
5. Ливий, Тит. История от основания города. В 3 т. Т. 2. / Тит Ливий. – М.: Наука, 1991. – 527 с.
6. Сенека. Нравственные письма к Луцилию. Трагедии / Сенека. – М.: Художественная литература, 1986. – 543 с.
7. Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях / Цицерон. – М.: Наука, 1974. – 248 с.
8. Ювенал. Сатиры / Ювенал. – СПб.: Алетейя, 1994. – 224 с.
9. Corpus scriptorum ecclesiasticorum Latinorum (Wien 1866 ff.).
10. Liber historiae Francorum // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Merovingicarum. Т. II. – Hannoverae: Impensi Bibliopolii Hahniani, 1888. – P. 215-328.
11. Migne, J. P. Patrologia Latina / J. P. Migne (Paris 1844 ff.).
12. Scriptores rerum Merovingicarum // Monumenta Germaniae Historica (Hannoverae: Impensi Bibliopolii Hahniani, 1888 ff.).
13. Vita s. Mitriae conf. Aquensis // Analecta Bollandiana. – Bruxelles, 1889. – № 8. – P. 9-15.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: О град. Бож. XXII, 8; с. 521: «Они (т. е. книги о чудесах – А. Д.) читаются народами для того, чтобы возбуждать к себе веру; но, с другой стороны, не читались бы они народами, если бы им не верили».
2. См., например: Дигесты. I, 1, 4: «Ибо по естественному праву все рождаются свободными, ...когда не было известно рабство». Ср.: Дигесты I, 17, 32: «...что касается естественного права, то все люди равны».
3. См., например: Isidor Sevell. Sententiae III, 47, 1 (Migne PL 83, 717).
4. См., например: О град Бож. XIX, 15; с. 347-349. Сходную мысль мы находим и в Vita regia с. 30 Смарагда (Migne PL 102, 968; IX в.).
5. См., например: Ювенал. Сат. VIII, 20: «Знатности нету нигде, как только в доблести духа». Сенека. Письма к Луцилию IV, 2 и XV, 4. Сходные мысли можно найти в Новом Завете: 1 Кор. 12, 22 слл. и особенно в Иак. 2.
6. О град. Бож. XIX, 15; с. 347-349. Ср. также: Lactantius. Div. Iust. 5, 5 (CSEL 19, p. 414).

7. *Via regia* с. 30 (Migne PL 102, 967 f.).

8. Перечислим некоторых святых этого времени несвободного происхождения: св. Викторин, о котором Григорий Турский сообщает (Ист. фр. I, 33; с. 19): «Ведь по преданию Викторин был слугой жреца в упомянутом храме». Подобным же образом рассказывается и об аббате Порциане (Ibid. *Vitae patrum* V, 1; SS rer. Mer. I-2, p. 677): «Ибо он (Порциан – А. Д.), как говорят, был рабом некоего варвара». Несвободного происхождения был и аббат Брахий (Ibid. XII, 2; Ibid., p. 712 f.). Несвободный статус св. Митры подчёркивается как Григорием (*Gloria conf.* с. 70; Ibid., p. 788 f.), так и в его *Vita s. Mitriae conf. Aquensis* // *An. Boll.* 8, 1889, p. 9-15).

9. См. историю о Менении Агриппе (Тит Лив. II, 32); Цицерон. Об обязанностях III, 5; Сенека. Письма к Луцилию XV, 4.

10. 1 Кор. 12, 12 слл.

11. Сар. 2 (SS rer. Mer. III, p. 55 f.).

12. Ср., например: Сир. 33, 25-29.

13. «Классический» образ выскочки создан уже Петронием в его «Сатириконе» (Тримальхион); что же касается агиографии, то выскочка выступает здесь чаще всего в образе противника святого.

14. См.: S. Caesarii Arelat. *Sermo* 34, 1 (ed. G. Morin, I, p. 141); Григорий Турский. Ист. фр. V, 48-49; с. 150-155: о сыне некоего раба, который стал комитом Тура; V, 49 (с. 152-155): о дурном священнике Риккульфе; IX, 34 (с. 269-270): о Ригунте и Фредегунде. Лже-Фредегар (IV, 19; SS rer. Mer. II, p. 128) придумал историю об унижении Брунхильды и епископа Дезидерия. Один такой реальный выскочка был приближённым Фредегонды (LHFr. с. 31; SS rer. Mer. II, p. 292 f.).

15. См.: Григорий Турский. Ист. фр. III, 29; с. 76. *Vita Pardulfi abb.* с. 9 (SS rer. Mer. VII, p. 29; VIII в.).

16. Если говорить о периоде Меровингов, то первый намёк на теорию трёх сословий относится к 747 г. Он содержится в послании папы Захарии к Пипину. (Однако, справедливости ради, отметим, что здесь речь идёт только о двух «первых» сословиях). Что же касается первого во времена Меровингов упоминания о третьем сословии, то мы находим его в *Vita Dagoberti III regis Franoorum* с. 4 (SS rer. Mer. II, p. 515).

17. Эту идею мы находим уже в Новом Завете: 1 Кор. 7, 20. В меровингской агиографии эта мысль, правда, в слабо выраженной форме, встречается в *Vita Eligii ep.* II, 15 (Migne PL 87, 535).

18. И потому часто именно нищие и становятся «объектом» чуда (особенно исцелений).

19. Например, во время призвания Давида (1 Цар. 16, 11).

20. Особенно Ин. 10.

21. *Vita Germani ep. Autissiod. auctore Constantio* с. 17 f. (SS rer. Mer. VII, p. 263 ff.).



Елинская Я. А.
Ya. A. Yelinskaya

**КУЛЬТУРА НЕОШАМАНИЗМА В РУССКОМ СЕГМЕНТЕ
ИНТЕРНЕТА: КОММУНИКАТИВНЫЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ**

**THE CULTURE OF NEOSHAMANISM IN THE RUSSIAN SEGMENT
INTERNET: COMMUNICATIVE AND FUNCTIONAL ASPECTS**

Елинская Янина Алексеевна – директор Сибирского института практической психологии, педагогики и социальной работы (Россия, Новосибирск); 630009, г. Новосибирск, ул. Никитина, 20; тел.: + 7 (903) 934-53-04. E-mail: yanina55555@mail.ru.

Ms. Yanina A. Yelinskaya – director of Siberian institute of practical psychology, pedagogy and social work (Russia, Novosibirsk); 630009, Novosibirsk, 20 Nikitina str.; tel.: + 7 (903) 934-53-04. E-mail: yanina55555@mail.ru.

Аннотация. В статье исследуется репрезентация в российском Интернете культуры неошаманизма как специфического феномена современной религиозной идентичности. На основе информационно-коммуникативного подхода анализируются неошаманские сайты и сообщества в социальных сетях (на примере сети «ВКонтакте») и показатели их аудитории. Особое внимание уделено воздействию используемых коммуникативных кодов на репрезентацию неошаманизма и его адаптацию к потребностям современного человека. Исследование показало, что продвижение неошаманизма в интернете ориентировано на универсального потребителя «духовных услуг», находящегося в поиске альтернативных мировоззрений. Функция неошаманских сообществ в социальных сетях заключается в окружении пользователя виртуальными знаками пребывания в «шаманской вселенной».

Summary. The article deals with the representation of neoshamanism culture in the Russian Internet as a specific phenomenon of modern religious identity. On the basis of information-communicative approach the neoshaman websites and communities in social media (on the example of «Vkontakte») and indicators of their audience are analyzed. Special attention is paid to the impact of the communicative codes used on the representation of neoshamanism and its adaptation to the needs of modern man. The study showed that the promotion of neoshamanism on the Internet is focused on the universal consumer of «spiritual services», which is in search of alternative worldviews. Function of the neoshaman communities in social media lies in the user's environment with virtual signs stay in the «shamanic universe».

Ключевые слова: неошаманизм, идентичность, социальная сеть, репрезентация, код, контент, мотиватор, шаманская вселенная.

Key words: neoshamanism, identity, social media, representation, code, content, motivator, shamanic universe.

УДК 008

Неошаманизм представляет собой характерный феномен современной религиозной культуры, активно пользующийся новыми медиа и широко представленный в сети Интернет. Под понятием «неошаманизм» понимаются различные формы возрождения (или имитации) традиционных шаманских практик в условиях современной культуры. Целью данной статьи является рассмотрение особенностей репрезентации культуры российского неошаманизма в Интернете. Особое внимание сосредоточено на социальной сети «ВКонтакте» (Далее – ВК).

Методологической базой исследования выступает теория *информационно-коммуникативной культуры*, согласно которой изменения в технологиях коммуникации оказывают решающее воздействие на информационное содержание культуры, а бытие общества сегодня определяется «новыми формами включённости в коммуникативные сети» [2, 244]. С этой точки зрения особый интерес вызывают следующие аспекты репрезентации неошаманизма в Интернете

и социальных сетях: а) Каковы функции этой репрезентации? б) На кого она направлена? в) Какие средства (коды) используются и какую форму они придают культуре неошаманизма?

В отличие от традиционного шаманизма, существовавшего в условиях родоплеменной культуры с высокой степенью однородности и устойчивости социальных связей, неошаманизм действует в контексте множественных культурных идентичностей, подвижных социальных связей и ролей. В этом отношении неошаманизм относится к разряду внеконфессиональных исповеданий, которые предполагают «духовно-ориентированный» тип религиозной идентичности, свободный от жёсткой привязки к определённой конфессии [3, 76].

Ориентация на такой тип духовно-религиозной идентичности обуславливает открытый для культурной коммуникации и обмена характер неошаманизма. «Новые шаманы» обращаются к «всеядному» жителю современного города, испытывающему потребность в обогащении своих психологических переживаний [1]. Отсюда следует нехарактерная для традиционного шаманизма многословность – неошаман не только практикует камлания и ритуалы, но и подробно описывает и «продвигает» их, производит и распространяет комментарии, призванные перевести шаманский опыт на язык современного потребителя «духовных услуг». Для этой цели рекрутируются различные каналы (телевидение, печать, сайты, социальные сети) и герменевтические коды, транслирующие шаманское мировоззрение (научная и псевдонаучная терминология, психоанализ и психотренинг, эзотерика и альтернативная медицина, художественные языки).

Использование Интернета становится коммерческой необходимостью в продвижении шаманских услуг и мероприятий, так как современный шаманизм стал частью коммерческой индустрии альтернативной медицины, парапсихологических тренингов, шоу-бизнеса и «мистического» туризма.

Формат интернет-продвижения унифицирует представление шаманизма на сайтах и в социальных сетях, организуя его различные элементы по шаблонам промостраницы, рекламного объявления или новости. Так, например, сайт шамана Дунгура Эвея содержит характерные разделы: дескрипторы, включающие заголовок и подзаголовок («Долина Белого шамана – проведение семинаров и тренингов шаманом Горного Алтая»); «шапка» представляет основные страницы сайта («Семинары и тренинги», «Услуги», «Отзывы», «Контакты»); меню включает разделы «О себе», «Перечень услуг», «Этнолавка», «Частые вопросы» и т.д. (см. прим. 1).

Реклама открытого занятия «Дыхание силы – погружение в шаманское пространство» московского шамана Марка Гусяка содержит перечисление его статусов («родовой шаман, целитель, горловой певец... один из 13 шаманов Международного фестиваля “Зов Тринадцати Шаманов” в Тыве»), программу занятий («резонаторная соностройка при помощи звука», «мощное очищение всей энергетической системы», «углублённая практика шаманского дыхания на ощущение всех энергоцентров», «работа с верхним, средним и нижним мирами» и т.д.), контактные данные и ссылку на страницу «Дом Шамана Magenta» (см. прим. 2).

Ясно, что дизайн сайта разрабатывается специалистом по стандартной схеме с учётом требований «юзабилити» и поисковой оптимизации, а объявление в социальной сети создаётся в соответствии с форматом быстрого просмотра ленты. Но при этом *происходит трансформация самого (нео)шаманского опыта: он структурируется по рубрикам с эклектичной по содержанию, но почти мгновенной идентификацией для пользователя сети: «психологический тренинг, включающий общение с Духами», «календарный обряд с настройкой на вибрации Вселенной», «шаманские амулеты и талисманы на успех в бизнесе» и т.п.* Шаманский опыт, несмотря на его инородность в современной цивилизации, оказывается, успешно распределён по рубрикам в сознании современного человека. Эти рубрики соответствуют основным ценностям современного индивида: семейные и любовные отношения, материальное благополучие, карьерный рост, исполнение желаний и реализация планов.

Практическая ориентированность неошаманизма, тем не менее, предполагает акцентирование его экзотичности и уникальности по отношению к стандартным для технологической цивилизации способам деятельности. Неошаманизм, являясь частью глобальной культуры New Age, продвигает и репрезентирует себя как духовную альтернативу инструментальным и рациональным



технологиям современности. Отвечая на потребность в духовной экзотике и гармонии с природой, он предлагает модернизированный вариант анимизма: веру в одушевлённость природы, гармонию повседневного времени с природными циклами, взаимодействие с «энергиями» природных мест («мест силы») и магических артефактов.

Именно это содержание наполняет страницы неошаманских сайтов и групп в социальных сетях. На сайте «Самопознание.ru» шаманки Айдана Алтын-Суу и Туя Самдан предлагают посетить «Шаманскую усадьбу» на Горном Алтае, описывая достоинства этого места: «Энергетика этого места особенная. Неспроста рядом находится поляна, которая раньше использовалась шаманами для проведения своих ритуалов... Это одна из причин, по которой здесь удивительно плодотворно проходят семинары и тренинги. Природные и ландшафтные особенности усадьбы и её окрестностей... создают все необходимые условия для достижения поставленных целей» (см. прим. 3). Визуальное содержание страниц сайтов и групп в соцсетях заполнено образами природных ландшафтов, архаических шаманских костюмов, амулетов и идолов, выполненных в соответствующей стилистике народов-шаманистов.

Сосредоточимся на репрезентации неошаманизма в социальной сети ВК, обосновав выбор популярностью её среди российских пользователей и возможностью анализировать статистику сообществ (см. прим. 4). В сети ВК значительное количество групп, в названиях которых встречается слово «шаманизм» или «шаман». В их число входят открытые и закрытые группы различной тематики, страницы общественных организаций или культурных центров. Конечно, не все из них имеют отношение к шаманизму, а могут только иметь слово «шаман» в названии, они также могут быть неактивными или насчитывать не более 100 человек.

Тем не менее, большая часть этого массива связана с тематикой шаманизма и неошаманским мировоззрением. В названиях групп встречаются характерные связки: «Тропую шамана», «Дух шамана», «Саморазвитие: магия, руны, шаманизм», «Космоэнергетика, биоэнергетика, шаманизм, эзотерика», «Городской шаманизм и экстремальные практики» и т.д. Количество участников групп варьируется в диапазоне от 100 000 до нескольких десятков человек.

На примере 18 сообществ различной степени популярности был проанализирован половозрастной состав их участников (оценка проводилась с 7 по 17 апреля 2017 г.). Половая дифференциация участников неошаманских сообществ (40,5 % мужчин и 59,5 % женщин) почти дублирует данные о половых различиях активных авторов сети ВК (43,7 % мужчин, 56,3 % женщин (см. прим. 5)) и показатели российского населения в целом (46 % мужчин, 54 % женщин (см. прим. 6)). Можно лишь говорить о некотором перевесе женской аудитории в общей совокупности исследованных неошаманских групп – доля женщин в ней в среднем на 3 % больше, чем у общей аудитории ВК и на 5 % больше, чем в статистике российского населения (см. табл. 1).

Нельзя чётко разделить, в каких типах сообществ доминирует женская аудитория, а в каких – мужская. Как в «философских» группах, так и в группах, продвигающих услуги конкретных неошаманов, могут преобладать как мужчины, так и женщины. Видимо, гендерные «перевесы» зависят от случайных факторов продвижения конкретного сообщества и сложившейся клиентуры отдельного шамана.

Таблица 1

Половой состав аудитории неошаманских сообществ в социальной сети «ВКонтакте»

Сообщество	Тип сообщества	Общее количество участников	Мужчины, (%)	Женщины, (%)
Шёпот шамана	философия	103275	53,1	46,9
Тропую шамана	философия	92881	40,2	59,8
Шаман Ка	открытая группа	20916	23,0	77,0

Продолжение таблицы 1

Сообщество	Тип сообщества	Общее количество участников	Мужчины, (%)	Женщины, (%)
Мудрость шаманов Сибири	общественный деятель	12789	38,4	61,6
Дом шамана. Пространство духа	открытая группа	7982	47,6	52,4
ShamTerra	открытая группа	3289	41,3	58,7
Дух шамана	культурный центр	3183	49,6	50,4
Зов духа. Шаманский опыт	открытая группа	3044	38,2	61,8
МРОШ Тэнгэри	открытая группа	2891	33,3	66,7
Шаманизм (Живой Космос)	открытая группа	1543	51,2	48,8
Зов 13 шаманов	мероприятие	1510	39,7	60,3
Дмитрий Ильин, шаман, целитель	открытая группа	958	36,4	63,6
Дом шамана. Обучение и помощь в Новосибирске	открытая группа	731	23,1	76,9
Шаман / Экстрасенс	открытая группа	713	60,0	40,0
Шаман-Тигр Ай-Хаан	открытая группа	636	46,4	53,6
Дом шамана в Красноярске	открытая группа	389	17,7	82,3
МРОШ «Байкал»	открытая группа	307	37,1	62,9
МРОШ «Дархан Тэнгэри»	открытая группа	168	51,8	48,2
Среднее значение			40,5	59,5

В возрастной структуре аудитории неошаманских сообществ доминирует группа от 25 до 34 лет (37,7 %), что можно считать характерным для аудитории ВК вообще. Но на втором месте по численности располагается не более молодая группа – от 18 до 25 лет (11 %), а более старшая – от 35 до 44 лет (28,2 %), то есть заметно преобладание взрослой аудитории (см. рис. 1).

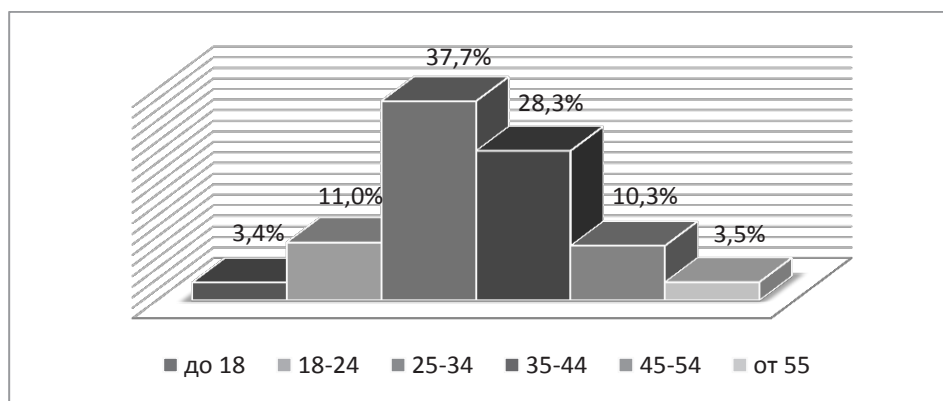


Рис. 1. Возрастной состав аудитории неошаманских сообществ в социальной сети «ВКонтакте»

Контент, заполняющий страницы неошаманских сообществ, несмотря на их большое число и разные функции, достаточно однообразен. Информация, как правило, представляет собой мозаичное взаимодействие письменных текстов, визуальных образов и аудиосообщений (музыкальных произведений).



Во всём корпусе текстовых сообщений можно выделить ряд содержательных блоков, которые обозначим следующим образом: *культурно-просветительский* – изложение основ шаманской мифологии, ссылки и фрагменты научных исследований шаманизма, описание атрибутов шаманской практики; *рекламный* – объявления об услугах или мероприятиях; *эзотерико-прагматический* – советы и рецепты практической деятельности (гороскопы, кулинарные рецепты, инструкции по медитации, камланию и т.п.); *мотиваторы* – «глубокомысленные» изречения и цитаты.

Последний блок можно считать самым распространённым и доминирующим, так как именно этот контент позволяет поддерживать активность сообщества, являясь популярным объектом «репостов» и комментариев. «Глубокомысленные» мотиваторы являются одним из характерных жанров в социальных медиа. Как правило, подлинность таких высказываний не выдерживает проверки; содержание же часто бессмысленно либо банально, но оформлено в виде высокопарных афоризмов.

В неошаманских группах в качестве цитируемых «авторов» выступают духовные учителя прошлого и настоящего времени. Очень немногие из них имеют отношение к шаманизму (Карлос Кастанеда), но большинство имён ассоциируется с альтернативной западному разуму мудростью: Будда, Далай-Лама, Махатма Ганди, Гегам (Армен Гегамян), Экхарт Толле, Сумиран и др.; могут встречаться и вполне светские персонажи: Рэй Брэдбери, Альберт Эйнштейн. Достаточно часты и анонимные афоризмы, подкреплённые только каким-либо изображением. Функция таких изречений в шаманских и в целом «мистических» сообществах заключается не в трансляции целостного мировоззрения или психологических установок, а скорее в том, чтобы служить знаками альтернативной духовности и симулякрами личностного развития, ни к чему определённого не обязывающего.

Такую же функцию маркера особой духовности выполняет визуальный контент неошаманских сообществ. «Мудрым» изречениям должны придать вес прилагаемые фотографии и картины, как правило, имеющие более близкие ассоциации с шаманизмом. Среди распространённых мотивов встречаются образы шаманов различной этнокультурной принадлежности, изображения визионерского опыта, тотемические образы (волк, медведь, ворон, лошадь), образы природы и человека в контексте природы. Популярны работы художников, пишущих на шаманские темы: Владимира Никишина, Тимофея Степанова, Азата Миннекаева, Луиса Тамани, Пабло Амаринго, Сьюзен Седдон Булет, Норваля Мориссо. Активно используется искусство художников, работающих в стиле *visionary art* – визуализации опыта изменённого состояния сознания (Алекс Грэй, Камерон Грэй, Андрю Гонзалес и др.). В целом визуальный стиль неошаманских групп в ВК можно определить как синтез этнографических, экологических и психоделических мотивов.

Аудиоконтент неошаманских сообществ заполнен музыкальными произведениями различных направлений этнической музыки, ассоциирующейся с шаманистскими культурами. Это в основном сибирские, северноевропейские и американские музыкальные традиции. Аудиосопровождение ориентировано на то, чтобы воспроизводить в звуковой форме состояние шаманского транса, погружение в «шаманскую вселенную». Для этого используется музыка, исполняемая на характерных «шаманских» инструментах: бубне, варгане (хомус), традиционных щипковых инструментах, а также и горловым пением. Среди популярных исполнителей, ориентирующихся на сибирские шаманистские культуры, следует назвать таких музыкантов, как Конгар-Оол Ондар, Николай, Владимир Каруев (сценический псевдоним – *Okna Tsahan Zam*), Тюргэн Кам, тувинский ансамбль «Хуун-Хуур-Ту». Популярны в неошаманских сообществах музыкальные коллективы, исполняющие скандинавский *neofolk* и *ritual ambient*: *Wardruna*, *Heilung*, *GaldrareyniR* и др.

Для музыкальной формы неошаманизма характерно взаимодействие с современными музыкальными направлениями: электронной музыкой, джазом, роком и т.д. К примеру, тувинский мастер горлового пения Конгар-Оол Ондар участвовал в записи нескольких альбомов американской группы *Bela Fleck and the Flecktones*; Николай Ооржак записал совместный альбом с московским джаз-коллективом *Alissid Jazz*. Такое взаимодействие шаманской традиции и современной

музыкальной культуры основано на их общей ориентации на воспроизведение состояния транса при опоре на метроритмическую пульсацию.

Понятие транса можно распространить и на другие элементы репрезентации неошаманизма в социальных сетях. «Глубокомысленные» мотиваторы не претендуют на роль психологических рецептов личностного саморазвития, скорее, выступают своеобразными магическими заклинаниями, создающими эффект символического управления реальностью. Психоделические картины воспроизводят на экране визуальный образ «шаманской вселенной». В этом смысле само пребывание в социальных сетях можно приравнять к шаманскому трансу в его рафинированном, современном варианте.

Итак, представленность культуры неошаманизма в русском сегменте Интернета показывает, во-первых, его ориентацию на универсального потребителя «духовных услуг». Как показывает анализ сообществ в социальной сети ВК, среди лиц, интересующихся шаманизмом, женщины и мужчины представлены в равной степени, а основной возраст – средний (25–45 лет).

Во-вторых, неошаманизм представляет собой результат адаптации шаманской культуры к особенностям современной цивилизации и современного человека – в Интернете она структурируется по принципам сайтостроения и SMM-продвижения и переводится на язык секулярных ценностей-потребностей атомизированного индивида. Видимо, ведущей потребностью, заставляющей проявлять интерес к культуре неошаманизма, является стремление к духовной альтернативе, обещающей целостность, гармонию личности и природы, способность руководить своей судьбой.

В-третьих, анализ неошаманских сообществ в сети ВК вскрывает ещё один важный аспект – участие в них позволяет интернет-потребителю окружить своё пребывание в сети виртуальными знаками шаманского опыта: заклинаниями-мотиваторами, психоделическими образами и медитативно-ритуальной звуковой дорожкой. Вопрос о том, скрывается ли за этими знаками какая-либо вневиртуальная реальность, не имеет смысла, так как речь идёт о символах, обретающих реальность в процессе виртуальной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иващенко, Я. С. Аксиология современного шаманизма в Хабаровском крае / Я. С. Иващенко, Я. А. Елинская // Международный журнал исследований культуры. – 2016. – № 2(23). – С. 85-94.
2. Матвеева, Ю. А. Информационно-коммуникативная культура как основная характеристика современного общества / Ю. А. Матвеева // Вестник Бурятского государственного университета. – 2010. – № 6. – С. 243-247.
3. Пронина, Т. С. Типологизация новых религиозных движений на основе ценностей и потребностей / Т. С. Пронина, Ю. С. Федотов, Е. Ю. Федотова // Социологические исследования. – 2018. – № 1. – С. 73-82.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Долина белого шамана. Режим доступа: <http://dolinabelogoshamana.ru/excurs.html>.
2. Дом шамана Magenta – Пространство духа. Режим доступа: <https://vk.com/dom.shamana>.
3. Айдана Алтын Суу. Режим доступа: https://samopoznanie.ru/trainers/aydana_altyn-suu/.
4. Новрузова, Э. Социальные сети в России, лето 2017: цифры и тренды / Э. Новрузова. Режим доступа: <https://www.cossa.ru/289/166387/>.
5. Статистика аудитории. Популярность социальных сетей. Режим доступа: <http://vawilon.ru/statistika-auditorii/>.
6. Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#.



**Каримова Р. М.
R. M. Karimova**

«КУСОЧЕК» ТАДЖИКИСТАНА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ: РЕЛИГИОЗНЫЕ АСПЕКТЫ

«A PART» OF TAJKISTAN IN THE RUSSIAN FAR EAST: RELIGIOUS ASPECTS

Каримова Рухшона Муродалиевна – аспирант кафедры истории и архивоведения Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; тел.: + 7 (996) 389-60-76. E-mail: raksana-92@list.ru.

Ms. Rukhshona M. Karimova – a postgraduate student, History and archival studies Department, Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str.; tel.: + 7 (996) 389-60-76. E-mail: raksana-92@list.ru.

Аннотация. Российский Дальний Восток – стратегически важный регион в силу выгодного географического положения и богатства природных ресурсов. При этом целый ряд факторов обуславливает его уязвимость. В их числе миграционные процессы, оказывающие серьёзное влияние на социально-политическую обстановку. Конец 2000-х – начало 2010-х гг. на Дальнем Востоке отмечены значительным увеличением количества приезжих из Центральной Азии и Закавказья, этнокультурные и конфессиональные традиции которых диссонируют со сложившимся в регионе образом жизни. Ислам на конфессиональной карте Дальнего Востока России является по сравнению с другими традиционными конфессиями России не только молодой, но в настоящее время ещё немногочисленной и слабо организованной конфессией. Но вместе с тем мусульмане на территории Дальнего Востока есть, и это необходимо учитывать как руководству России, так и властям регионов Дальневосточного федерального округа (ДФО) при учёте «исламского фактора» в строительстве политики «толерантности, терпимости и недопущения проявлений экстремизма». В настоящее время на территории Дальневосточного региона России нет фактов резкого увеличения количества лиц – приверженцев религии Мухаммеда – и по естественным причинам в ближайшее время не предвидится. На территории Дальнего Востока России в настоящее время также нет явных социально-общественных и правовых проблем, связанных с деятельностью религиозных мусульманских объединений (не говоря о каких-либо радикально-экстремистских проявлениях в этих организациях). Но при этом есть проблемы, связанные с деятельностью новых религиозных течений и верований, которые пришли в данный регион как с Запада, так и от соседей с Востока (США, Южная Корея и Япония).

Summary. The Russian Far East is a strategically important region due to its favorable geographical location and rich natural resources. However, a number of factors contribute to its vulnerability. Among them are migration processes that have a serious impact on the socio-political situation. In the late 2000s-early 2010s, there was a significant increase in the number of visitors from Central Asia and Transcaucasia, whose ethno-cultural and confessional traditions are discordant with the established way of life in the region. On the confessional map of the Far East of Russia Islam is not only young, but still a small and poorly organized confession in comparison with other traditional confessions of Russia. However, Muslims in the Far East are present, and it is necessary to consider both the Russian leadership and authorities of the regions of Far East in the account of the «Islamic factor» in the construction of policy «of tolerance and preventing extremism». Currently, there is no evidence of a sharp increase in the number of adherents of the religion of Muhammad in the Russian Far East, and it is not expected in the near future. On the territory of the Far East of Russia, there are also no obvious social and legal problems associated with the activities of religious Muslim associations (not to mention any radical extremist manifestations in these organizations). But at the same time there are problems associated with the activities of new religious movements and beliefs that came to the region both from the West and from neighbors from the East (USA, South Korea and Japan).

Ключевые слова: Дальний Восток, таджики, ислам, Духовное управление мусульман, религиозные организации.

Key words: The Far East, Tajiks, Islam, Muslim spiritual board, religious organizations.

УДК 394

Жители России, имеющие полное или частичное таджикское происхождение, являются первыми (во времена СССР) и вторыми (сегодняшняя иммиграция) представителями иммигрантов из Таджикистана. Таджики переезжают не только в столицу, но и в большие и маленькие города Дальнего Востока России. За период с 2005 по 2017 годы количество таджиков на Дальнем Востоке возросло с 9 до 1732 человек. В 2017 году в Хабаровском крае проживало 1589 таджиков, в Магаданской области – 20, Еврейской автономной области (ЕАО) – 119, Чукотском автономном округе – 4 [5]. Возникает закономерный вопрос: какие факторы препятствуют приезду и проживанию таджиков на Дальнем Востоке, а какие способствуют закреплению жителей Таджикистана в столь непростом регионе России?

Из числа факторов, препятствующих приезду таджиков на Дальний Восток, необходимо выделить следующие: боязнь холодного климата, проблемы с адаптацией и восприятием менталитета местного населения. Прибывая на Дальний Восток России, таджики не сразу, но со временем адаптируются как к климату, так и к взаимодействию с местным населением. Как принято по всей России, на Дальнем Востоке таджиков воспринимают лишь в качестве рабочих неквалифицированных сфер производства (строительство, уборка улиц, торговля). Однако эти стереотипы уже не актуальны.

Наряду с торговлей, жители Таджикистана в настоящее время стали более успешными и нашли своё применение в сфере предпринимательства и управления. Лица таджикского происхождения занимают высокие посты в государственных структурах. Достаточно вспомнить имя Абдурахмона Хайдаровича Рустамова, который много лет работал в уголовном розыске, являлся начальником Биробиджанского горотдела милиции и участником войны в Афганистане. Вернувшись на Родину во второй половине 1990-х, он до выхода на пенсию возглавлял УБОП МВД Республики Таджикистан. Файзали Азизович Раджабов тоже много лет отработал в милиции, затем в полиции и ушёл на пенсию в специальном звании подполковника. В настоящее время возглавляет Собрание депутатов Облученского района ЕАО [1]. Известной персоной Еврейской автономной области является предприниматель Абдугафор Касиров – новый имам-хатыб областной мусульманской организации «Махалля “Ахли Тарикат”». Двенадцатого декабря две тысячи шестнадцатого года он был представлен губернатору области муфтием Духовного управления мусульман Дальнего Востока Ахматомхазратом Гарифуллиным.

Следует подчеркнуть, что, находясь в далёком от своей Родины регионе, таджики не только чтят свою культуру и религию, они знакомят со своей культурой и религией представителей других народов и культур, несут тепло и улыбки. На Дальнем Востоке России создаётся много культурных и религиозных организаций, которые успешно осуществляют свою деятельность. На территории России много мусульман и для них не существует никаких ограничений в сфере религии и осуществлении религиозной деятельности. Наоборот, Правительство РФ поддерживает и одобряет такую деятельность, если она не противоречит политике Российского государства и не нарушает его законы. В РФ примерно 7 тысяч мечетей. Увеличение их количества происходит чаще всего за счёт Северного Кавказа и Татарстана. В большинстве «немусульманских» регионов сооружение новых мечетей вызывает раздражение населения, с которым вынуждены считаться местные власти [3].

Мусульманское сообщество в Дальневосточном федеральном округе (ДФО) представлено 33 официально зарегистрированными религиозными организациями, относящимися к нескольким структурам федерального уровня – прежде всего к Центральному духовному управлению мусульман России (ЦДУМ) и Духовному управлению мусульман азиатской части России (ДУМАЧР), между которыми на протяжении десяти лет длится конкурентная борьба. Существуют и полностью независимые общины. Большинство организаций имеет пёстрый этнический состав (во многих общинах председателями являются выходцы из Центральной Азии, а имамами – из Северного Кавказа) [3].

Централизованной религиозной организацией, объединяющей на Дальнем Востоке под своим началом местные мусульманские религиозные организации (мечети и общины), является Духовное управление мусульман Дальнего Востока, входящее в состав Центрального духовного



управления мусульман России. Духовное управление мусульман Дальнего Востока было образовано решением президиума ЦДУМ России в 2014 году и прошло регистрацию в Министерстве юстиции РФ в г. Москве в мае 2015 года. Впервые официальное заявление о создании данной организации произошло в 2015 году на I Мусульманском форуме в г. Хабаровске, на котором руководитель администрации ЦДУМ России Мухаммад-Хазрат Таджуддинов торжественно вручил уставные документы и приказ о назначении председателем Духовного управления мусульман Дальнего Востока Ахмаду Хазрат Гарифуллину, ранее являвшемуся только полномочным представителем Верховного муфтия ЦДУМ России на Дальнем Востоке. Данная инициатива была направлена на объединение мусульманских организаций и усиление развития ислама на ДФО. Укрепление традиционного ислама, повышение уровня религиозной грамотности и контроль над ранее раздробленными общинами позволит эффективно прививать местному этническому мусульманскому населению понимание истинного ислама, несущего мир и созидание, а также препятствовать развитию экстремистских настроений среди местного и иностранного населения [2].

Организации и религиозные группы Духовного управления мусульман азиатской части России действуют в шести населённых пунктах Хабаровского края – городах Комсомольске-на-Амуре, Хабаровске, Амурске; посёлках Солнечном, Чегдомыне, Ванино. На стадии создания – в посёлках Березовом, Новый Ургал. Центром религиозной жизни мусульман ДУМАЧР в регионе является Комсомольск-на-Амуре, где действует исламский центр и строится соборная мечеть площадью 537,68 кв. м на участке площадью 4800 кв. м. Как отмечают активисты МРО «Нур», им непросто было добиться получения земельного участка в городе, где некоторая часть горожан, заражённая исламофобией, пыталась препятствовать строительству мечети. Противники строительства мечети требовали проведения референдума и общественных слушаний, но, к чести руководителей города, они не пошли на поводу у националистов. Семнадцатого июля две тысячи десятого года на церемонии закладки первого камня соборной мечети приняли участие глава ДУМАЧР муфтий Нафигулла Аширов, советник президента Таджикистана по религиозным вопросам Домулла Турадджонзаде, представители администрации города и гости из городов Дальнего Востока [4].

С 2007 года полномочным представителем муфтия ДУМАЧР в регионе является уроженец Таджикистана Абдулкасым Абдуллоев, глава МРО «Нур» города Комсомольска-на-Амуре [5].

Несмотря на географические особенности (удалённость от материка, сложности переезда на остров), на Сахалине сложились две мусульманские общины. Одна, по преимуществу татарская, группировалась вокруг регионального общественного фонда «Мусульманин» и общины «Махалля», входящей в ЦДУМ. Вторая, интернациональная – Сахалинская община мусульман в составе Духовного управления мусульман азиатской части России (ДУМАЧР). Среди прихожан её мечети есть и выходцы из Кавказа и Центральной Азии, а также татары, русские, корейцы и буряты. Первым председателем общины стал принявший ислам этнический русский Максим Суворцев, вторым (в 2011 году) был избран чеченец Расул Хадуев, а имамом общины является уроженец Таджикистана Абдумалик Мирзоев. В Хабаровске мусульманской общиной руководили исключительно татары: Рауль Сафиуллин, Рафилль Хайрутдинов, Хамза Кузнецов, Айдар Гарипов и Ахмад Гарифуллин. В Приморском крае татары представлены в руководстве мусульманских общин в Находке, Артёме, Уссурийске, но большим влиянием пользуются таджики, занимавшие посты председателей общин или имамов [3]. Пёстрый национальный состав руководства мусульманских общин Дальнего Востока не только не оказывает существенного влияния на межэтнические отношения внутри мусульманских диаспор, но и способствует укреплению дружбы народов. Представители мусульманского мира составляют значительное меньшинство в ДФО, решение общих проблем заставляет их действовать сообща. Особое значение имеет позиция лидеров общин, их умение выстраивать диалог с городскими и областными чиновниками.

Таджики постепенно вовлекаются во все сферы деятельности. Существенным вкладом в эту деятельность является знакомство народов ДВ с культурой и традициями Таджикистана. К этой деятельности привлечены не только люди старших поколений. Большое внимание уделяется общению в молодёжной среде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Город на Бире [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gorodnabire.ru/novosti/sobitiya/lenta/noviy-imam-chatib-musulmanskoj-obschiny-ead-abdugafor-kasirov-evreyskiy-narod-ochen-gostepriimny> (дата обращения: 09.08.2018).
2. ДУМ ДВ, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dumdv.ru/index.php/about-us> (дата обращения: 09.08.2018).
3. Малашенко, А. Ислам на российском Дальнем Востоке [Электронный ресурс] / А. Малашенко, А. Старостин // Россия в глобальной политике. Июнь 2016 г. – Режим доступа: <http://globalaffairs.ru/number/Islam-na-rossiiskom-Dalnem-Vostoke-18276> (дата обращения: 15.09.2018).
4. Малашенко, А. Ислам на российском Дальнем Востоке [Электронный ресурс] / А. Малашенко, А. Старостин // Россия в глобальной политике. Июнь 2016 г. – Режим доступа: <http://globalaffairs.ru/number/Islam-na-rossiiskom-Dalnem-Vostoke-18276> (дата обращения: 15.09.2018).
5. Мусульмане России / Официальный сайт ДУМ РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dumrf.ru/common/org/2232> (дата обращения: 15.09.2018).
6. Мусульмане России / Официальный сайт ДУМ РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dumrf.ru/regions/27/biographies/2217> (дата обращения: 15.09.2018).
7. Управление Федеральной службы государственной статистики по Хабаровскому краю, Магаданской области, Еврейской автономной области и Чукотскому автономному округу (Дата обращения: 18.07.2018) [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://habstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/habstat/ru/ (дата обращения: 12.09.2018).



Завалишин А. Ю., Костюрина Н. Ю.

A. Yu. Zavalishin, N.Yu. Kostyurina

МОНИТОРИНГ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ И ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ХАБАРОВСКОМ КРАЕ

MONITORING OF ETHNOPOLITICAL AND ETHNOCONFESSIONAL RELATIONS IN THE KHABAROVSK TERRITORY

Завалишин Андрей Юрьевич – доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных наук Хабаровского государственного университета экономики и права (Россия, Хабаровск); 680002, Хабаровский край, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 134. E-mail: native59@rambler.ru.

Mr. Andrey Yu. Zavalishin – Dr.hab. of Sociological sciences, Associate professor, Head of the Humanities and Social Studies department, Khabarovsk State University of Economics and Law (Russia, Khabarovsk); 680002, Khabarovsk territory, Khabarovsk, 134 Pacific str. E-mail: native59@rambler.ru.

Костюрина Надежда Юрьевна – доктор культурологии, профессор кафедры философии и культурологии Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: kosturina@mail.ru.

Ms. Nadezda Yu. Kostyurina – Dr. hab. of Cultural Studies, Professor, Department of Cultural Studies, Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str. E-mail: kosturina@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена анализу состояния межэтнических и межконфессиональных отношений в Хабаровском крае в 2016–2018 гг., выявлению зон повышенного социального напряжения на межнациональной и межрелигиозной почве, факторов, влияющих на характер межнациональных и межконфессиональных отношений в отдельных муниципальных образованиях в частности и Хабаровском крае в целом.

Summary. The article is devoted to the analysis of interethnic and interconfessional relations in the Khabarovsk Territory in 2016–2018, identifying areas of increased social tension based on interethnic and interreligious differences, factors affecting the nature of interethnic and interfaith relations in individual municipalities and the Khabarovsk Territory in general.

Ключевые слова: этнос, конфессия, религия, экстремизм, Дальний Восток, Россия, Хабаровский край, напряжённость, дискриминация.

Key words: ethnos, confession, religion, extremism, the Far East, Russia, Khabarovsk Territory, tension, discrimination.

УДК 316.347; 316.48; 316.74

Этнополитические и этноконфессиональные отношения в современной России традиционно привлекают внимание исследователей прежде всего по причине высокой степени их конфликтности. Лидируют в этом отношении учёные Северного Кавказа, что совершенно не случайно, а также Москвы [2; 6; 7; 8]. И хотя Хабаровский край, как и весь Дальний Восток в целом, традиционно считается территорией межнационального и межконфессионального согласия, угроза возникновения здесь конфликтов на этнической и религиозной почве существует [1]. Мы ранее высказывались по этому поводу [3; 4; 5]. Поэтому проведение мониторинга этнополитических и этноконфессиональных отношений в Хабаровском крае является далеко не случайным.

С декабря 2016 г. данное исследование проводилось по заданию краевого правительства, а с 2018 года – Федерального агентства по делам национальностей. Осуществляет его автономная некоммерческая организация «Краевой научно-практический центр мониторинга этноконфессиональных отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций» (руководитель проекта –

директор социологических наук А. Ю. Завалишин). До настоящего времени проведено 4 исследования: в декабре 2016 г., мае и сентябре 2017 г., апреле 2018 г.

Основные цели мониторинга:

1. Получение оценки состояния межнациональных отношений в субъекте Российской Федерации – Хабаровском крае – по направлениям, соответствующим показателям (индикаторам) государственной программы Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики», а именно: доли граждан, положительно оценивающих состояние межнациональных отношений, в общем количестве опрошенных граждан; уровня общероссийской гражданской идентичности; доли граждан, подтверждающих отсутствие в свой адрес дискриминации по признакам национальности, языка, религии, в общем количестве опрошенных граждан; доли граждан, не испытывающих негативного отношения к мигрантам, в общем количестве опрошенных граждан.

2. Изучение общественного мнения с целью выявления зон повышенного социального напряжения и предупреждения конфликтов на межнациональной и межрелигиозной почве; типичных ситуаций и долгосрочных рисков, способных привести к обострению межнациональных и межконфессиональных отношений в отдельных муниципальных образованиях в частности и Хабаровском крае в целом; факторов и их взаимосвязей, влияющих на состояние межнациональных и межконфессиональных отношений. Объект исследования – население Хабаровского края; предмет исследования – состояние и специфика межнациональных и межконфессиональных отношений.

В качестве инструментов мониторинга этнополитических и этноконфессиональных отношений были использованы: 1) массовый анкетный опрос (всего за 3 года опрошено более 20 тыс. респондентов из всех муниципальных образований края); 2) экспертный опрос (привлечено более 80 экспертов, профессионально занятых в сфере межнациональных и этноконфессиональных отношений: учёных, общественных деятелей, государственных и муниципальных служащих); 3) фокус-группы (более 30 фокус-групп с участием около 300 человек).

Выборка состава респондентов массового анкетного опроса осуществлялась по семи анализируемым категориям: полу, возрасту, месту жительства, национальности, образованию, отношению к религии, материальному положению. Верующие, попавшие в выборку, были представлены преимущественно православными, мусульманами и протестантами при значительном численном превосходстве первых. Погрешность выборки по отношению к генеральной совокупности не превысила 5 %.

Исследования выявили значения показателей, характеризующих состояние этноконфессиональных и этнополитических отношений в Хабаровском крае (в сравнении данных, полученных в мае и сентябре 2017 г., апреле 2018 г. (см. табл. 1–4)).

Таблица 1

Доля граждан, положительно оценивающих состояние межнациональных отношений в Хабаровском крае, в общем количестве опрошенных граждан (в %, контрольное значение на 2017 год – 80,0 %, на 2018-й – 80,5 %¹)

Варианты ответа	Май 2017 г.	Сентябрь 2017 г.	Апрель 2018 г.
Всего оценивают положительно	70,9	66,5	73,5
Всего оценивают отрицательно	16,6	17,0	13,0
Затруднились ответить	12,5	16,5	13,5

Примечание – Контрольные значения базовых показателей на текущий год приведены в постановлении Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2016 г. № 1532 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Реализация государственной национальной политики”»

Таблица 2

Уровень общероссийской гражданской идентичности
(в %, контрольное значение на 2017 год – 72,0 %, на 2018-й – 73,0 %)

Варианты ответа	Май 2017 г.	Сентябрь 2017 г.	Апрель 2018 г.
1. С людьми моего поколения, возраста	—*	—*	92,2
2. С людьми той же профессии, рода занятий	—*	—*	83,5
3. Со всеми гражданами России	52,1	54,2	70,5
4. С дальневосточниками	26,0	22,9	—*
5. С жителями Хабаровского края	8,8	10,3	78,9
6. С теми, кто живёт в том же городе (селе), что и я	7,3	6,5	86,4
7. С людьми моей национальности	3,3	3,5	82,0
8. С людьми того же достатка	—*	—*	77,2
9. С людьми, близкими мне по политическим взглядам	—*	—*	57,9
10. С людьми моей веры	2,5	2,5	58,2
*Исследование не проводилось			

Данный результат характеризует, с одной стороны, сравнительно меньшую для жителей Хабаровского края (хотя и очень высокую – 70,5 %) значимость общности с гражданами всей России, возможно, отчасти укладывающуюся в известный слоган «Далеко от Москвы», с другой – свидетельствует о расстановке приоритетов, которую необходимо учитывать при планировании социально-экономического развития региона и гармонизации этноконфессиональных отношений: 1) очень высокий уровень идентичности с возрастными группами, поселенческими и профессиональными; 2) более высокую значимость для респондентов национальной идентичности (82,0 %) по сравнению с религиозной (58,2 %: данный показатель коррелирует с общей долей верующих в составе всей выборки – 53,3 %); 3) сравнительно невысокую степень политической ангажированности населения (57,9 %).

Большинство опрошенных экспертов также отметили, что для жителей их муниципальных образований на первом месте по значимости находится локальная идентичность, на втором – региональная и лишь на третьем – общероссийская (единственным исключением стало мнение эксперта из Хабаровского района, однако данные анкетного опроса это не подтвердили).

Таблица 3

Доля граждан, подтверждающих отсутствие в свой адрес дискриминации по признакам национальности, языка, религии (в %, контрольное значение на 2017 год – 85,0 %, на 2018-й – 86,0 %)

Варианты ответа	Май 2017 г.	Сентябрь 2017 г.	Апрель 2018 г.
<i>По национальной принадлежности и языку</i>			
Да, испытывал	10,6	9,6	4,5
Нет, не испытывал	89,4	90,4	93,8
Затрудняюсь ответить	0,0	0,0	1,7
<i>Из-за религиозных убеждений, вероисповедания или в связи с атеистическими убеждениями</i>			
Да, испытывал	10,6	9,6	4,2
Нет, не испытывал	89,4	90,4	91,9
Затрудняюсь ответить	0,0	0,0	3,9

Как видно из табл. 3, от 4,2 до 10,6 % респондентов заявили, что испытывали дискриминацию в свой адрес по признакам национальности, языка и религии. Ещё большая доля таких оказалась среди опрошенных не русской, а других национальностей (13,9 % в 2018 году). При этом ни один из экспертов не подтвердил наличия зарегистрированных фактов дискриминации в их муниципальных образованиях на протяжении ряда лет. Можно предположить, что респонденты (или значительная их часть), заявившие о наличии фактов дискриминации в их адрес, понимали под ними не нарушение их гражданских или иных прав и свобод, а оскорбление (унижение достоинства) личности, связывая это с их национальной или религиозной принадлежностью (преимущественно в бытовой сфере – на улице, на рынке, на работе и т. д.). О реальных фактах, которые можно было бы квалифицировать как дискриминацию, заявили лишь эксперты из Нанайского и Ульчского районов, где уже на протяжении многих лет не решается вопрос о наделении равными правами на вылов рыбы и охоту коренного населения, не принадлежащего к категории коренных малочисленных народов Севера (последние имеют ряд льгот в этом отношении).

Таблица 4

Доля граждан, не испытывающих негативного отношения к мигрантам
(в %, контрольное значение на 2017 год – 62,0 %, на 2018-й – 63,0 %)

Варианты ответа	Май 2017 г.	Сентябрь 2017 г.	Апрель 2018 г.
Относятся доброжелательно и нейтрально	78,1	73,6	75,0
Относятся отрицательно	20,3	23,8	25,0

Если говорить в целом о результатах мониторинга этнополитических и этноконфессиональных отношений в Хабаровском крае за период с декабря 2016 по апрель 2018 года, то их состояние остаётся стабильным и удовлетворительным. Уровень этнополитической конфликтности во всех анализируемых социальных категориях сохраняется на низком уровне и практически не изменялся за весь период исследований. В крае отсутствуют основания и условия, которые могли бы привести к возникновению масштабных конфликтов в сфере этнополитических и этноконфессиональных отношений.

При этом нельзя исключать угрозы возникновения социальной напряжённости в случае ухудшения социально-экономического положения населения Хабаровского края или его отдельных муниципальных образований, а также каких-либо непредвиденных форс-мажорных обстоятельств. Наиболее проблемными в этом отношении являются городской округ «Город Комсомольск-на-Амуре» (11 выявленных факторов риска), Бикинский муниципальный район (9 выявленных факторов риска), Ванинский муниципальный район (11 выявленных факторов риска), Вяземский муниципальный район (9 выявленных факторов риска), Николаевский муниципальный район (10 выявленных факторов риска), муниципальный район имени Полины Осипенко (8 выявленных факторов риска), Советско-Гаванский муниципальный район (17 выявленных факторов риска), Ульчский муниципальный район (8 выявленных факторов риска).

Наиболее благоприятная ситуация в сфере социально-экономических и этноконфессиональных отношений сложилась, по данным исследования, в городском округе «Город Хабаровск» (3 выявленных фактора риска), Аяно-Майском муниципальном районе (1 выявленный фактор риска), Комсомольском муниципальном районе (2 выявленных фактора риска), муниципальном районе имени Лазо (2 выявленных фактора риска), Нанайском муниципальном районе (4 выявленных фактора риска), Солнечном муниципальном районе (2 выявленных фактора риска), Тугуро-Чумиканском муниципальном районе (2 выявленных фактора риска), Хабаровском районе (2 выявленных фактора риска).

Необходимо обратить внимание на то, что в значительной части муниципальных образований не были достигнуты контрольные значения базовых показателей состояния этноконфессио-



нальных отношений: по уровню общероссийской гражданской идентичности – в 10 муниципальных образованиях; по доле граждан, положительно оценивающих состояние межнациональных отношений, в общем количестве опрошенных граждан – в 12 муниципальных образованиях; по доле граждан, подтверждающих отсутствие в свой адрес дискриминации по признакам национальности и языка, в общем количестве опрошенных граждан – в 2 муниципальных образованиях; по доле граждан, подтверждающих отсутствие в свой адрес дискриминации по признакам религиозной принадлежности, в общем количестве опрошенных граждан – в 2 муниципальных образованиях; по доле граждан, не испытывающих негативного отношения к мигрантам муниципальных образований, – не выявлено.

Что касается города Комсомольска-на-Амуре – второго по величине города Хабаровского края, который является индустриальным центром региона, то он имеет определённую специфику, которую выявил мониторинг. Численность населения города по состоянию на 01 января 2018 г. составила 248,3 тыс. чел., доля русских – 91,4 %, других национальностей – 8,6 %. Наиболее многочисленные этнические группы: украинцы – 7,6 тыс. чел., татары – 2,6 тыс. чел., народы Севера – 2,0 тыс. чел. (в том числе нанайцы – 1,5 тыс. чел.), российские корейцы – 1,7 тыс. чел. Базовые показатели состояния этнополитических и этноконфессиональных отношений в г. Комсомольске-на-Амуре представлены в табл. 5.

Таблица 5

Базовые показатели, характеризующие состояние этноконфессиональных и этнополитических отношений в г. Комсомольске-на-Амуре (в сравнении: декабрь 2016 г., сентябрь 2017 г., апрель 2018 г.)

Базовые показатели	Декабрь 2016 г.	Сентябрь 2017 г.	Апрель 2018 г.	КЗ*
Доля граждан, положительно оценивающих состояние межнациональных отношений в Хабаровском крае, в общем количестве опрошенных граждан	81,6	71,6	56,0	80,5
Уровень общероссийской гражданской идентичности	59,7	68,6	58,8	73,0
Доля граждан, подтверждающих отсутствие в свой адрес дискриминации по признакам национальности, языка/религии	—**	92,2	92,8/87,2	86,0
Доля граждан, не испытывающих негативного отношения к мигрантам	—**	53,4	70,4	63,0

* КЗ – контрольное значение

** – Исследование не проводилось

Общая оценка состояния этнополитических и этноконфессиональных отношений в г. Комсомольске-на-Амуре удовлетворительная, но близка к напряжённой.

По результатам массового анкетного опроса, мнениям экспертов и участников фокус-групп наиболее острыми для города являются следующие проблемы: снижение уровня жизни людей; рост безработицы; отсутствие перспектив для молодёжи; общественная безопасность; качество здравоохранения; качество получаемого среднего и высшего образования; коррупция, произвол чиновников; превышение среднего по краю уровня доли респондентов, придерживающихся наци-

оналистических взглядов; не достигающий контрольного значения уровень общероссийской гражданской идентичности; не достигающая контрольного значения доля граждан, положительно оценивающих состояние межнациональных отношений. Рейтинг г. Комсомольска-на-Амуре среди муниципальных образований Хабаровского края по базовым показателям по состоянию на апрель 2018 г. был 15 из 19 возможных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антошкин, С. А. Этнополитические процессы в Дальневосточном регионе Российской Федерации и их влияние на пограничную безопасность: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02: защищена 11.05.2010 / Антошкин Сергей Александрович. – М., 2010. – 195 с.
2. Гаммаев, Т. Г. Этнополитические отношения в России и национальная безопасность государства: причинно-следственные связи // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 2. – С. 208-209.
3. Завалишин, А. Ю. Студенческая молодёжь Дальнего Востока: между этнической толерантностью и экстремизмом / А. Ю. Завалишин, Н. Ю. Костюрина // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2013. – № 4(40). – С. 83-93.
4. Завалишин, А. Ю. Этноконфессиональная ситуация и религиозный экстремизм в Хабаровском крае: конец советской эпохи / А. Ю. Завалишин, Н. Ю. Костюрина // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2014. – № IV-2(20). – С. 65-70.
5. Завалишин, А. Ю. Межэтнические отношения в регионе: баланс на грани возможного (по материалам социологического исследования 2017 г. в Хабаровском крае) / А. Ю. Завалишин // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2018. – № I-2(33). – С. 66-71.
6. Перегудов, С. П. Этноконфессиональные отношения в России как фактор политического риска / С. П. Перегудов // Полития. – 2011. – № 4. – С. 19-34.
7. Рагузин, В. Н. Этноконфессиональные отношения в современной России: состояние, проблемы, противоречия. Социально-философский анализ: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.06 / Рагузин Вадим Николаевич. – М., 1999. – 309 с.
8. Тер-Акопьян, В. А. Этнополитические отношения как внутренний фактор региональной безопасности / В. А. Тер-Акопьян, В. Н. Моисеев // Государственное и муниципальное управление. Учёные записки СКАГС, 2015. – № 3. – С. 214-217.



Лапиков Я. В., Петрунина Ж. В., Булавенко О. А., Никитин А. Г., Тюрина Ю. А.
Ya. V. Lapikov, Z. V. Petrunina, O. A. Bulavenko, A. G. Nikitin, Yu. A. Tyurina

**ВЛИЯНИЕ МЕДИАРЕСУРСОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ:
О ПЕРСПЕКТИВАХ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ**

**INFLUENCE OF MEDIA RESOURCES ON THE PUBLIC OPINION:
ABOUT THE PROSPECTS OF RUSSIAN-CHINESE INTERACTION IN THE FAR EAST**

Лапиков Ярослав Викторович – бакалавр 2-го курса направления подготовки «Лингвистика и межкультурная коммуникация» Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; тел.: + 7 (4217) 24-11-58. E-mail: lmk@knastu.ru.

Mr. Yaroslav V. Lapikov – bachelor of the 2 course, Linguistics and Cross-culture Communication Department, Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str.; tel.: + 7 (4217) 24-11-58. E-mail: lmk@knastu.ru.

Петрунина Жанна Валерьяновна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и архивоведения Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; тел.: + 7 (4217) 24-11-58. E-mail: petrunina71@bk.ru.

Ms. Zanna V. Petrunina – Dr. habil. of History, Professor, History and archival studies Department, Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str.; tel.: + 7 (4217) 24-11-58. E-mail: petrunina71@bk.ru.

Булавенко Олег Анатольевич – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой сервиса и торгового дела Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: o-bul@yandex.ru.

Mr. Oleg A. Bulavenko – Dr. habil. of Economic sciences, Professor, Head of the service and trade business department, Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str. E-mail: o-bul@yandex.ru.

Никитин Александр Георгиевич – доктор философских наук, профессор, профессор-консультант социально-гуманитарного факультета Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: sgf@knastu.ru.

Mr. Alexandre G. Nikitin – Dr. habil. of Philosophy, Professor, consultee, Faculty of Social and Humanitarian Sciences, Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str. E-mail: sgf@knastu.ru.

Тюрина Юлия Александровна – доктор социологических наук, профессор Дальневосточного государственного университета путей сообщения (Россия, Хабаровск); 680021, Хабаровский край, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47. E-mail: ied@festu.khv.ru.

Ms. Yulia A. Tyurina – Dr. habil. of Sociology, Professor, Far Eastern State Transport University (Russia, Khabarovsk); 68002, Khabarovsk territory, Khabarovsk, 47 Seryshev str. E-mail: ied@festu.khv.ru.

Аннотация. В предлагаемом исследовании предпринята попытка изучить общественно-политические взгляды российских дальневосточников и жителей КНР относительно тенденций развития Дальнего Востока России. Основой для изучения общественного мнения послужили материалы периодической печати, размещённые в Интернете. Авторы последовательно рассмотрели позитивные и негативные оценки, присутствующие в обществе, на рассматриваемый круг вопросов и определили степень влияния медиаресурсов на формирование общественного мнения.

Summary. In the proposed paper, an attempt was made to study the socio-political views of Russian Far Easterners and Chinese residents on the development trends of the Russian Far East. The basis for the study of public opinion was the materials of Internet periodicals. The authors consistently reviewed the positive and negative assessments present in society on the range of issues under consideration and determined the degree of influence of media resources on the public opinion.

Ключевые слова: периодическая печать, медиаресурсы, общественное мнение, Дальний Восток России, российско-китайское взаимодействие.

Key words: periodical press, media resources, public opinion, the Far East of Russia, Russian-Chinese interaction.

УДК 32.019.5

Введение

Взаимоотношения России и Китая имеют богатую и непростую историю. Первые связи, возникшие между Китаем и русскими княжествами, датируются XIII-XIV веками, когда оба государства являлись частью Монгольской империи. Однако отношения и граница между двумя государствами впервые были определены только в 1689 году, когда между Русским царством и Империей Цин был заключён Нерчинский мирный договор. С тех пор страны активно поддерживают возникшие связи, а на современном этапе их взаимодействие может характеризоваться широким рядом сфер сотрудничества, таких как, к примеру, торгово-экономические и военно-технические отношения, взаимная гуманитарная поддержка, непрекращающийся диалог культур, совместная партнёрская деятельность на международной арене и т. д.

Несмотря на столь положительный период взаимоотношений России и Китая, за довольно длительную историю взаимодействия странам далеко не всегда удавалось мирно уживаться друг с другом. Основным источником конфликтных ситуаций чаще всего становился вопрос о принадлежности территорий Дальнего Востока, который даже на сегодняшний день остаётся не до конца решённым. Среди общественности набирает популярность мнение о так называемой «китайской экспансии» российских территорий Дальнего Востока. Согласно информации, которая распространяется в различных источниках СМИ, всё больше и больше земель российского Дальнего Востока сдаётся в аренду Китаю. По этим же данным наблюдается большой рост китайской миграции, что вызывает тенденцию вытеснения русского населения с дальневосточных территорий.

Впрочем, существует и альтернативная точка зрения по этому вопросу. Сведения, которые распространяются в других медиаресурсах, имеют куда более позитивный характер: Китай, увеличивая своё влияние на Дальнем Востоке, не пытается «захватить» его, а такие его действия направлены лишь на поддержку и развитие территорий, которые обладают невероятнейшим потенциалом и имеют важное геополитическое положение для страны-союзника – России.

Вопросы российско-китайских отношений в разных областях в наибольшей степени затрагивают интересы российских дальневосточников, которые напрямую вовлечены в двусторонний диалог и испытывают влияние китайской культуры на свою жизнь. Большинство жителей Дальнего Востока нашей страны черпают информацию о перспективах российско-китайского взаимодействия в регионе из русскоязычных интернет-ресурсов, способных оказать влияние на формирование позитивных или негативных общественных настроений. Поэтому в предлагаемой работе в качестве источников будут взяты русскоязычные материалы, размещённые в Интернете. Несмотря на то, что один и тот же вопрос можно одинаково основательно рассматривать с разных точек зрения, тот или иной член общества будет отдавать предпочтение именно той версии, которая была ему прямо или косвенно навязана с помощью различных медиаресурсов. На основании вышеизложенного можно сделать вывод: в обоих случаях мнение общественности главным образом формируется под воздействием одного важного фактора – средств массовой информации.

Точка зрения: Китай «оккупирует» Дальний Восток

Такой позиции по рассматриваемому вопросу придерживается довольно значительная часть населения нашей страны. Часто утверждается, что в последние годы заметно увеличился приток



китайского населения в Россию, в частности, на территории Сибири и Дальнего Востока. По опасениям общественности, это может негативным образом сказаться на степени влияния Российской Федерации на данных территориях, а в конечном итоге и вовсе может привести к сепаратизму Дальнего Востока в пользу Китая. «Китай завоюет Россию без единого выстрела» – так гласит распространённое опасение общества относительно сложившейся ситуации. На полном серьёзе рассматривается вариант, при котором численность китайцев может превысить численность славянского дальневосточного населения, что в итоге приведёт к его полному вытеснению из этих территорий.

Таких взглядов на проблему придерживаются и некоторые эксперты и политические организации. К примеру, по утверждению политолога Александра Александровича Коновалова, который также является президентом Института стратегических оценок, во многих китайских учебниках территории Дальнего Востока и Сибири окрашены в китайские цвета. Таким образом, подрастающему поколению Китая с самого раннего возраста прививается идея о том, что эти территории являются частью их страны. «Китай – это тоже головная боль для будущего», – подмечает эксперт в ходе интервью в программе «В круге света» [1].

Среди населения КНР распространено мнение о том, что Сибирь и Дальний Восток являются исконными китайскими территориями, поэтому о вопросе их принадлежности не может идти и речи. Евгений Петрович Бажанов, ректор Дипломатической академии МИД России, в одном из своих интервью для программы «Назад в будущее» заявил: «...они [китайцы] считают, продолжают считать, это в учебниках у них можно прочесть, что когда-то земли от Байкала и на Восток, они находились в сфере влияния Китая и только потом попали к России» [2].

Довольно настороженной позиции относительно Китая придерживается также и Сергей Александрович Михеев, российский политолог и ведущий эксперт Центра политических технологий. Специалист обеспокоен растущими темпами миграции русского населения с территорий Сибири и Дальнего Востока, в то время как на этом же фоне наблюдается большой рост численности китайцев, всё активнее заселяющих эти районы. Давая интервью для журнала ChinaPRO, эксперт отметил: «Да и в целом говорить, что отношения России и Китая безоблачны, нельзя. Существует проблема миграции в районах Дальнего Востока и Сибири, что чревато нарушением этнического баланса в регионе» [3].

Чем же так привлекают китайцев территории Сибири и Дальнего Востока? Прежде всего это природные ресурсы, которыми так богаты эти земли. К примеру, в 2018 году около 2 млн гектаров лесных массивов, являвшихся частью Томской области, было отдано в аренду китайской компании ЗАО «РосКитИнвест» за 1,26 млрд рублей. По оценкам экспертов, данная сумма, кажущаяся довольно весомой, на деле таковой не является – проданные территории обладали огромнейшим потенциалом и в будущем могли бы принести большую прибыль: «По данным источника, китайцам отдали леса на севере области – уголья, где растут сосны, ели, кедры. Густота этих деревьев – от 1 до 5 тыс. на гектар. Путём нехитрых математических вычислений легко определить, что 140 тыс. гектаров, о которых идёт речь – это не менее 200 млн деревьев. Переводим их в кубометры и получаем 200 млн кубометров так называемой «деловой», то есть самой дорогой древесины, стоимость которой, по данным «Россельхоза», составляет 200–300 млрд рублей» [4].

Особый интерес у руководства КНР вызывают территории опережающего социально-экономического развития. К настоящему времени стороны определили перспективные направления сотрудничества в рамках ТОСЭР. Вместе с тем у российских дальневосточников вызывает опасение односторонняя ориентация руководства на китайский бизнес. В числе опасностей выделяются сужение развития дальневосточной экономики и при изменении внешнеполитической ситуации – проявление неблагоприятных последствий [5, 63].

Российский политолог, Александр Анатольевич Храмчихин, в своей книге «Дракон проснулся?», описывающей внутренние проблемы Китая как источника китайской угрозы для России, затрагивает проблему китайской миграции и заселения российских территорий. По словам эксперта, такая картина весьма выгодна для властей Китая – миграция китайцев в РФ стимулируется, поддерживается и организовывается властями КНР. В качестве подтверждения своего выска-

звания он приводит цитату начальника управления пограничной торговли провинции Хэйлунцзян Цай Кайфу, который также является высокопоставленным чиновником: «Следует всемерно наращивать динамику вывоза рабочей силы на основе укрепления простейших форм технического сотрудничества в таких областях, как овощеводство, лесоразработки, строительный подряд и др., делать шаги в направлении рабочей силы из числа средних и высших технических специалистов, по возможности расширять поток рабочей силы в таких сферах, как народная медицина, строительство объектов, ирригационных сооружений, отделочные работы, технический монтаж, ремонт электростанций и т. п. Одновременно с увеличением экспорта сезонников следует наращивать усилия по направлению рабочей силы на срок 1 год и более. Учитывая состав направляющихся на работу людей, следует укреплять эти бригады и отряды, создавая систему стройотрядов. Необходимо усилить руководящее начало в отношении лиц, выезжающих на работу за границу, защищать их права и интересы, обеспечивать их безопасность и сохранность материальных ценностей, стимулировать здоровое развитие сотрудничества в области найма рабочей силы» [6].

Немаловажной причиной для китайской миграции в РФ являются также обширные посевные площади нашей страны. Дело в том, что размер сельскохозяйственных угодий подавляющего количества китайских земледельцев зачастую не превышает и двух акров. Поэтому нехватка земель заставляет жителей КНР искать её за пределами своей страны. Наиболее удобным вариантом для них становятся территории её ближайшего соседа – России.

Подводя итог, можно сказать, что мнение о «китайской угрозе» становится всё более и более распространённым. Оно находит своих последователей не только среди простых граждан, но и среди профессиональных политологов и экспертов. Всё популярнее становятся идеи о том, что россиян попросту «выживают» с Дальнего Востока и Сибири. Опасения вызывает не только растущее количество мигрирующих китайцев на эти территории, но и то, как свободно им достаются экономически ценные земли, которые продаются КНР весьма дёшево.

Точка зрения: Китай способствует развитию Дальнего Востока

Тем не менее, существует и альтернативный взгляд на проблему перспектив российско-китайского взаимодействия. По утверждению ряда отечественных и зарубежных экспертов, опасения о «китайской экспансии» не имеют за собой каких-либо основательных мотивов по той причине, что миграция жителей КНР лишь способствует развитию России, положительным образом воздействуя на её экономику.

Дальний Восток – регион, обладающий большим экономическим и геополитическим потенциалом для России. Данные территории обладают огромной сырьевой базой, что выводит их на ведущие позиции в экономической структуре страны. Регион к тому же богат минеральными и лесными ресурсами. И не стоит забывать о расположении данных территорий, которое имеет весьма важное геостратегическое значение для России – Дальний Восток не только обеспечивает нашей стране выход в Тихий и Северный Ледовитый океаны, но также граничит с такими странами, как Китай, Япония, США и КНДР.

Развитию Дальнего Востока уделяется большое значение, однако несмотря на многие положительные результаты, которые уже удалось достичь, на данный процесс продолжает оказывать воздействие ряд отрицательных факторов. Прежде всего, регион находится в достаточно большой удалённости от федерального центра. Негативную роль играют и рост цен на топливо, и транспортные расходы, и отставание по уровню реальных денежных доходов, и суровые климатические условия, которые заставляют многих людей искать жильё в регионах с более благоприятным климатом. Эти и другие негативные факторы препятствуют полноценному развитию региона, а также побуждают его жителей эмигрировать на другие территории. Только за период 1991–2010 гг. население Дальнего Востока сократилось на 1,8 млн человек. По данным переписи 2010 года, на сегодняшний день оно составляет 6,3 млн человек (около 5 % населения России), однако по пессимистическому прогнозу ЮНЕСКО, при сложившейся демографической ситуации к 2050 году население региона может уменьшиться до 4 млн человек. Наибольшую опасность вызывает то, что регион теряет всё больше и больше трудоспособного населения. Поэтому некоторые экс-

перты, рассматривая миграцию китайцев на территорию российского Дальнего Востока, оценивают это больше как положительный процесс.

Не вызывает большого удивления тот факт, что большинство сторонников данной идеи являются жителями КНР. Так, президент Академии общественных наук провинции Хэйлунцзян Цюй Вэй заявляет: «Россия нуждается не в десятках или сотнях тысяч, а в миллионах китайских рабочих рук в интересах развития своей экономики. Предлагается, чтобы российское правительство поставило на повестку дня вопрос о принятии политики, поощряющей приезд китайской рабочей силы в Россию, создавало соответствующее общественное мнение, благосклонное отношение к появлению китайской рабочей силы на российском рынке» [7].

Похожих взглядов придерживается и президент Гонконгской генеральной ассоциации международных инвестиций Сюй Чжимин: «Очень хорошие перспективы существуют в сфере предоставления Китаем России рабочей силы: Дальний Восток испытывает потребность в 5 млн работников» [8].

Тем не менее, и с российской стороны есть ряд экспертов, которые придерживаются этой точки зрения, как например директор Института этнографии и антропологии РАН Валерий Александрович Тишков: «Сегодня внутри России существуют две крайности по отношению к иммигрантам из Китая: с одной стороны, приехавшие в Россию китайские иммигранты приносят огромную пользу для развития местной экономики. С другой стороны, идёт распространение “мифа об угрозе китайских иммигрантов”, что наносит серьёзный ущерб отношениям между двумя странами...» [9].

Похожие взгляды имеет и заместитель директора Института Дальнего Востока РАН А. Островский, который считает, что «миф об угрозе китайских иммигрантов является большой фантазией низких журналистов, им нравится запугивать российский народ наличием китайской угрозы» [10].

Более осторожной позиции придерживается Владимир Вячеславович Малявин – китаист, писатель, переводчик. В отношении китайских трудовых мигрантов он высказывается следующим образом: «Наша задача в том, конечно, чтобы они работали на Россию, а не на Китай. Чтобы они работали на своих огородах и продавали продукцию у нас, в России, а не организовывались в эти свои бандитские структуры и вывозили капитал обратно» [11].

На основании вышеизложенных идей и фактов можно сделать вывод о том, что данная проблема имеет две основные точки зрения, каждая из которых может быть конструктивно доказана и обоснована. Однако на основании чего тот или иной человек будет решать для себя, какая позиция более верная? Для обычного гражданина одним из важнейших определяющих факторов это будет, вне всякого сомнения, средства массовой информации.

Влияние СМИ на формирование мнения о проблеме среди общества

1. Механизмы воздействия СМИ

В эпоху информационного общества нет института, оказывающего бóльшего воздействия на мнение общественности, чем средства массовой информации. Такой огромной полнотой власти их наделяет тот факт, что именно медиаресурсы для обычных людей являются путём получения новостей о мире. СМИ общедоступны, социально ориентированы и просты в понимании, а широкий охват аудитории позволяет им воздействовать на бóльшую часть общества.

В РФ самым распространённым средством массовой информации являются печатные издания. Ещё только к началу 2009 года в России было зарегистрировано свыше 51 тыс. печатных СМИ. Телевидение хоть и менее распространено, однако куда более популярно – именно через телевизионные программы поступает основной информационный поток. Интернет, который хоть и является самым удобным средством массовой информации (так как может объединять в себе и телевизионные, и радиотрансляции, и электронные версии печатных изданий и т. д.), ещё не успел получить такую большую популярность. Телевидение, воздействуя сразу на два органа чувств – зрение и слух – является наиболее эффективным инструментом оказания воздействия на личность.

Таким образом, за счёт этого постоянного информационного воздействия люди в некотором роде становятся объектами манипуляции. Существует несколько «рычагов», позволяющих

СМИ внушить ту или иную идею общественности. К их числу можно отнести и искажение информации (когда одни факты о том или ином событии преподносятся в ином свете), и её утаивание, и мистификацию, или создание лжесобытий и т. д. Помимо этого, есть и ряд методов эмоционального воздействия, когда источник оперирует больше не самой информацией, а способом её подачи. Сенсационность, злободневность, упрощение и повторение информации – всё это может оказывать огромное воздействие на личность. Обращение к человеческим чувствам в этом плане гораздо эффективнее, так как при восприятии той или иной информации прежде всего складывается эмоциональное отношение к этой новости, а уже потом подключается разум. Тем не менее, большинство способов воздействия медиаресурсов на общественность связано с лингвистическими средствами, манипуляцией языковыми единицами на различных уровнях (фразеология, лексика, грамматика и т. д.).

Отчего же происходит эта «манипуляция»? С одной стороны, большинство СМИ, являясь коммерческими проектами, стремятся увеличить свою прибыль путём популяризации своей продукции. Для того чтобы этого достичь, они используют вышеперечисленные методы, привлекая больше внимания со стороны потребителей. С другой стороны, источником манипуляции может стать власть, которая через медиаресурсы пытается «навязать» обществу отношение к тому или иному вопросу или же побудить к какому-либо действию.

Выяснив, каким образом происходит воздействие СМИ на общественное мнение, а также основные тому причины, стоит рассмотреть, как именно медиаресурсы влияют на формирование общественного мнения о перспективах российско-китайского взаимодействия на Дальнем Востоке у нас в стране и как – в Китае.

2. Влияние СМИ в России и КНР

Обращаясь к информации, изложенной выше, может сложиться впечатление о том, что большинство медиаресурсов в нашей стране настроено негативно по отношению к китайским мигрантам. Тем не менее, картина на самом деле иная.

Действительно, можно увидеть множество статей с такими заголовками: «Захватывают ли китайцы Дальний Восток?», «Тень жёлтого монстра», «Кто хозяин на Дальнем Востоке: Китай или Россия?» и т. д. Однако содержание этих статей лишь доказывает высокую степень заблуждения общественности относительно данного вопроса. Такие издания, как «Российская газета», «Парламентская газета», «Россия сегодня», «Аргументы и факты» поддерживают российско-китайские отношения, положительно относясь к тенденциям их развития на территории Дальнего Востока. «Китайская экспансия» же представляется не более чем мифом, который на протяжении многих лет пугает сознание российской общественности.

Всё чаще можно увидеть новости, связанные с развитием партнёрских отношений и сотрудничества России и Китая на Дальнем Востоке. В СМИ чаще делается акцент на том, что КНР активно инвестирует большие средства в развитие дальневосточных территорий, помогая увеличить экономический потенциал региона. Можно найти немало статей о различных проектах, совместно запущенных Россией и Китаем для улучшения благосостояния Дальнего Востока и решения возможных локальных проблем. Страны понимают, что двустороннее развитие региона может принести большую выгоду как для одного государства, так и для другого, поэтому обе стороны явно заинтересованы в поддержании партнёрских отношений относительно этого вопроса.

Вне всякого сомнения, существуют источники, которые утверждают и то, что «китайская экспансия» неизбежна и рано или поздно Дальний Восток отойдёт в руки КНР. Однако такая информация, как правило, не имеет за собой какой-либо аргументационной базы и зачастую прибегает к тем самым «манипулятивным» приёмам, изложенным выше.

Китайская Народная Республика также поддерживает позитивно настроенные взгляды о перспективах российско-китайского взаимодействия на Дальнем Востоке. Китайская газета «Жэньминь Жибао», являющаяся одной из ведущих газет в мире и самой влиятельной газетой в Китае, поддерживает мнение о том, что «угроза китайских иммигрантов Дальнему Востоку РФ – большая фантазия журналистов». Развитие дальневосточных территорий КНР расценивает как сближение своей страны с Россией, в подтверждение чего можно найти немало статей на эту тему.

Заключение

В данной статье был проведён анализ российско-китайских отношений на Дальнем Востоке, а также влияния средств массовой информации на формирование общественного мнения по рассматриваемому вопросу. Удалось выявить две основные точки зрения – идею о том, что «Китай «оккупирует» Дальний Восток», и противоположную ей мысль – «Китай способствует развитию Дальнего Востока». Рассматривая данную проблему в исторической ретроспективе, было установлено, что её корни уходят далеко в прошлое и что она не представляет собой явление, возникшее в недавнее время. Заблуждение о «жёлтой экспансии» не ново, оно с различной активностью поддерживалось общественностью ещё с прошлого столетия.

Рассмотрев проблему с обеих точек зрения, стало понятно, что у каждой из сторон есть ряд аргументов в поддержку своей позиции. Те, кто негативно относится к китайской миграции на территории РФ, ссылаются на то, что Китаю отходит всё больше и больше российских земель, обладающих большим экономическим потенциалом. Другая же сторона приводит в подтверждение своей позиции доводы о том, что КНР лишь способствует улучшению дальневосточных территорий и оказывает им различного рода поддержку – инвестиционную и кадровую (предоставление рабочей силы).

Делая основной упор именно на влияние медиаресурсов, было изучено, как именно происходит манипуляция общественным мнением – какие для этого используются «рычаги», а также основополагающие причины самой «манипуляции». Рассматривая некоторые крупные СМИ нашей страны и Китая, было установлено, что среди медиаресурсов в большинстве своём поддерживается позитивно-настроенное мнение о сотрудничестве стран на территории Дальнего Востока.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что медиаресурсы стараются донести мысль о том, что российско-китайское взаимодействие на Дальнем Востоке имеет богатые перспективы и что странам необходимо продолжать поддерживать партнёрские отношения, чтобы вместе способствовать улучшению и развитию региона, обладающего столь большим потенциалом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Почему мы ни с кем не дружим? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://echo.msk.ru/programs/sorokina/845365-echo/#element-text> (дата обращения: 08.05.2018).
2. Военный парад в Пекине – развитие Китая и уроки для России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://echo.msk.ru/programs/futureback/625860-echo/> (дата обращения: 18.06.2018).
3. Михеев, С. Россия и Китай объективно заинтересованы в стратегическом партнёрстве [Электронный ресурс] / С. Михеев. – Режим доступа: <http://www.chinapro.ru/rubrics/5/703/print?p=0> (дата обращения: 18.06.2018).
4. Сибирская тайга уходит в Китай за копейки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://newizv.ru/news/economy/21-03-2018/sibirskaya-tayga-uhodit-v-kitay-za-kopeyki-video> (дата обращения: 15.08.2018).
5. Петрунина, Ж. В. Иностранные инвестиции в Хабаровском крае: перспективы и возможности / Ж. В. Петрунина // Азия и Африка сегодня. – 2016. – № 7(708). – С. 60-64.
6. Храмухин, А. Проблема китайской миграции на территорию России в аспекте расширения жизненного пространства Китая / А. Храмухин // Дракон проснулся?: внутренние проблемы Китая как источник китайской угрозы для России. – М.: Изд-во «Ключ-С», 2015. – С. 43-53.
7. Верченко, А. Л. (пер. с китайского) Китайско-российское региональное сотрудничество (рус.) / А. Верченко (пер. с китайского) // Институт Дальнего Востока Российской академии наук (ИДВ РАН). Проблемы Дальнего Востока. – 2001. – № 6. – С. 45-54.
8. Сюй Чжимин Добрососедство, дружба, экономические и внешнеторговые связи между Китаем и Россией имеют широкие перспективы / Сюй Чжимин // Проблемы Дальнего Востока. – 2002. – № 6. – С. 106-111.
9. Российские эксперты отрицают наличие угрозы китайских иммигрантов Дальнему Востоку РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/95181/6670943.html> (дата обращения: 14.07.2018).
10. Китайцы в Россию не хотят [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.svoboda.org/a/28626974.html> (дата обращения: 008.05.2018).
11. Малявин, В. Китайская экспансия – синдром осторожной кошки [Электронный ресурс] / В. Малявин. – Режим доступа: <https://td-41.livejournal.com/333159.html> (дата обращения: 16.08.2018).

Манзырева Е. С.

ФОРМИРОВАНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СИБИРИ (XVIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)

Манзырева Е. С.

E. S. Manzyreva

**ФОРМИРОВАНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СИБИРИ
(XVIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)**

**FORMATION OF ART EDUCATION IN SIBERIA
(18th century – the beginning of the 19th century)**

Манзырева Екатерина Сергеевна – кандидат культурологии, доцент, заведующая кафедрой культурологии и искусствоведения Восточно-Сибирского государственного института культуры (Россия, Улан-Удэ); 670031, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 1; тел.: + 7 (902) 163-15-71. E-mail: ketrinm1@rambler.ru.

Ms. Ekaterina S. Manzyreva – PhD in Culture Studies, Associate Professor, Department of Culturology and Study of Art, East-Siberian state institute of culture (Russia, Ulan-Ude); 670031, Republic of Buryatia, Ulan-Ude, 1 Tereshkova str.; tel.: + 7 (902) 163-15-71. E-mail: ketrinm1@rambler.ru.

Аннотация. Художественное образование является неотъемлемой частью развития региональной культуры. Изменения, которые происходили в культурной жизни городов, влияли и на развитие сферы образования. Статья посвящена историко-культурологическому анализу начального этапа формирования художественного образования в Сибири. Хронологически этот этап охватывает XVIII – первую половину XIX века. Автор рассмотрел становление театрального и музыкального образования, роль декабристов и приезжих художников в распространении профессионального искусства, деятельность некоторых общеобразовательных учреждений. Автором отмечается, что в отличие от центральной России, развитие художественного образования в Сибири в рассматриваемый период осуществлялось либо посредством преподавания предметов художественного профиля в общеобразовательных учреждениях, либо через немногочисленные специальные учреждения, основанные при духовных учреждениях и по частной инициативе. Но вместе с тем в этот период были заложены основы регионального художественного образования, которые получили своё профессиональное развитие в последующем этапе.

Summary. Art education is an integral part of the development of regional culture. Changes that occurred in the cultural life of cities influenced the development of education. The article is devoted to the historical and cultural analysis of the initial stage of the formation of art education in Siberia. Chronologically, this stage covers 18th century – the beginning of the 19th century. The author considered the formation of theatrical and musical education, the importance of the Decembrists and visiting artists in the dissemination of professional art, the activities of some educational institutions. The author noted that, in contrast to central Russia, the development of art education in Siberia in the period under review was carried out either through the teaching of artistic subjects in general educational institutions or through a few special institutions based at religious institutions and on private initiative. However, at the same time, the foundations of regional art education were laid during this period, which received their professional development in the next stage.

Ключевые слова: художественное образование, Сибирь, искусство, музыкальное образование, театральное образование, художественные мастерские, духовные учреждения.

Key words: art education, Siberia, art, music education, theatrical education, art studio, spiritual institutions.

УДК 37.036 (57)

История профессионального художественного образования в России берёт своё начало в XVIII веке, хотя передача художественных традиций в том или ином виде искусства от мастера к ученику имеет более глубокие корни. Во второй половине XVIII века образование становится частью государственной политики, получает отдельное финансирование и структурируется



в определённую систему государственных или негосударственных учебных заведений разного уровня.

Достаточно подробно этот вопрос рассматривается в работах доктора культурологии Е. Я. Александровой. У неё находим определение термина «художественное образование»: это «составная часть образования, связанная с трансляцией ценностей художественной культуры, передачей знаний, умений, навыков деятельности в области художественной культуры» [1, 44]. Существует также более узкое его понимание: это система образовательных учреждений и организаций по подготовке специалистов в области искусства.

В отличие от центральной России развитие художественного образования в Сибири в рассматриваемый период осуществлялось либо посредством преподавания предметов художественного профиля в общеобразовательных учреждениях, либо через немногочисленные специальные учреждения, основанные при духовных учреждениях и по частной инициативе. Поэтому период, охватывающий XVIII – первую половину XIX века, скорее всего, был этапом формирования художественного образования в сибирских городах, заложившим традиции и принципы, развитие которых происходило во второй половине XIX века. Так как сети образовательных учреждений художественного профиля ещё не было, в дальнейшем мы рассмотрим формирование образования по видам профессионального творчества.

Уже с XVIII века нам известны примеры формирования художественного образования в декоративно-прикладном искусстве. Прежде всего это касалось ювелирного искусства. Его богатые традиции всегда были у коренных народов Сибири, например, у бурят, изготавливавших великолепные изделия из серебра. Но эти традиции передавались от мастера к ученику, из поколения в поколение. Поэтому имён, да и самих произведений, практически не сохранилось. Негосударственные типы учебных заведений были представлены в основном небольшими частными мастерскими, сведения о которых также немногочисленны. Известно, что во второй половине XVIII века по инициативе губернатора Дениса Ивановича Чичерина, управлявшего Сибирью с 1763 по 1781 гг. в Тобольске, была открыта мастерская по росписи серебра. Лучшим мастером считался Алексей Сазанов. Он имел множество подмастерьев, которых учил ремесленному делу, а художественные изделия из серебра этой мастерской вошли в обиход под названием «чичеринские».

Художественное образование развивалось и в учебных заведениях духовного ведомства, как православного, так и буддийского. Например, навыки художественного творчества можно было получить в буддийских дацанах – монастырях, где развивались традиции средневековых университетов. Это были заведения закрытого типа, доступные только лицам мужского пола. Обучение велось наставниками-учителями, преподававшими полный курс наук по астрономии, астрологии, медицине, философии, схоластике, догматике, риторике. В мастерских дацанского комплекса работали чеканщики, ювелиры, литейщики, резчики по дереву, изготавливающие предметы исключительно религиозно-культового назначения. Здесь формируются эстетические каноны, правила композиции и приёмы классической бурятской иконографии, обогащённые бурятскими народными изобразительными средствами. Умение и мастерство передавались от мастера к его ученикам. Широкую известность получила Оронгойская школа резчиков по дереву [3, 216].

Художественное образование в изобразительном искусстве региона в рассматриваемый период также развивалось в основном при духовных учреждениях. Например, в Тобольске иконопись преподавалась в духовной семинарии. Искусными иконописцами и резчиками по дереву в XVIII веке был известен Тобольский архиерейский дом, где существовала иконописная школа.

Далёкая Сибирь не имела своих профессиональных творческих кадров, и её художественное освоение приходилось в основном на долю художников, ссыльнопоселенцев и приезжавших из центральной России в рамках научных экспедиций. Эти художники, многие из которых были выпускниками Академии художеств либо талантливыми любителями изобразительного искусства, привнесли в регион веяния национальной профессиональной художественной школы.

Одним из первых художников, присланных в сибирский край, был Василий Петрович Петров (1779–1810 гг.). Имея большой стаж учителя рисования в Горном училище в Санкт-Петербурге, он приезжает в Сибирь в 1801 году. В своей художественной деятельности он

не оставался равнодушным к педагогическим аспектам, занимаясь подготовкой сибирских художественных кадров, хотя известен Василий Петрович прежде всего как художник-видописец. Некоторые из его учеников в дальнейшем закончили Академию художеств. Другой пример – деятельность Михаила Ивановича Мягкова (1799?–1852), прожившего в Сибири более двадцати лет. Он открыл свою иконописную школу в Барнауле, где написал много картин, икон, давал уроки, работал с учениками и подручными. Его деятельность была многогранной. Прежде всего он известен как художник-иконописец и портретист. Но, к сожалению, не все его работы сохранились до нашего времени. Одним из первых в региональном искусстве он начал писать иконы на холсте маслом. М. И. Мягков с усердием работал и на педагогическом поприще учителем рисования в Барнаульском горном училище в 1830–1840-х гг., за что получил признание и был отмечен наградами [7].

М. И. Мягков, как и В. П. Петров, относился к тем немногим художникам-профессионалам XVIII – начала XIX в., связавшим свою жизнь с Сибирью и вносящим заметный вклад в развитие её художественной культуры. Имея за плечами классическую школу, художники, работавшие в Сибири, исходя из тенденции развития российского искусства, постепенно освобождались от особенностей европейского колорита и приобщались к сибирской самобытности. Кроме писания видов, художники и их ученики начинали эстетически осмысливать окружающую их действительность. И от прилежной академической штудировки натуры они постепенно переходили к обобщениям, типизации натуры.

В начале XVIII века театральное искусство в Сибири существовало в виде представлений бродячих народных артистов в солдатских, школьных театрах и при духовных учреждениях. Но к середине XVIII столетия в европейской части России делаются первые попытки создания провинциальных театров. Уже в 1750 году был основан театр в городе Ярославле; в 1777 году – в городе Туле; в 1786-м – в городе Тамбове. П. Г. Маляровский отмечал, что «художественное образование в сфере театральной деятельности проходило следующим образом: в сибирские города прибывали на гастроли труппы артистов, которые впоследствии по собственной инициативе оставались в сибирском крае и занимались педагогической работой» [4, 21].

Театральное искусство, а вместе с ним и образование, развивалось с помощью частной инициативы. Например, при активном участии жены чиновника В. А. Троепольского в Иркутске в 1787 году был открыт любительский театр, просуществовавший до 1799 года. На сцене ставили в основном пьесы А. П. Сумарокова – комедии и трагедии. Главной актрисой являлась сама госпожа М. И. Троепольская, а спектакли ставились для избранного общества – это был «благородный театр». «Известный путешественник Иоанн Сиверс, посетивший Иркутск в 1790 году, писал об иркутском театре: “Театр? – слышу я ваш вопрос. – В такой отдалённой стране?” Да, совершенно точно! И ещё больше вы удивитесь, если добавлю, что актёры – местные жители, никогда раньше не видавшие театр, и всё же, несмотря на это, их представления весьма милы и музыка не неприятна”» [8, 164]. В 1803 году появляется театр купеческого сына Е. П. Солдатова «для всей публики», в котором актёрами были канцелярские служащие и солдаты местного гарнизона. В этом театре ставились комические оперы и вертепные комедии.

В культурной жизни Сибири, кроме исполнения на сцене любительских постановок и комических опер, следует отметить и распространение иностранной музыки. Некоторые губернаторы привозили с собой музыкантов и даже целые оркестры. Например, правитель Тобольского наместничества А. В. Алябьев, будучи большим любителем музыки, в конце 80-х – начале 90-х годов XVIII в. создал в Тобольске оркестр, инструменты и партитуру для которого он выписал из Петербурга и Москвы. Таким образом, театральная жизнь Сибири XVIII века, несмотря на свой любительский характер, является своеобразным этапом первоначального накопления знаний в сфере художественного образования.

Формирование художественного образования происходило и посредством частной учительской практики, которая осуществлялась в домах губернаторов, других высокопоставленных чиновников, купцов. Частным обучением занимались учителя школ, ссыльнопоселенцы, приглашённые иностранцы. В начале XIX века большую работу проводили сосланные в Сибирь декабри-



сты. Принципами их обучения были всеобщность, всеословность, светскость. Например, декабристы А. П. Юшневский и В. А. Бечаснов давали уроки иностранного языка и музыки детям генерал-губернатора. Из воспоминаний ученика Н. А. Белоголового об А. П. Юшневском мы узнаём, что «Юшневский, кроме того, был хороший музыкант и слыл чуть ли не лучшим учителем для фортепиано в Иркутске...» [2, 144]. С. Г. Волконский преподавал частным образом литературу. Жёны декабристов – М. Н. Волконская, М. К. Юшневская, Е. И. Трубецкая – вели рукоделие, шитьё, танцы. В основе обучения декабристов лежали прогрессивные педагогические идеи, которые получили дальнейшую разработку. Они вводили новые учебные программы, планы, темы по предметам, давали солидную общеобразовательную подготовку, разрабатывали вопросы краеведения, стремились применять и совершенствовать активные методы преподавания в своей практике, расширяя программу обучения. Наряду с общеобразовательной стороной обучения, декабристы учитывали и воспитательную, стремились привить своим ученикам чувства долга и патриотизма, любовь к искусству; осуществляли нравственное, трудовое, эстетическое, физическое воспитание.

В тюрьмах Сибири, на каторге, отбывали свой срок поляки, сосланные после участия в польском восстании. Например, известно, что два раза в Забайкалье приезжал Л. Н. Немировский. Вместе с В. С. Коссаковским они посещали Нерчинск и Нерчинский завод. Живя в Иркутске, Леопольд Николаевич давал уроки рисования дочерям генерал-губернатора Восточной Сибири В. Я. Рупера, а также детям декабриста С. Г. Волконского. А сам он с большим удовольствием писал природу Байкала, который очаровал его своей тайной. В сибирских экспедициях художник вёл дневниковые записи, которые, к сожалению, до сих пор не найдены. Таким образом, политические ссыльные XIX века – декабристы, петрашевцы, не имевшие официального права преподавания в учебных заведениях, использовали свои знания в частном учительстве, а при общении с педагогами оказывали прогрессивное влияние на формирование основ художественного образования.

Нельзя не отметить, что влияние декабристов происходило в основном на высшие и средние слои городского населения. Распространению грамотности и художественной культуры среди коренных народов Сибири способствовали всё же религиозные учреждения, о чём мы кратко упоминали выше. Например, пение, как известно, являлось составной частью церковных служб. При каждой церкви существовал хор прихожан, а в духовных школах обучали нотной грамоте. Уже в XVII веке в Сибири было известно красочное пение демественников, отличавшееся глубиной и мелодическим разнообразием. Оно предназначалось для важных побед, государственных и церковных дат, венчаний. Сибиряки слушали многоголосное пение в наиболее типичном его трёхголосном виде: путник вёл напев молитвы, демественник – расцвеченный верхний голос, нижний – басовую партию. Это было сложное искусство, требовавшее от исполнителей большого мастерства [5].

Во второй половине XVIII века при Тобольском архиерейском доме функционировала специальная школа, в которую набирали детей церковнослужителей из разных уездов Тобольской губернии и готовили певчих для архиерейского хора, регентов (дирижёров) для хоров местных церквей. Сохранились сведения, что в 50–60-х годах XVIII в. воспитанников Тобольской певческой школы обучали архиерейский певчий М. Карпинский, дьякон Софийского собора В. Копылов, иеромонах Вениамин. Обучение музыкальной грамоте в духовных учебных заведениях велось по нотным книгам богослужебного пения.

В ведущих культурных центрах Сибири – Тобольске, Барнауле, Иркутске – имелись свои хоровые коллективы. «В Иркутске в конце XVIII – начале XIX века существовали пять крупных хоровых коллективов – архиерейский, казачий, солдатский, полицейский и молодых чиновников. Из них лучшим считался хор казаков. “Обучаемый весьма опытным учителем, он пел весьма искусно и прекрасно, исполняя концерты Бортнянского”» [8, 164]. Однако далеко не везде в Сибири имелись хоровые коллективы, чаще, особенно в отдельных районах, уровень певческой культуры церковных хоров, как и в целом культура церковнослужителей, был низким. Н. С. Щукин, приехавший в 20-е годы XIX в. в Якутск, сокрушался по поводу плохого звучания хора городской церкви, составленного из местных казаков, относя это на счёт отсутствия знающего учителя, голо-

сов и певческой культуры исполнителей. Поэтому к середине века потребность в профессиональных преподавателях была достаточно велика.

В формировании общих основ художественного образования в Сибири и Забайкалье велика роль общеобразовательных учебных заведений. Значительный вклад в развитие художественного образования внесли женские учебные заведения. Например, в Иркутске это были Сиропитательный дом Е. Медведниковой (1837 год), Институт благородных девиц, или Девичий институт (1845 год), Женское епархиальное училище (1854 год). Было распространено и частное женское образование.

Первоначальное обучение носило домашний характер. Девочки учились дома, в семье. К началу XIX века имелись общеобразовательные школы для девочек частного характера, смешанные частные школы для девочек и мальчиков, частные школы профессионального характера для девочек. Например, иркутская пресса помещала частные объявления такого типа: «Благотворительное училище в доме Петуховой... принимает девочек в учение: шить, читать, писать, рисовать и т. д.» [6, 169].

В 30–40-е гг. XIX в. в Иркутске появились официальные женские учебные заведения. «В 1837 году в Иркутске открылся единственный в своём роде в Восточной Сибири Сиропитательный дом, учреждённый на капитал купеческой вдовы Елизаветы Медведниковой. Целью этого благотворительного заведения было “доставить призрение и образование бедным детям женского пола как благородного звания, так и всех свободных сословий... обучать девиц наукам соответственно их силам и понятиям, а также необходимым женским рукоделиям”» [8, 137].

Воспитанницы поступали в возрасте от 7 до 11 лет. Особенностью приюта было то, что в нём воспитывались дети как привилегированных сословий дворян и чиновников, купцов, так и дети солдат, крестьян, мещан, цеховых, поселенцев. В программу обучения воспитанниц Сиропитательного дома входили такие общеобразовательные предметы, как письмо, чтение, Закон Божий, арифметика, грамматика, Св. история, рукоделие. Позже были добавлены русская история и география, рисование узоров, церковное пение. Распорядок дня и расписание занятий воспитанниц были стандартными для такого рода учебных заведений. Девочки вставали в шесть часов утра, совершали молитву, завтракали. С девяти до двенадцати часов занимались обучением, обедали; с четырнадцати до шестнадцати-семнадцати часов повторяли уроки, обучались рукоделию; в двадцать часов ужинали; в двадцать один час ложились спать. В воскресные и праздничные дни под руководством смотрительницы или надзирательницы ходили в церковь, поочередно дежурили на кухне, а летом работали на огороде.

Большое внимание уделялось рукоделию, в среднем по 11-12 часов из 30 часов недельного времени. Рукодельные работы демонстрировались на школьных выставках, устраивалась их продажа. Полученные деньги отдавали воспитанницам или помещали в банк для увеличения, а при выходе из Сиропитательного дома девицы получали их обратно.

Преподавателями в Сиропитательном доме приглашались учителя иркутских училищ и гимназий. Например, в 1861 году в Сиропитательном доме преподавало 6 учителей, из них чистописание и рисование узоров – И.Ф. Фокин, пение – А.К. Полуэктов. Отметим, что подобное заведение – приют для девочек «Надежда» – позднее было открыто в Омске.

Похожих принципов придерживался и открытый в 1845 году в Иркутске Институт благородных девиц (Девичий институт). Он относился к учебным заведениям второго разряда и состоял из трёх классов: первый – для девочек 8–12 лет; средний – для девочек 10–14 лет; в старший класс приём не производился. Из преподаваемых предметов художественной направленности были рисование, пение, музыка (игра на фортепиано), танцы, рукоделие.

Таким образом, подвергая культурологическому анализу этап формирования художественного образования, можно выявить, что в то время как в Центральной России к середине XIX века оно уже сложилось как система, Сибирь не имела таких результатов. Особенностью является то, что определяли этапы формирования художественного образования на данной территории негосударственные учебные заведения, духовные заведения и частная инициатива. Менее заинтересованным было государство в оказании поддержки системе художественного образования. Это вы-



ражалось в том, что рисование и музыка преподавались в общеобразовательных учебных заведениях. В силу этого процесс формирования художественного образования носил непрофессиональный, любительский, характер. Рассмотрев наиболее распространённые виды обучения, мы пришли к выводу, что музыкальное образование в Сибири осуществлялось в основном в духовных заведениях, хотя также ярким явлением музыкальной жизни являлось домашнее музицирование. Зачатки театрального обучения формировались в рамках самодеятельности полупрофессиональных частных лиц. Образование в сфере изобразительного искусства проходило в религиозных учреждениях и художественных мастерских, которые были открыты благодаря частной инициативе.

В то же время необходимо отметить, что рассмотренные нами примеры не являются единственными сведениями о процессе формирования художественного образования в Сибири данного периода. Думается, эта проблема ещё требует своего дальнейшего детального изучения и анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова, Е. Я. Становление и развитие системы художественного образования в России XVIII – начала XX века / Е. Я. Александрова. – Москва, 1997. – 138 с.
2. Зиннер, Э. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и учёных XVIII века / Э. П. Зиннер. – Иркутск, 1968. – 248 с.
3. История и культура бурятского народа / Т. М. Михайлов, Д. Д. Нимаев, К. Д. Басаева [и др.]; под ред. Т. М. Михайлова. – Улан-Удэ: Бэлиг, 1999. – 248 с.
4. Маляревский, П. Г. Очерки из истории театральной культуры Сибири / П. Г. Маляревский. – Новосибирск, 1957. – 425 с.
5. Прыгун, Е. В. Становление и развитие музыкального образования в Красноярске от истоков до начала XX века: автореф. дис. ... канд. искусствоведения: 17:00:02.-17: защищена 19.06.2008 / Прыгун Елена Викторовна. – Новосибирск, 2008. – 20 с.
6. Соколовский, П. Русская школа в Восточной Сибири и Приамурском крае / П. Соколовский. – Харьков, 1914. – 305 с.
7. Степанская, Э. В. Художественное освоение Сибири академиками живописи в первой половине XIX века / Э. В. Степанская // Национальное наследие и диалог культур как исток духовности современного общества [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://econf.rae.ru/article/7055> (дата обращения: 09.09.2018).
8. Шахеров, В. П. Иркутск купеческий: история города в лицах и судьбах / В. П. Шахеров. – Хабаровск: Приамурские ведомости, 2006. – 176 с.

Антипина К. В., Яковлева Т. А.
K. V. Antipina, T. A. Yakovleva

**МЕТОДИКА ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ БЮДЖЕТНЫХ РАСХОДОВ
ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ**

**METHODOLOGY FOR ASSESSING THE EFFICIENCY OF BUDGET EXPENSES
OF GENERAL EDUCATIONAL INSTITUTIONS**

Антипина Кристина Владимировна – магистрант кафедры экономики, финансов и бухгалтерского учёта Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27.

Ms. Kristina V. Antipina – Master's degree student, Economics, Finance and Accounting Department, Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str.

Яковлева Татьяна Анатольевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, финансов и бухгалтерского учёта Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: efbu@knastu.ru.

Ms. Tatiana A. Yakovleva – PhD in Economic Sciences, Associate Professor, Economics, Finance and Accounting Department, Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str. E-mail: efbu@knastu.ru.

Аннотация. В работе представлен анализ методики оценки эффективности финансирования общеобразовательных учреждений на примере Комсомольского муниципального района и предложена методика комплексной оценки, которая позволяет учитывать экономическую эффективность, результативность и социально-экономическую эффективность бюджетных расходов на общее образование, а также динамику этих показателей.

Summary. The paper analyzes the methodology for assessing the effectiveness of financing general education institutions using the example of Komsomolsk municipal district and offers a comprehensive assessment methodology that allows taking the economic efficiency, effectiveness and socio-economic efficiency of budget expenses on general education, as well as the dynamics of these indicators, into account.

Ключевые слова: бюджет, эффективность финансирования, показатели системы образования.

Key words: budget, financing efficiency, indicators of the education system.

УДК 336.71

Деятельность общеобразовательных учреждений в части государственного (муниципального) задания регламентируется целевыми показателями. В перечень таковых включены показатели, характеризующие качество и объём муниципальной услуги (работы), категории физических и юридических лиц, являющихся потребителями услуг, и предельные цены (тарифы) на оплату услуг в случаях, если законодательством Российской Федерации предусмотрено их оказание на платной основе.

Основным количественным индикатором госзадания выступают показатели непосредственного результата, а именно контингент учащихся по всем уровням общего образования. Показатели, характеризующие качество государственных (муниципальных) услуг, для различных общеобразовательных организаций отличаются.

Для расчёта объёма бюджетного финансирования в системе общего образования используются показатели, обуславливающие объём оказываемых государственных (муниципальных) услуг (количество учащихся), то есть показатели непосредственного результата. Данные об использова-

нии результатов оценки качественных показателей (показателей конечного результата) госзадания общеобразовательных организаций в работе финансовых органов отсутствуют.

Анализ используемой методики расчёта финансирования оказания государственных и муниципальных услуг общего образования свидетельствует об отсутствии механизма, позволяющего увязать финансирование образовательной организации с показателями качества выполнения этой услуги. При этом не установлена ответственность образовательных учреждений и их должностных лиц за невыполнение или неполное выполнение госзадания. В целом финансирование, ориентированное на количество учащихся, не стимулирует повышение качества образовательных услуг, оказываемых общеобразовательными организациями.

Таким образом, весьма актуальной является разработка комплексной методики оценки эффективности расходов бюджетных средств на общее образование. В этом случае целесообразно использовать методику, основанную на расчёте следующих показателей:

- экономической эффективности;
- результативности;
- продуктивности (социально-экономическая эффективность).

Показатель экономической эффективности бюджетных расходов i -го учреждения (Efi) рассчитывается по формуле $Efi = \frac{Vsi}{Si}$, где Vsi – объём государственных общеобразовательных услуг i -го учреждения; Si – затраты на оказание государственных общеобразовательных услуг общего образования i -го учреждения.

Показатель отражает объём общеобразовательной услуги, полученный на единицу бюджетных затрат, и позволяет оценить эффективность преобразования бюджетных расходов в государственные общеобразовательные услуги.

Результативность расходов бюджета на общее образование (услугу) в i -м учреждении (Pi) рассчитывается по формуле $Pi = \frac{Rki}{Vsi}$, где Rki – показатель конечного результата деятельности в сфере общего образования в i -м учреждении.

Этот показатель характеризует эффект от предоставленных государственных услуг общего образования для их получателей, отображает изменение состояния получателя и общественно значимый результат деятельности, а также качество предоставляемых государственных общеобразовательных услуг.

Показатель продуктивности (социально-экономической) эффективности бюджетных расходов на общее образование i -го учреждения (Ei) рассчитывается по формуле $Ei = Efi \cdot Pi$.

Чем больше значение показателя продуктивности, тем эффективней расходы бюджетных средств.

Для рассмотренных выше показателей рассчитываются также сравнительные индикаторы эффективности бюджетных расходов на общеобразовательные услуги – динамика результативности и динамика продуктивности. Динамика результативности бюджетных расходов на образование в i -м учреждении (ΔPi) рассчитывается по формуле

$$\Delta Pi = \frac{Pi_1}{Pi_0},$$

где Pi_1 – результативность бюджетных расходов на общее образование в i -м учреждении в текущем периоде; Pi_0 – результативность бюджетных расходов на общее образование в i -м учреждении в базисном периоде.

Динамика результативности расходов бюджета – это индикатор, характеризующий изменение результатов деятельности учреждений общего образования в текущем периоде в сравнении с базисным периодом.

Если значение индикатора динамики результативности бюджетных расходов на общее образование $\Delta P_i > 1$, то это означает, что образовательное учреждение показывает положительную динамику результативности бюджетных расходов.

Динамика продуктивности (социально-экономической эффективности) бюджетных расходов на общее образование в i -м учреждении (ΔE_i) рассчитывается по формуле

$$\Delta E_i = \frac{\Delta P_i}{\Delta \text{расходов}_i}, \text{ где } \Delta \text{расходов}_i - \text{динамика расходов бюджета на оказание государственных}$$

(муниципальных) общеобразовательных услуг в i -м учреждении. Этот индикатор характеризует соотношение изменения результатов и изменения расходов на достижение данных конечных результатов. Если его значение больше единицы $\Delta E_i > 1$, то это означает, что образовательное учреждение демонстрирует положительную динамику продуктивности (социально-экономической эффективности) расходов бюджета.

По предложенной методике проведём оценку эффективности расходов бюджета Комсомольского муниципального района на учреждения общего образования.

1. Расчёт показателей эффективности расходования бюджетных средств. Проведём оценку эффективности и результативности расходов бюджета Комсомольского муниципального района на общее образование на примере отдельных общеобразовательных организаций региона.

Для расчёта эффективности использования бюджетных средств в сфере общего образования были определены значения показателей эффективности расходов бюджета на общее образование: экономической эффективности, результативности, продуктивности (социально-экономической эффективности) бюджетных расходов на общее образование.

Расчёт показателей эффективности и результативности расходов бюджета Комсомольского муниципального района на общее образование для отдельных общеобразовательных организаций представлен в табл. 1.

Таблица 1

Расчёт показателей результативности и эффективности бюджетных расходов на общее образование общеобразовательных организаций Комсомольского муниципального района в 2016 году

Показатели	Расчёт показателя	Значение показателя			
		МБОУ СОШ сельского поселения «Посёлок Молодёжный»	МБОУ СОШ Уктурского сельского поселения	МБОУ СОШ сельского поселения «Село Большая Картель»	МБОУ СОШ Кенайского сельского поселения
Экономическая эффективность (E_f), чел/млн р.	Количество учащихся/затраты на обучение	24	24	22	22
Результативность (P), %	Число учащихся, успевающих на «хорошо и «отлично»/общий контингент учащихся	45	61	61	70
Продуктивность (социально-экономическая эффективность) бюджетных расходов (E), чел/млн р.	Число учащихся, успевающих на «хорошо и «отлично»/затраты на обучение	11	15	13	15



Показатель экономической эффективности, согласно произведённым расчётам, в школах сельского поселения «Посёлок Молодёжный» и Уктурского сельского поселения является наиболее высоким (на один миллион рублей в год предоставляется услуга в виде обучения 24 человек), тогда как в школах сельского поселения «Село Большая Картель» и Кенайского сельского поселения этот показатель составил 22 человека на один миллион рублей. Это говорит о том, что школы сельского поселения «Село Большая Картель» и Кенайского сельского поселения предоставляют свои услуги дороже, чем школы сельского поселения «Посёлок Молодёжный» и Уктурского сельского поселения.

Показатели результативности демонстрируют обратную тенденцию: деятельность школы Кенайского сельского поселения является наиболее результативной, показатель её результативности равен 70 %. Это свидетельствует о том, что данная школа быстрее достигает поставленную цель и даёт наиболее высокие результаты учебных достижений обучающихся.

Итоговым и совокупным является показатель продуктивности (социально-экономической эффективности) бюджетных расходов, который по итогам проведённого анализа оказался наиболее высоким в школах Уктурского сельского поселения и Кенайского сельского поселения – 15 человек на один миллион рублей. Следовательно, сочетание достигнутого результата при заданном наборе ресурсов и их эффективное использование для получения качества и количества предоставляемых услуг происходит в этих школах наиболее рационально.

В школе сельского поселения «Посёлок Молодёжный» уровень бюджетных расходов на оказание услуг соответствует уровню расходов в школах Уктурского сельского поселения, однако показатель результативности у неё достаточно низкий, что позволяет говорить не о недостаточном финансировании, а о том, что образовательный процесс не соответствует уровню, сложившемуся в других общеобразовательных организациях, – упор делается на обеспечение образовательного процесса, а не на его результативность.

В школе сельского поселения «Село Большая Картель» сложилась обратная ситуация: при достаточно высоком показателе результативности низкое значение показателя экономической эффективности.

2. Оценка показателей эффективности бюджетных расходов на образование с применением методов сравнения. На основе полученных расчётов показателей эффективности бюджетных расходов на общее образование проведём сравнительный анализ динамики результативности (ΔP) и динамики продуктивности (социально-экономической эффективности) бюджетных расходов на общее образование (ΔE).

Расчёт сравнительных индикаторов эффективности бюджетных расходов общеобразовательных организаций Комсомольского муниципального района в 2016 году представлен в табл. 2.

Таблица 2

Расчёт сравнительных индикаторов эффективности бюджетных расходов общеобразовательных организаций Комсомольского муниципального района в 2016 году

Индикатор расходов бюджета	МБОУ СОШ сельского поселения «Посёлок Молодёжный»	МБОУ СОШ Уктурского сельского поселения	МБОУ СОШ сельского поселения «Село Большая Картель»	МБОУ СОШ Кенайского сельского поселения
Динамика результативности (ΔP)	0,938	1,070	0,965	1,015
Динамика продуктивности (социально-экономической эффективности) (ΔE)	0,900	0,984	0,910	0,973

В 2016 году положительная динамика результативности бюджетных расходов наблюдается в школе Кенайского сельского поселения – 1,015; в школе Уктурского сельского поселения – 1,070, однако рост результативности расходов не обусловил роста их продуктивности (социально-экономической эффективности): в школе Кенайского сельского поселения уровень эффективности снизился на 2,7 %; в школе Уктурского сельского поселения уровень эффективности снизился на 1,6 % по сравнению с 2015 годом.

Таким образом, предлагаемые индикаторы эффективности бюджетных расходов образуют содержательную часть оценки эффективности бюджетных расходов общеобразовательных учреждений и позволяют оценить эффективность бюджетных ассигнований с позиции как экономической, так и социальной эффективности.

Преимуществом предлагаемой методики по сравнению с применяемыми в настоящее время в России является использование показателей, устанавливающих связь между бюджетными расходами на общее образование и результатами, полученными за счёт бюджетных средств.

Использование результатов оценки эффективности использования бюджетных средств на финансовое обеспечение государственных (муниципальных) услуг общего образования даст возможность своевременно выявлять проблемы в деятельности общеобразовательных организаций и определять пути их решения; поощрять участников бюджетного процесса, достигших наилучших значений показателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Елистратова, Е. Ю. Повышение эффективности расходов на общее образование: дис. ...канд. экон. наук: 08.00.10: защищена 15.02.2017 / Елистратова Елена Юрьевна. – М., 2016. – 175 с.
2. Об утверждении муниципальной программы «Образование в Комсомольском муниципальном районе на 2017–2019 годы»: постановление администрации Комсомольского муниципального района от 01 сентября 2016 г. № 606. – 21 с.
3. О внесении изменений в муниципальную программу «Образование в Комсомольском муниципальном районе на 2017–2019 годы», утверждённую постановлением администрации Комсомольского муниципального района от 01 сентября 2016 г. № 606: постановление администрации Комсомольского муниципального района от 17 марта 2017 г. № 320. – 1 с.
4. Об утверждении положения о формировании муниципального задания на оказание муниципальных услуг (выполнение работ) в отношении муниципальных учреждений и финансовом обеспечении выполнения муниципального задания: постановление администрации Комсомольского муниципального района от 04 декабря 2015 г. № 853. – 25 с.

Антонова А. И.
A. I. Antonova

ЦЕЛИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ООН: РЕАЛИЗАЦИЯ В РАМКАХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

UNITED NATIONS SUSTAINABLE DEVELOPMENT GOALS: IMPLEMENTATION WITHIN SOCIAL AND ECONOMIC POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Антонова Анна Ивановна – ассистент кафедры мировой экономики и таможенного дела Хабаровского государственного университета экономики и права (Россия, Хабаровск). E-mail: antonova0ai@gmail.com.

Ms. Anna I. Antonova – teaching assistant, World economy and customs affair department, Khabarovsk State University of Economics and Law (Russia, Khabarovsk). E-mail: antonova0ai@gmail.com.

Аннотация. В статье рассмотрены особенности долгосрочных целей в области устойчивого развития, утверждённые ООН в 2015 году, а также первые итоги их реализации в рамках социально-экономической политики Российской Федерации.

Summary. The article analyses characteristic property of long-term goals in the field of sustainable development, approved by the UN in 2015, as well as first results of their implementation in the social and economic policy of the Russian Federation.

Ключевые слова: цели устойчивого развития ООН, индикаторы устойчивого развития, социально-экономическая политика.

Key words: the UN Sustainable Development Goals, sustainable development indicators, social and economic policy.

УДК 338.268

На сегодняшний день общество сталкивается с глобальными проблемами человечества, решение которых требует неотлагательных действий как на международном уровне, так и на уровне каждой отдельной экономики мира. Голод, экономическое неравенство, ограниченность и нерациональность использования природных ресурсов – все эти проблемы затрагивают каждую страну и являются препятствием для их дальнейшего развития. Всё это обусловило необходимость чёткого определения основ идеологии развития мирового сообщества на ближайшие десятилетия, которые нашли своё отражение в понятии «устойчивое развитие» и были закреплены в ряде документов (см. рис. 1).



Рис. 1. Подходы к определению устойчивого развития

Определение устойчивого развития впервые прозвучало в 1987 году в докладе «Наше общее будущее» Международной комиссии по окружающей среде и развитию, где было установлено, что устойчивое развитие – это развитие, отвечающее потребностям нынешнего поколения без ущерба для возможностей будущих поколений удовлетворять их собственные потребности [4, 10].

Современные принципы устойчивого развития были сформулированы на саммите, проходившем 25–27 сентября 2015 г. в штаб-квартире Организации Объединённых Наций в Нью-Йорке: в рамках Генеральной Ассамблеи был принят итоговый документ ООН под названием «Преобразование нашего мира: повестка дня в целях устойчивого развития на период до 2030 года». Повестка дня, согласованная 193 государствами – членами ООН, состояла из Декларации, 17 целей в области устойчивого развития, 169 задач и свыше 230 индикаторов для их реализации [7].

Все цели в области устойчивого развития (далее – ЦУР) можно условно подразделить на 3 группы в соответствии с компонентами устойчивого развития: социальные, экологические и экономические. При этом ряд целей устойчивого развития является мультикомпонентным (см. табл. 1) [1, 34].

Таблица 1

Дифференциация целей устойчивого развития в соответствии с компонентами устойчивости

Компоненты устойчивого развития	Цели устойчивого развития ООН
Экономические	2, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 17
Социальные	1, 2, 3, 4, 5, 10, 11, 12, 16, 17
Экологические	6, 7, 11, 12, 13, 14, 15, 17

Несомненно, если говорить обо всём комплексе ЦУР, то Россия достигла уже многих из них. Тем не менее, в настоящее время наша страна сталкивается с рядом проблем. Как видно из табл. 2, в настоящее время некоторые из сформулированных целевых показателей всё ещё не были достигнуты Российской Федерацией.

Таблица 2

Выполнение целевых показателей целей в области устойчивого развития ООН в 2017 году

Цель	Целевой показатель к 2030 году	Показатели России в 2017 году
8	- Ежегодный прирост ВВП – не менее 7 % в год в наименее развитых странах - Экономический рост за счёт диверсификации и модернизации	- Рост номинального ВВП на 3 % (в 2017 году по сравнению с 2016 годом) - 63,2 % экспортных поступлений за счёт топливно-энергетических ресурсов
9	Расширить доступ малого бизнеса к недорогим финансовым ресурсам	Средний процент кредитования – 13 % (США – 3,5 %, Китай – 4,3 %)
10	Достичь и поддерживать рост доходов наименее обеспеченных 40 % населения на уровне, превышающем средний по стране	16 % населения с доходом ниже прожиточного минимума, включая около 50 % населения с размером заработной платы ниже среднего
12	Добиться рационального освоения и эффективного использования природных ресурсов	Наращивание объёмов добывающих видов производств (экстенсивное экономическое развитие)

В настоящее время экономику Российской Федерации сложно назвать ведущей экономикой мира ввиду ряда факторов, включая высокую зависимость экономики нашей страны от экспорта топливных ресурсов, низкой диверсификации экономики, слабым развитием отдалённых регионов. Сильнейшее отрицательное воздействие на Россию оказали санкции западных стран и резкое снижение цен на нефть, что в результате отбросило основные макроэкономические показатели на уровень 2009 года (см. рис. 2) [6].



Рис. 2. Номинальный ВВП Российской Федерации в 1989–2017 гг., млрд долл. США

Уже сегодня предпринимаются попытки решения основных экономических проблем, стоящих на сегодняшний день перед Российской Федерацией: утверждаются разнообразные программы развития, в том числе адаптированные к ЦУР; увеличивается финансирование многих отраслей и т. д. В случае реализации так называемого «ускоренного восстановления» ожидается, что в период с 2017 по 2010 годы будут обеспечены условия для повышения предпринимательской деятельности, восстановится спрос на кредиты со стороны предпринимателей, включая малый и средний бизнес, а также увеличится приток прямых иностранных инвестиций в российскую экономику. Как следствие, российская экономика ориентировочно в 2019–2020 годах сможет вернуться к уровню 2014 года по уровню роста основных макроэкономических показателей [3, 18].

Кроме того, по показателю ВВП на душу населения по ППС прогнозируется, что Россия к 2030 году сможет сравняться с нынешним уровнем таких стран, как Италия и Польша – около 35 тыс. долл. на душу в год. При менее оптимистичном сценарии развития макроэкономических показателей Россия выйдет на уровень среднедушевого дохода по ППС лишь в размерах 29-30 тыс. долл. на душу населения, что равняется показателю таких стран, как Португалия, Словакия и Словения (см. рис. 3) [3, 20].

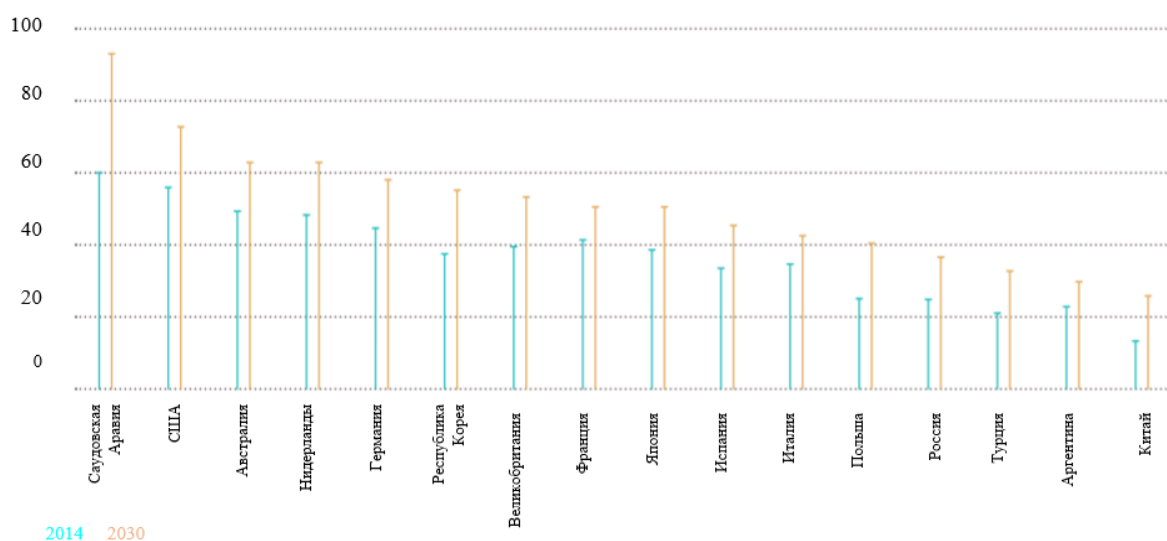


Рис. 3. Прогнозируемые значения ВВП на душу населения по ППС в тыс. долл. США

По данным аналитического центра Российской Федерации, в среднесрочной перспективе маловероятно, что бюджетные расходы на человеческий капитал значительно вырастут. В то же время не стоит ожидать увеличения государственных расходов на здравоохранение и образование ранее, чем к 2019 году. В случае умеренного восстановления экономики России (среднегодового роста ВВП на уровне 1,8–2,0 %) бюджетные расходы на человеческий капитал достигнут к 2030 году 8 % ВВП. Уровень частных и государственных инвестиций в человеческий капитал будет по-прежнему значительно уступать параметрам развитых стран.

Однако, несмотря на положительные прогнозы о дальнейшем экономическом развитии России, обсуждение путей и форм адаптации системы целей устойчивого развития ООН в соответствии с российскими потребностями и интересами нуждается в продолжении.

В настоящее время в качестве нормативно-правовой базы для разработки долгосрочного планирования служит Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», который в значительной мере определяет достижение стратегических целей и решение приоритетных задач государственной политики в сфере социально-экономического развития страны и поддержания национальной безопасности. Являются обоснованными дополнения представленного выше перечня Стратегий устойчивого развития России, составленного в соответствии с Целями в области устойчивого развития ООН до 2030 года. В связи с участием России в ООН и вытекающими из этого международными обязательствами страны данная Стратегия может стать значимой частью системы стратегического планирования Российской Федерации, что в полной мере соответствует необходимости сбалансированного развития страны в экономической, социальной и экологической сферах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобылев, С. Н. ООН: смена целей / С. Н. Бобылев, С. В. Соловьева // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2016. – № 5. – С. 30-39.
2. Бобылев, С. Н. Цели устойчивого развития для будущего России / С. Н. Бобылев, С. В. Соловьева // *Проблемы прогнозирования*. – 2017. – № 3. – С. 26-33.
3. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2016 год. Краткая версия / Под ред. С. Н. Бобылева и Л. М. Григорьева. – Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. – 2016. – 44 с.
4. Наше общее будущее: доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР) / Пер. с англ. С. А. Евтеева и Р. А. Перелета. – М.: Прогресс, 1989. – 21 с.
5. О стратегическом планировании в Российской Федерации: федер. закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. – 2014. – № 26. – Ст. 3378.
6. GDP (current US \$) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?end=2017&locations=RU&start=1960&view=chart>.
7. Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development [Электронный ресурс] // Resolution adopted by the General Assembly on 25 September 2015. – Режим доступа: <https://undocs.org/en/A/RES/70/1>.



Бондаренко С. А., Вахрушева Е. А.
S. A. Bondarenko, E. A. Vakhrusheva

ОСНОВНЫЕ МЕТОДЫ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ФИНАНСОВОЙ СТРАТЕГИИ ОРГАНИЗАЦИИ

ESSENTIAL METHODS OF ASSESSING THE EFFECTIVENESS OF THE ORGANIZATION FINANCIAL STRATEGY

Бондаренко Светлана Аркадьевна – магистрантка кафедры экономики, финансов и бухгалтерского учёта Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: buka0694@mail.ru.

Ms. Svetlana A. Bondarenko – Master 's degree student, Economics, Finance and Accounting Department, Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk Territory, Komsomolsk-on-Amur, Lenin Avenue, 27. E-mail: buka0694@mail.ru.

Вахрушева Елена Анатольевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, финансов и бухгалтерского учёта Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: elena_vah@list.ru.

Ms. Elena A. Vakhrusheva – PhD in Economics, Associate Professor, Economics, Finance and Accounting Department, Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk Territory, Komsomolsk-on-Amur, Lenin Avenue, 27. E-mail: elena_vah@list.ru.

Аннотация. В работе представлены основные методы оценки эффективности финансовой стратегии организации. Приведены существующие мнения учёных в области обеспечения эффективности функционирования организации на основе её финансовой стратегии.

Summary. This paper presents essential methods of assessing the effectiveness of the organization financial strategy. The authors describe the pe existing opinions of pe scientists in the pe field of pe ensuring the pe effectiveness of the pe organization on the pe basis of their pe financial strategy.

Ключевые слова: эффективность, методы, оценка, финансовая стратегия, организация.

Key words: effectiveness, methods, assessment, financial strategy, organization.

УДК 336

Многообразие и возрастающая сложность рыночной среды, интенсивность и динамизм хозяйственных процессов требуют от организаций использовать максимально все свои возможности и резервы.

Выбор стратегии для организации можно охарактеризовать как один из главных аспектов успеха работы организации. Компания может оказаться в кризисной ситуации и на данный момент рискует не суметь своевременно предвидеть меняющиеся обстоятельства и грамотно проработать методику реакции на антикризисные решения.

Оценка финансовой стратегии, разработанной организацией, осуществляется по следующим основным параметрам [2]:

- 1) согласованность финансовой стратегии предприятия с его базовой корпоративной стратегией;
- 2) согласованность финансовой стратегии предприятия с предполагаемыми изменениями внешней финансовой среды;
- 3) согласованность финансовой стратегии предприятия с его внутренним потенциалом;
- 4) внутренняя сбалансированность параметров финансовой стратегии;
- 5) реализуемость финансовой стратегии;
- 6) приемлемость уровня рисков, связанных с реализацией финансовой стратегии;
- 7) экономическая эффективность реализации финансовой стратегии;

8) внеэкономическая эффективность реализации финансовой стратегии.

При положительных результатах оценки разработанной финансовой стратегии (представлена в форме комплексной программы финансового развития организации), соответствующих избранным критериям и финансовой философии, она принимается организацией к реализации.

Процесс разработки показателей эффективности постоянно совершенствуется, появляются новые подходы и концепции как к исследованию и оценке функционирования предприятия, так и к оценке эффективности бизнеса через новые технологии анализа и оценки эффективности.

Эффективность функционирования организаций зависит от правильного выбора и обоснования финансовой стратегии, которая определяет поведение предприятия на рынке, формирует его рыночную позицию в зависимости от наличия финансовых ресурсов, методов и направлений их использования.

В настоящее время вопросами оценки финансовой стратегии занимается значительное количество учёных. Проведённое нами исследование показало, что с этой целью используются матрица финансовой стратегии Ж. Франшоне и И. Романа, показатели финансовой устойчивости, экспертные оценки, SWOT-, PEST- и SNW-анализы, портфельный, сценарный и экспертный анализы, финансовые показатели деятельности организации [3].

При этом, как видно из многообразия представленных подходов к оценке, их можно подразделить на количественные и качественные. Объём показателей, рассчитываемый в рамках этих методик, значительно разнится. Следует отметить, что среди указанных методик имеются те, которые дают некорректные результаты на российском рынке.

В частности, использование матрицы финансовой стратегии Ж. Франшоне и И. Романа не приносит результатов с достаточной степенью точности, поскольку матрица разработана иностранными учёными и не учитывает отраслевую специфику и отсутствие в большинстве российских организаций отчётности, разработанной по международным стандартам финансовой отчётности (МСФО); универсальными показателями для оценки финансовой стратегии сегодня до сих пор остаются финансовые параметры [4].

Однако, если ещё несколько лет тому назад преимущественно для оценки финансовой стратегии использовались показатели финансовой устойчивости платёжеспособности, ликвидности, рентабельности и деловой активности, то в последнее время наибольшую популярность приобретают показатели, определяемые на основе отчётности по МСФО, в частности, свободный денежный поток на акционерный капитал, экономическая добавленная стоимость, добавленная рыночная стоимость. Каждый из перечисленных показателей с разных позиций характеризует финансовую стратегию организации, в связи с чем сравним полученные результаты.

В научной работе О. В. Несмачных показано, что наиболее пригодным инструментом для оценки эффективности реализации финансовой стратегии предприятия является система сбалансированных показателей (ССП) [5].

По мнению автора, для анализа эффективности функционирования организации в целом и анализа эффективности финансовой стратегии в частности необходимо провести анализ финансового состояния предприятия по методике И. А. Соколовой. Данная методика подразумевает анализ ликвидности баланса, анализ показателей платёжеспособности предприятия, анализ эффективности использования основного и оборотного, собственного и заёмного капиталов, анализ абсолютных показателей прибыли и оценку динамики относительных показателей рентабельности, оценку вероятности банкротства с использованием двухфакторной модели Альтмана [6].

Формализованным критерием эффективности сформированной финансовой стратегии предприятия выступает «золотое правило экономики» [1]:

$$T_{\Pi} > T_{B} > T_{СК} \quad \& \gt; \quad 100,$$

где T_{Π} – темп роста прибыли до налогообложения, %; T_{B} – темп роста выручки от продажи товара, %; $T_{СК}$ – темп роста собственного капитала, %.



Если в результате разработки финансовой политики в разрезе приоритетных направлений стратегического финансового развития предприятия нарушается соотношение, рекомендованное данной моделью, то в финансовую стратегию необходимо вносить коррективы, чтобы она была способна удовлетворять критерию эффективности.

Исходя из концепции финансовой стратегии (последовательность действий по формированию и распределению финансовых ресурсов в рамках единого правового и информационного поля в целях получения дохода), можно предположить, что её эффективность – это эффективность комплекса инвестиционных мероприятий. Следует учесть, что за инвестиции можно принимать не только прямые или венчурные вложения, но также и вложения в человеческий капитал, репутацию фирмы и т. д.

В настоящее время большинство предприятий стремится сформировать управление над возможными рисками. Анализируя данные современных предприятий, необходимо активизировать процесс улучшения качества управления финансами предприятия за счёт определённых стратегических методик управления. В данный момент это не только разработка новых методических подходов, но и изменение системы уже имеющихся финансовых решений на предприятии и их модернизация с наименьшим риском в будущем. Применение на практике методических подходов позволит повысить точность оценки финансовых показателей состояния предприятия. Чтобы увеличить финансовые ресурсы предприятия, необходимо проводить всесторонний детальный анализ его финансового состояния, который позволит разработать подходящую стратегию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бланк, И. А. Финансовая стратегия предприятия: учеб. пособие. / И. А. Бланк. – М.: Эльга, 2013. – 725 с.
2. Вилькомир, А. К. Принципы и методы финансовой стратегии предприятия: учеб. пособие. / А. К. Вилькомир. – М.: Финансовый анализ, 2013. – 89 с.
3. Герашенко, И. П. Финансовая стратегия: учеб. пособие. / И. П. Герашенко. – М.: Книжный дом, 2014. – 350 с.
4. Давыдова, Л. А. Финансовая стратегия предприятия: учеб. пособие. / Л. А. Давыдова. – М.: Финансы и кредит, 2014. – 153 с.
5. Несмачных, О. В. Разработка финансовой стратегии предприятия на основе системы сбалансированных показателей / О. В. Несмачных. – М.: Книжный дом, 2014. – 195 с.
6. Соколова, Н. Н. Финансовая стратегия как важная составляющая общей стратегии компании. / Н. Н. Соколова. – М.: Финансовый анализ, 2013. – 52 с.

Булавенко О. А., Смолоногин Д. К.
O. A. Bulavenko, D. K. Smolonogin

БРЕНД КАК СРЕДСТВО СТИМУЛИРОВАНИЯ ТОРГОВЛИ

BRAND AS A MEANS OF STIMULATING TRADE

Булавенко Олег Анатольевич – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой сервиса и торгового дела Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: o-bul@yandex.ru.

Mr. Oleg A. Bulavenko – Doctor of economic sciences, professor, head of the service and trade business department, Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str. E-mail: o-bul@yandex.ru.

Смолоногин Дмитрий Константинович – студент магистратуры 3-го курса факультета экономики и менеджмента направления «Торговое дело» Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: daymon94@mail.ru.

Mr. Dmitriy K. Smolonogin – Master's Degree Student major in Trade business, faculty of economics and management, Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str. E-mail: daymon94@mail.ru.

Аннотация. В данной статье дано определение термина «бренд»; описаны преимущество и экономическая эффективность бренда.

Summary. Brand definition, its advantage and cost-effectiveness are investigated in the article.

Ключевые слова: бренд, торговая марка, брендинг, марочная стратегия.

Key words: brand, trademark, branding, brand strategy.

УДК 330.34

В условиях современного мира, где происходит постоянное увеличение количества предприятий и усиление конкуренции, производители вынуждены искать новые способы и методы воздействия на потребителя, для того чтобы завоевать их доверие и лояльность. Имеющим большое значение из этих всех методов является брендинг.

Брендинг – это процесс, за счёт которого происходит создание бренда; это способ связи с потребителями, основой которого является набор насущных для клиентов ценностей, заложенных в бренд.

Проведя анализ всех определений термина «бренд» (см. табл. 1), можно дать одно, более полно и точно отражающее его особенности, специфику. Бренд – это графическое изображение (знак, символ), слово или сочетание слов (имя), которое в восприятии потребителя вбирает в себя чёткий и значимый набор ценностей и атрибутов, с помощью которых у потребителя формируется отличительный образ товара по отношению к другим товарам одного функционального назначения.

Таблица 1

Определения термина «бренд», данные разными авторами

Автор	Определение	Пример
James R. Gregory	Бренд – это не предмет, товар, организация или предприятие. Бренды – это ментальные конструкции. Бренд можно описать как совокупность всего опыта человека, его восприятие предмета, товара, предприятия. Бренды могут существовать в виде сознания определённых людей или сообщества	Danone
Charles Brymer	Мы определяем бренд как торговую марку, которая в глазах клиента содержит в себе определённый и значительный набор ценностей и атрибутов. Товары сделаны на фабрике. Но товар начинает быть брендом только тогда, когда он приобретает достаточное количество осязаемых, неосязаемых и психологических факторов. Главное, о чём не нужно забывать: бренды не создаются производителем. Они существуют только в сознании клиента	Apple
David F. D'Alessandro	Бренд нельзя назвать просто рекламой или маркетингом. Бренд – это все ассоциации человека, которые могут прийти ему в голову, когда он видит логотип или слышит название бренда	i. <u>Lay's</u>
Paul Feldwick	Бренд – это набор ассоциаций в воображении человека	Nestle
Leslie De Chernatony	Идентифицируемый товар, сервис, личность или место, созданный так, что покупатель понимает уникальную добавленную ценность, которая отвечает его потребностям в большей мере	KFC
Франц-Рудольф Эш	Бренд – это образное представление, сохранённое в памяти заинтересованных групп, которые выполняют функции идентификации и дифференциации и определяют поведение клиентов при выборе продуктов и услуг	Вимм-Билль-Данн
А. В. Буланов	Коммерчески ценный знак или сумма знаков, которая известна определённой группе людей, вызывает в их памяти схожую информацию и схожее отношение к реальным или вымышленным объектам. Бренд может влиять на поведение определённой группы людей в интересах своего владельца, что и создаёт его коммерческую ценность. Коммерческая ценность бренда определяется тем, что он легко может быть отделён от одного объекта и нанесён на другой объект или группу объектов с сохранением своей интерпретации	Puma, FILA

Бренд содержит составные элементы:

1. Визуальный образ.
2. Звуковой образ.
3. Обонятельный образ.
4. Тактильный образ.
5. Вкусовой образ.

Составные компоненты торговой марки:

- имя марки – словосочетание и его комбинации;

- марочный символ – объект графики, который ассоциируется у потребителя с определённым предприятием.

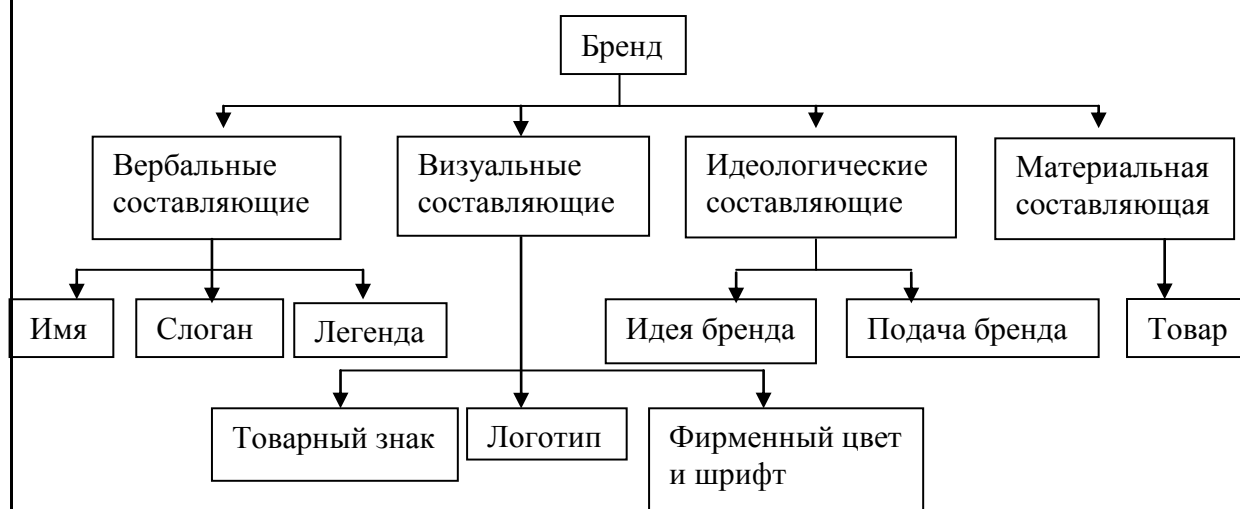


Рис. 1. Составляющие элементы бренда

Ко всему прочему, ещё выделяется фирменный знак, который указывает не на сам товар, а на производителя.

2. Фирменный стиль – это комбинация разнообразных визуально понимаемых частей оформления, с помощью которых можно отличить определённого производителя и позволить потребителям определить его. К стилю фирмы можно отнести логотипы, шрифты, комбинацию цветов, лозунги и др.

Бренд зачастую могут использовать в целях рекламы. Дополнить всё это может упаковка фирмы, которая оформляется в специальном цвете и форме.

Марочная стратегия определяет направление развития марочных названий новых видов товаров и распространяется на все товары фирмы (см. табл. 2).

Таблица 2

Марочные стратегии

Стратегия	Описание
Увеличение длины товарной линии	Появление новинок однородной группы с той же маркой и новым набором характеристик
Повышение уровня использования марки	Применение популярных марок для выпуска новинок или модифицированных продуктов в новой группе. Ко всему прочему уже заслужившая доверие марка обеспечит новинке быстрое узнавание

Продолжение таблицы 2

Стратегия мультимарок	Нахождение нескольких разновидностей марок в одной группе товаров. При помощи этой стратегии появляется возможность точнее произвести сегментирование рынка и произвести дифференцирование продуктов, потому что каждая марка может предложить различные функции продуктов, предлагаемых клиенту
Стратегия корпоративных марок	Обратный метод стратегии мультимарок. Предприятие ведёт продвижение всех своих товаров под одной маркой (LG, Xiaomi). За счёт этого происходит экономия средств, затрачиваемых на маркетинг. При этом процесс внедрения товара становится проще, тем более, когда марка является известной и популярной
Стратегия новых марок	Применяется при выпуске фирмой новой категории товаров, которую необходимо отделить от основного ассортимента, выделив другой маркой за счёт других характеристик

При создании бренда для мебельного центра основной задачей является создание узнаваемого и запоминающегося образа, ассоциирующегося с категорией предлагаемых товаров (услуг).

Название мебельного центра «12 стульев» имеет хорошую ассоциацию с мебелью, хорошо узнаваемо, тем более что оно отсылает к юмористическому произведению (роману) Ильи Ильфа и Евгения Петрова «Двенадцать стульев», чем и вызывает положительное впечатление у потребителя.



Рис. 2. Бренд мебельного центра «12 стульев»

Для того чтобы рассчитать экономическую эффективность создания бренда, необходимо произвести расчёт по формуле ROI:

$$\text{ROI (по брендингу)} = \frac{(\text{Прибыль (до)} - (\text{Прибыль (после)} - \text{Расходы на разработку бренда}))}{\text{Расходы на разработку бренда}} * 100 \%,$$

где Прибыль (до) – до использования бренда; Прибыль (после) – после использования бренда.

В табл. 3 представлены расходы на разработку бренда.

Таблица 3

Расходы на разработку бренда

Выручка в отчётном периоде, руб.	Выручка в текущем периоде, руб.	Затраты на разработку бренда, руб.
856 400	1240 000	120 000

Анализируя данные расчёта по формуле ROI, можно сделать вывод о том, что экономическая эффективность разработанного бренда составляет 219 %, что говорит о хорошей окупаемости инвестиций в разработку, за счёт которой происходит прирост реализации продукции. В свою очередь, для клиентов это означает, что они с лёгкостью смогут отличить товар мебельного центра «12 стульев» от товара иного производителя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буланов, А. В. Бренд 2.0. От философии к практике / А. В. Буланов. – М.: Красная звезда, 2014. – 731 с.
2. Деарлав, Дез Бизнес-путь: Ричард Брэнсон. 10 секретов лучшего в мире создателя бренда. – М.: Крылов, 2013. – 192 с.



Марченко О. В., Бурдакова Г. И.
O. V. Marchenko, G. I. Burdakova

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕТОДОВ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

COMPARATIVE ANALYSIS OF METHODS FOR PREDICTING SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF MUNICIPAL ENTITIES

Марченко Олеся Владимировна – магистрант кафедры менеджмента, маркетинга и государственного управления Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: olemarchenko@yandex.ru.

Ms. Olesya V. Marchenko – Master's degree student, Management marketing and public administration Department, Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str. E-mail: olemarchenko@yandex.ru.

Бурдакова Галина Ивановна – доцент кафедры менеджмента, маркетинга и государственного управления, кандидат экономических наук Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: galinabu@rambler.ru.

Ms. Galina I. Burdakova – PhD in Economics, Associate Professor, Management, marketing and public administration Department, Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str. E-mail: galinabu@rambler.ru.

Аннотация. В работе представлен обзор методов прогнозирования социально-экономического развития, используемых при разработке прогнозов в муниципальных образованиях; раскрыты их особенности и целесообразность применения; проведён их сравнительный анализ в случае разработки прогнозов развития муниципального образования, а также на других территориальных уровнях, включая региональный. Предмет исследования: система прогнозирования социально-экономического развития муниципального образования. Цель исследования: анализ методов прогнозирования и их сравнение. Результаты работы: предложен алгоритм разработки прогнозов социально-экономического развития городского округа «Город Комсомольск-на-Амуре», обоснованы рекомендации по совершенствованию методического обеспечения социально-экономического прогнозирования. Область применения: прогнозирование социально-экономического развития муниципальных образований. Таким образом, для разработки прогнозов в муниципальных образованиях и регионах наиболее распространена регрессионная математическая модель в части измерения количественной зависимости и влияния различных факторов.

Summary. The paper reviews the methods of forecasting socio-economic development used in developing forecasts in municipalities, reveals their features and expediency of application. The authors also conduct a comparative analysis in the case of forecasting the development of a municipal entity, as well as at other territorial levels, including regional ones. The subject of research is a system for predicting the socio-economic development of the municipality. The purpose of the research is to analyze forecasting methods and their comparison. Results of work are the following: an algorithm for developing forecasts for the socio-economic development of the urban district "City of Komsomolsk-on-Amur" is proposed, recommendations for improving the methodological support of socio-economic forecasting are presented. The area of application is forecasting the socio-economic development of municipalities. Thus, for developing forecasts in municipalities and regions, the most common model is a regression mathematical model in terms of measuring quantitative dependence and the influence of various factors.

Ключевые слова: прогнозирование, прогноз, экономическое развитие муниципального образования, регрессионные модели, экономико-математические методы, эконометрические модели, экономическое моделирование.

Key words: forecasting, forecast, economic development of the municipal entity, regression models, economic and mathematical methods, economic models, economic modeling.

УДК 338.27

В текущих условиях совершенствования механизма хозяйствования отмечается довлеющая роль прогнозирования социально-экономического развития при достижении целей повышения эффективности управления социально-экономическим развитием городского округа. Актуальность исследования обусловлена назревшей необходимостью уточнения и корректирования прогноза социально-экономического развития муниципального образования городского округа «Город Комсомольск-на-Амуре» на долгосрочный период, а также необходимостью построения экономико-математической модели, которая впоследствии ляжет в основу бюджетного прогноза на долгосрочный период. По результатам разработанных прогнозов возможно уточнение программных мероприятий и приоритетов социально-экономического развития.

Документ планирования, включающий представления о стратегических направлениях (приоритетах) социально-экономического развития и ожидаемых значениях макроэкономических показателей социально-экономического развития муниципального образования, назван прогнозом социально-экономического развития. В переводе с греческого языка «прогнозирование» означает знание наперёд и является деятельностью участников стратегического планирования по разработке научно-обоснованных концепций о вероятностных рисках развития, об угрозах национальной безопасности страны, о направлениях, результатах и достигаемых в будущем показателях социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований [5]. Являясь составной частью государственного регулирования экономики, прогнозирование социально-экономического развития муниципального образования призвано определять направления развития муниципального комплекса и его структуру. Результаты прогнозных расчётов используются органами местного самоуправления для обоснования целей и задач развития, разработки социально-экономической политики территориальной единицы, использования ресурсов рациональным образом.

Прогноз социально-экономического развития раскрывает будущее состояние различных областей жизнедеятельности населения и отражает в обобщённой форме развитие экономики и социальной сферы муниципального образования. Процесс прогнозирования, являясь формой косвенного воздействия государства на экономику, призван благоприятствовать организации конструктивного диалога науки, бизнеса, общественных организаций и органов местного самоуправления, а также формированию согласованных взглядов на проблемы и перспективы поступательного развития муниципального образования. Прогнозирование индуцирует исследования в области социологии и экономики с развитием и конкретизацией их методов. Из более чем 150 методов в прогнозировании используются представленные на рис. 1.

Уровни детализации методов прогнозирования выражаются степенью формализации (интуитивные, формализованные), принципом действия, способом получения прогнозного материала. Выбор метода прогнозирования зависит от целей прогнозирования, его периода, уровня детализации, наличия исходной информации, требований к точности.

Такие методы, как экстраполяция и моделирование, требуют большого числа статистических данных за прошедший период. Интуитивное прогнозирование и его частный случай – метод экспертных оценок – применяется, когда объект прогнозирования прост или сложен до невозможности аналитического учёта воздействия независимых переменных, количественных и качественных показателей при недостатке начальных данных.

Формализованные методы применимы в прогнозировании, когда есть количественная информация об объекте прогнозирования. Влияние факторов в этом случае описывается математическими зависимостями.

Математический аппарат обеспечивает повышенную точность и достоверность прогнозов при относительно коротких сроках их разработки. При использовании экономико-математических методов выстраивается модель с последующей экспериментальной проверкой в условиях, допускающих объективное наблюдение и измерение [1, 26]. Нахождение решений уравнений на определённых временных промежутках, описывающих построенную модель или системы уравнений

в случае построения более сложной модели, составляет задачу прогнозирования. Методы экстраполяции в приведённой классификации стоят особняком и включают в себя методы подбора функции, методы усреднения и методы адаптивного сглаживания. Эти методы отличаются наглядностью и простотой реализации машинных вычислительных операций.

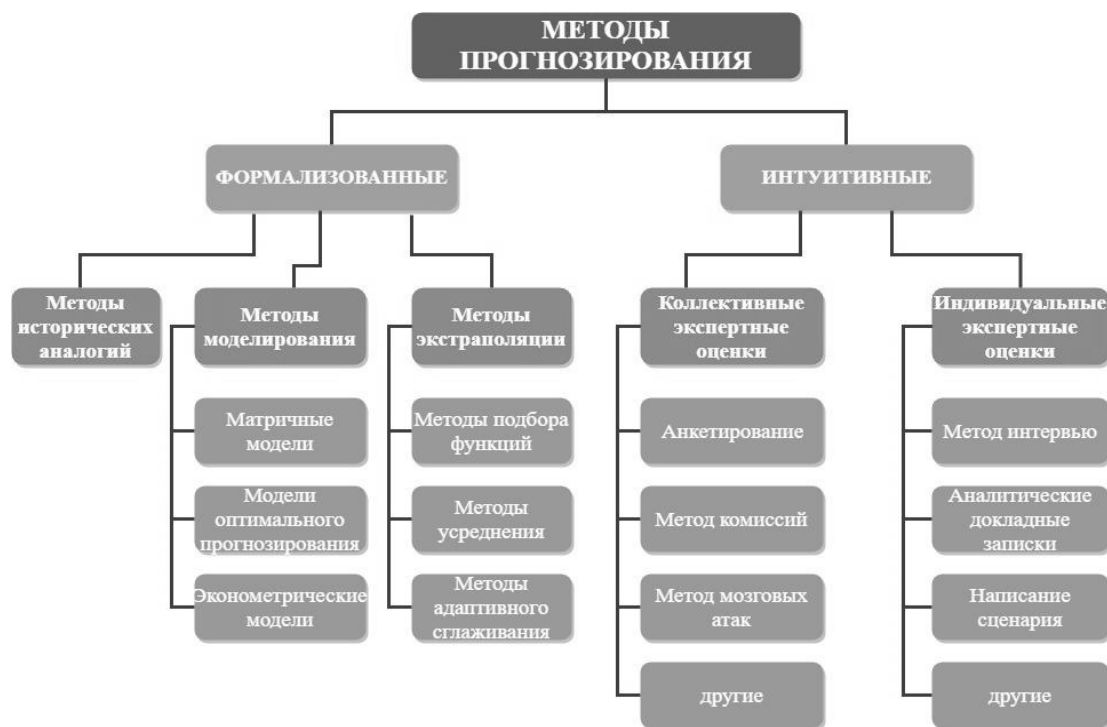


Рис. 1. Классификация методов прогнозирования

Также к группе формализованных методов относятся методы исторических аналогий, заключающиеся в выборе объекта-аналога для объекта прогнозирования. Сведения по объекту-аналогу сопоставляются с уникальными характеристиками объекта прогнозирования.

Кроме перечисленных методов прогнозирования, в практической деятельности используется синтезированный из эвристического и математического методов комбинированный метод, не только объединяющий положительные стороны этих методов, но также исключающий недостатки.

Методы прогнозирования, имея определённые ограничения и трудности в применении, продолжают совершенствоваться. Особую роль в этом играют следующие факторы: экономические кризисы, двигающие экономистов и менеджеров разных стран к изысканиям новых адекватных методов управления; быстрое распространение и включение в повседневную жизнь информационных технологий и совершенствование компьютерной техники. Эти средства сделали общедоступными анализ перспектив и прогнозирование [1, 7].

В случае разработки прогнозов социально-экономических процессов наиболее адекватно проявляют себя методы моделирования. Наиболее значимые из них: модели оптимального прогнозирования, факторные (эконометрические) модели, имитационные модели, представляющие собой программный комплекс, имитирующий деятельность объекта прогнозирования. Процесс построения экономико-математической модели состоит из идентификации объекта (процесса), спецификации модели, идентификации и оценки переменных параметров модели, далее – выявление связей между переменными параметрами модели, в заключение – проверка модели. После разработки модели определяется её тип и подбирается соответствующий метод решения. Например, если целью решения задачи является выявление закономерности, а выявленная переменная модели единственная, то оптимально применить регрессионный статистический аппарат [2, 68 и 70].

Случается, что с подбором подходящего метода возникают трудности или подходящий метод отсутствует вовсе, или, например, невозможно получить точное решение модели. Вот тогда встаёт вопрос разработки приближенной алгоритмической схемы в модификации выбранного метода с учётом частных особенностей и условий задачи. Алгоритм разработки прогноза социально-экономических процессов в муниципальном образовании представлен на рис. 2.



Рис. 2. Алгоритм разработки прогноза социально-экономического развития муниципального образования

На первом этапе проводятся действия, необходимые для получения конечных результатов применения методологического аппарата прогнозирования. Сюда входят выбор математического аппарата и типа математических моделей в случае использования математических методов, а при использовании эвристического метода – отбор экспертов соответствующего уровня. Затем проводятся организационные мероприятия и т. д. Завершается этап получением количественных или качественных прогнозных оценок.

Для апробации формализованных методов авторами проведено прогнозирование социально-экономических показателей г. Комсомольска-на-Амуре двумя методами – экстраполяции и корреляционно-регрессионного анализа.

Методом тренда (экстраполяции временных рядов) выполнен прогноз показателя «Численность населения» на период 2018–2020 гг., что показано на рис. 3.

Как видно из рис. 3, численность населения г. Комсомольска-на-Амуре с 1990 по 2017 гг. описывается моделью $Y = -2,6609 * x + 5613$, где x – год.

Используя эту модель с вероятностью 97,9 % ($R^2 = 0,9797$), можно утверждать, что без проведения специальных мер по закреплению и привлечению населения в 2018 году прогнозируемая численность населения города составит 243,3 тыс. чел., в 2019-м – 240,6 тыс. чел., в 2020-м –

237,9 тыс. чел. Решить проблему оттока населения из Комсомольска-на-Амуре должен Комплексный план социально-экономического развития г. Комсомольска-на-Амуре до 2025 года.

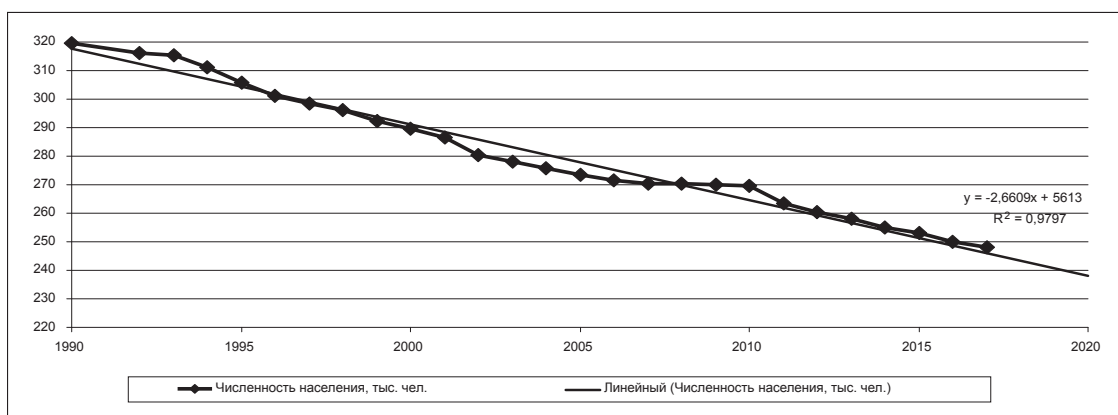


Рис. 3. Численность населения и её тренд в г. Комсомольске-на-Амуре

Метод экстраполяции, показавший высокую пригодность для прогнозирования численности населения города, оказался неадекватным при прогнозировании показателя «Индекс промышленного производства» (R -квадрат построенной модели менее 0,1).

В этом случае целесообразно обратиться к построению корреляционно-регрессионных моделей, при которых важно выявить факторы, влияющие на изменение результата. Подходы к отбору факторов могут быть разные: один из них основан на анализе матрицы коэффициентов парной корреляции, другой – на процедурах пошагового отбора факторов [3, 211]. Например, факторами, определяющими изменение объёмов промышленного производства в г. Комсомольске-на-Амуре, могут быть: объёмы инвестиций, государственная промышленная политика, стратегические планы развития отраслей и предприятий, общая экономическая ситуация.

На рис. 4 приведена динамика промышленного производства в РФ, Хабаровском крае и г. Комсомольске-на-Амуре за период 1991–2017 гг.

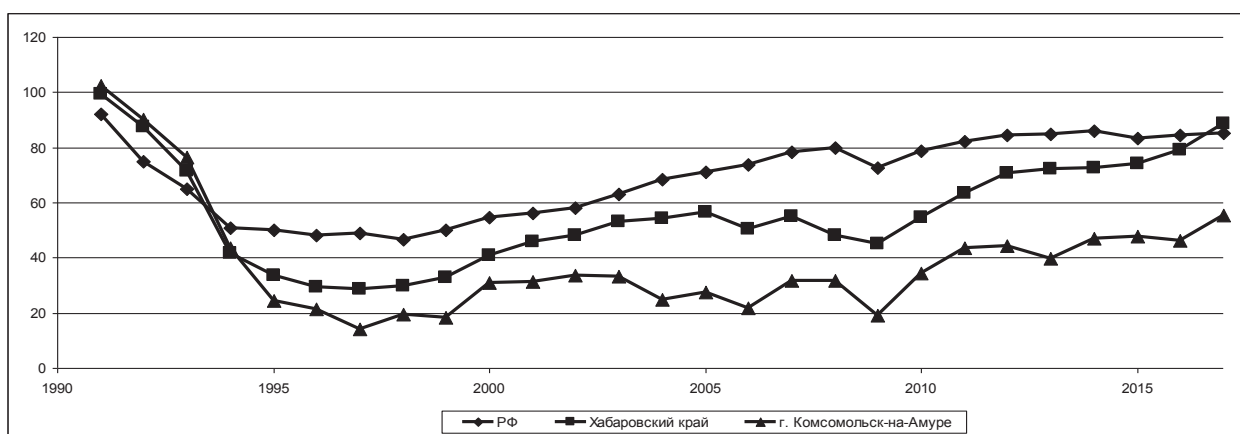


Рис. 4. Динамика промышленного производства г. Комсомольска-на-Амуре, Хабаровского края и Российской Федерации по индексам физического объёма (1990 г. – 100 %)

На рис. 4 отображена корреляция динамики промышленного производства в России, Хабаровском крае и г. Комсомольске-на-Амуре. Безусловно, что общий тренд изменений задаёт ситуация в стране. Понижательные тренды в России и её субъектах возникают в периоды кризисов. Но более сильная связь внутри субъекта. При условии, что доля г. Комсомольска-на-Амуре в про-

мышленности края доходит до 60 %, можно утверждать, что экономика Комсомольска-на-Амуре является «локомотивом» как положительных, так и отрицательных тенденций в промышленности всего Хабаровского края. По результатам корреляционного анализа определено, что изменение в объемах промышленного производства края на 62 % зависит от работы промышленности г. Комсомольска-на-Амуре.

Под влиянием возрастающих темпов научно-технического прогресса оптимальная длительность периода прогноза, осуществляемого одним и тем же методом, обычно имеет тенденцию к сокращению. Это подтверждает необходимость совершенствования методов прогнозирования. Особенно перспективным в данном направлении является создание системы комбинированного прогнозирования, которое может быть достигнуто двумя путями: совместным использованием математических методов, построенных методами статистики, и совместным использованием статистических и эвристических методов [1, 26]. Задачей анализа является обработка информации и выявление вероятностей для сокращения риска при прогнозировании результатов деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Басовский, Л. Е. Прогнозирование и планирование в условиях рынка: учеб. пособие / Л. Е. Басовский. – М.: ИНФРА-М, 2018. – 260 с.
2. Власов, М. П. Моделирование экономических систем и процессов: учеб. пособие / М. П. Власов, П. Д. Шимко. – М.: НИЦ ИНФРА-М, 2013. – 336 с.
3. Орлова, И. В. Экономико-математические методы и модели: компьютерное моделирование: учеб. пособие / И. В. Орлова, В. А. Половников. – М.: Вузовский учебник, 2014. – 389 с.
4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2002–2017: статистический сборник. – М.: Росстат, 2002–2017.
5. О стратегическом планировании в Российской Федерации: федер. закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/70684666/> (дата обращения: 21.05.2018).
6. Мировой атлас данных [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://knoema.ru/atlas/> (дата обращения: 21.05.2018).
7. Госкомстат по Хабаровскому краю [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.gks.ru/8http://habstat.gks.ru/ (дата обращения: 21.05.2018).



Яковлева Т. А., Иванова Е. С.
T. A. Yakovleva, E. S. Ivanova

ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ МЕХАНИЗМА АНТИКРИЗИСНОГО УПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

ISSUES OF CREATING A CRISIS MANAGEMENT MECHANISM IN THE RUSSIAN ECONOMY

Яковлева Татьяна Анатольевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, финансов и бухгалтерского учёта Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: efbu@knastu.ru.

Ms. Tatiana A. Yakovleva – PhD in Economics, Associate Professor, Department of Economics, Finance and Accounting, Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str. E-mail: efbu@knastu.ru.

Иванова Екатерина Сергеевна – магистрант кафедры экономики, финансов и бухгалтерского учёта Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: ivanova_katerine@mail.ru.

Ms. Ekaterina S. Ivanova – Master's degree student, Economics, Finance and Accounting Department, Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str. E-mail: ivanova_katerine@mail.ru.

Аннотация. В статье представлены выявленные обстоятельства актуальности и необходимости антикризисного управления в России; сформирована сравнительная матрица основных видов антикризисного управления. Определены основные проблемы создания механизма антикризисного управления организации, с которыми сталкиваются российские предприятия.

Summary. In article the circumstances of the relevance and necessity of crisis management in Russia are revealed. A comparative matrix of the main types of crisis management in Russia has been formed. The main problems of creating a mechanism of crisis management of an organization that Russian enterprises face are identified.

Ключевые слова: кризис, антикризисное управление, экономическая стабильность, механизм антикризисного управления, проблематика создания антикризисного управления.

Key words: crisis, crisis management, economic stability, mechanism of crisis management, the problems of creating crisis management.

УДК 338.2

В условиях современной мировой экономической нестабильности российским предприятиям приходится буквально «выживать» на рынке, преодолевая последствия экономического кризиса. Основными последствиями кризиса, повлиявшими на экономическое развитие хозяйствующих субъектов, являются:

- внутренние проблемы функционирования предприятий в сфере организации производства;
- вынужденные меры государства по координации своей экономической политики, основанной на активизации процессов приватизации;
- поиск новых методик и подходов в управлении предприятием с целью усовершенствования механизма управления и недопущения усугубления кризисных ситуаций.

Таким образом, создание комплексного механизма финансового управления предприятием целесообразно как в кризисный период, так и задолго до его наступления.

Управление финансовой системой предприятия всегда должно быть антикризисным. Это объясняется тем, что опасность кризиса может появиться в любой момент, даже когда он не наблюдается. Всегда существует риск цикличности финансовой системы, а соотношение

управляемых и неуправляемых процессов меняется: время от времени меняются потребности человека и его интересы.

По мнению отечественных авторов, под антикризисным управлением понимается управление, способное предвидеть опасность кризиса, анализировать симптомы и меры по снижению негативных кризисных последствий, а также использование его факторов для последующего развития. Важнейшую роль здесь играет человеческий фактор. Именно действия человека позволяют найти пути выхода организации из кризиса, используя при этом накопленный годами опыт преодоления кризисных ситуаций.

Основные проблемы создания механизма антикризисного управления представлены в совокупности четырьмя группами (см. рис. 1).

Первая группа рассматривает проблемы распознавания предкризисных ситуаций. Так, наиболее важным при формировании механизма антикризисного управления является своевременно выявленный процесс наступления кризиса. Важно распознать первые признаки и понять характер кризисной ситуации. При этом механизм антикризисного управления нужно построить таким образом, чтобы не навредить организации. Это связано с тем, что не все кризисы можно предотвратить, некоторые из них нужно пережить.

Вторая группа представляет собой методологические проблемы создания механизма антикризисного управления. Здесь рассматриваются такие проблемы, как проблемы социально-психологического характера, проблемы организационного и правового содержания и др.

Третья группа отражает проблемы поиска информации, проблемы прогнозирования кризисных ситуаций, а также проблемы разработки управленческих решений.



Рис. 1. Проблематика создания механизма антикризисного управления [2]

Конфликтологию и селекцию персонала, которые всегда сопровождают кризисные ситуации, представляет четвертая группа проблем антикризисного управления. Здесь тоже выделены

проблемы инвестирования антикризисных мер, а также проблемы банкротства и санации организации. В настоящее время в связи с турбулентностью мировой экономической системы, а также в связи с введёнными Западом санкциями в отношении России в экономике страны появилась острая необходимость в обеспечении поступательного развития и устойчивости к неблагоприятным факторам развития хозяйствующих субъектов, прежде всего предприятий реального сектора экономики. В России с 2009 по 2017 годы коэффициент официальной ликвидации вырос более чем в четыре раза – с 20,9 до 87,3 единиц на 1 тыс. организаций (см. рис. 2).

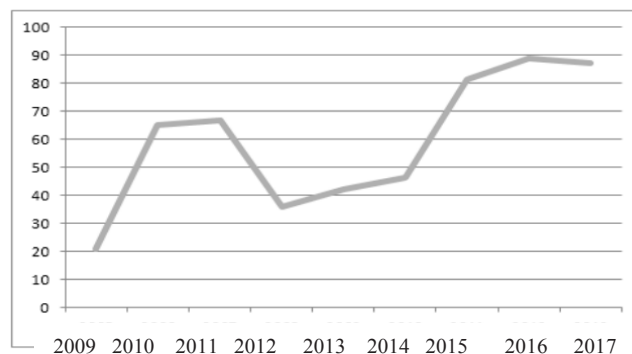


Рис. 2. Количество официально ликвидированных организаций на 1 тыс. предприятий

Таким образом, внедрение антикризисного управления является актуальным на сегодняшний день и должен быть создан комплексный механизм устойчивого развития предприятий, который будет решать комплекс взаимосвязанных задач (см. рис. 3).



Рис. 3. Совокупность основных задач создания механизма антикризисного управления в современной экономике

В табл. 1 представлено сравнение основных видов антикризисного управления в современной концепции Российской Федерации.

Основные виды и особенности антикризисного управления в России

Вид антикризисного управления	Цель	Особенности	Реализуемый принцип антикризисного управления
Антиципативное	Наилучшим образом подготовиться к кризису	Требует затрат ресурсов, когда реальной угрозы ещё нет	Предварительная разработка моделей реагирования и поведения в случае кризиса
Превентивное	Купировать кризисные явления прежде, чем они разовьются	Объективно не может предотвратить все кризисы, но снижает их опасные последствия	Чем раньше обнаружить кризис, тем легче с ним справиться
Реактивное	Сохранение деятельности во время кризиса и поиск способа вернуться в стабильное состояние	Не связано с необходимостью защищать интересы собственников объекта управления	Неважно, кому принадлежит объект управления, главное, чтобы он мог эффективно функционировать
Реабилитационное	Усилить сопротивляемость объекта управления после завершения кризиса, снизить негативные социальные последствия	Нет разработанной теории и системно применяемой практики	Обновляющий потенциал кризиса следует использовать для развития

Подводя итоги, можно выделить следующие проблемы создания механизма антикризисного управления в российской экономике:

- системы антикризисного управления, созданные на основе зарубежного опыта, были предназначены для работы в стабильных условиях экономики, следовательно, в условиях снижения деловой активности на мировых рынках эти системы оказались непригодными;
- меры, предпринимаемые государством, как правило, имеют запоздалый характер и не направлены на ликвидацию причин кризиса;
- системы управления делают упор на устранении нарушений в области финансово-кредитной сферы, а не на создании новой инновационной платформы предприятия;
- наблюдается отставание в области правового регулирования кризиса; правовой механизм ориентирован на разрешение выхода из кризиса посредством банкротства;
- проблема распознавания сущности кризиса, что впоследствии приводит к ошибочной разработке путей преодоления кризиса посредством механизма антикризисного управления.

Таким образом, механизм антикризисного управления – это эффективный инструмент, который позволяет проводить комплексные процедуры оздоровления организации, внедряя при этом новые системы управления финансовой политики фирмы, что позволяет сохранить как предприятие, так и существующую клиентскую базу, рабочие места.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галимов, И. А. Актуальность антикризисного управления для России [Электронный ресурс] / И. А. Галимов, Л. Н. Ардеева // Молодой учёный. – 2014. – № 9. – С. 261-263. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/68/11685/> (дата обращения: 09.11.2018).
2. Коротков, Э. М. Антикризисное управление / Э. М. Коротков. – М.: ИНФРА-М, 2016. – 432 с.
3. Проблемы развития антикризисного управления в современной России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://uecs.ru/index.php?option=com_flexicontent&view=items&id=2930 (дата обращения: 09.11.2018).
4. Влияние антикризисного управления предприятия на экономику РФ в современных условиях [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=41829> (дата обращения: 09.11.2018).

Киреева Н. В.
N. V. Kireeva

**ЕЖЕГОДНАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ЛОСЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2018» (БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ, 30 МАРТА 2018 ГОДА)**

**ANNUAL REGIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE «LOSEVSKIE READING – 2018»
(BLAGOVESHCHENSK STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY, 30 MARCH 2018)**

Киреева Наталия Владимировна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и литературы Благовещенского государственного педагогического университета (Россия, Благовещенск); 675000, Приморский край, г. Благовещенск, ул. Горького, 231; тел.: + 7 (4162) 77-16-62. E-mail: stonerk@mail.ru.

Ms. Nataliya V. Kireeva – Dr. hab. of Philology, Professor, Department of Russian Language and Literature, Blagoveshchensk State Pedagogical University (Russia, Blagoveshchensk); 675000, Primorsky territory, Blagoveshchensk, 231 Gorkogo str.; tel. +7 (4162) 77-16-62. E-mail: stonerk@mail.ru.

На конференции «Лосевские чтения – 2018» по традиции собрались знатоки и исследователи литературного краеведения Приамурья. С докладами, посвящёнными региональной литературе, выступили маститые учёные, преподаватели вузов и колледжей, школьные учителя и сотрудники библиотечной системы, музейные работники и журналисты, писатели и аспиранты, студенты и школьники.

Одним из тематических узлов конференции стали доклады, посвящённые творчеству амурского Саши Черного – **Федора Чудакова** (1888–1918). Это связано с тем, что в 2018 году отмечается двойная дата, связанная с именем талантливого амурского сатирика и проникновенного лирика, – 130-летие со дня рождения и столетие с момента его трагической смерти. Профессор БГПУ А. В. Урманов, составивший в 2017 году книгу произведений Федора Чудакова «Чаша страданья допита до дна!...» и подготовивший в этом году второй том творчества автора, представил доклад «История одного громкого скандала в дореволюционном Благовещенске (на материале газетной публицистики и сатиры)». Учёный рассказал о той роли в разоблачении коррупции со стороны государственных чиновников, которую сыграли сатирические произведения Ф. Чудакова и публицистические выступления А. Матюшенского. Доцент кафедры русского языка и литературы БГПУ В. В. Пирко исследовала языковые средства создания сатиры в произведениях Ф. Чудакова. Завершили блок выступлений два доклада – аспирантки кафедры русского языка и литературы БГПУ Лю Ин на тему «Приёмы театрализации в фельетонах Ф. Чудакова, посвящённых Синьхайской революции» и семиклассника одной из благовещенских школ А. А. Янова на тему «Актуальность сатирических стихов Ф. И. Чудакова».

В докладе Ли Ин был затронут аспект, который традиционно занимает важное место в тематике «Лосевских чтений»: проблема русско-китайских литературных контактов. В этом году на конференции этой проблеме были посвящены доклады, рассматривающие как лингвистические, так и литературоведческие аспекты русско-китайского взаимодействия. В докладе «Языковые контакты в Приамурье: диахронический аспект» доцент АмГУ Л. М. Шипановская проанализировала произведения амурских авторов, в которых отражены особенности речи поселившихся в регионе китайцев, монголов и других народов. Два доклада были посвящены феномену Ли Яньлина – современного китайского поэта, пишущего стихи на русском языке: «Поэтическая география Ли Яньлина» (аспирантки кафедры русского языка и литературы БГПУ Т. В. Самойленко) и «Изучение лирики Ли Яньлина в средней школе» (студентки Е. А. Мельниковой).

В ряде выступлений были рассмотрены отдельные проблемы, связанные с самыми значительными писателями Приамурья. Так, **Леониду Завальнюку** были посвящены два доклада, подводящих итоги начального этапа обработки его рукописного архива. В докладе «Неизвестный

Леонид Завальнюк: первые итоги работы над рукописным архивом писателя» профессор кафедры русского языка и литературы БГПУ Н. В. Киреева озвучила факты, впервые ставшие достоянием научной рецепции творчества Завальнюка. Возможности, которые открываются перед учёными, обратившимися к архивному наследию автора, продемонстрировала магистрант В. Д. Гавриленко в докладе «“Моя прописка” Леонида Завальнюка: история одного стихотворения». Восстановить литературный портрет замечательного поэта советской эпохи **Игоря Еремина**, представив собравшимся не только неизвестные факты его биографии, но и редкую архивную запись стихотворения «Свет в окне», прочитанного самим автором, постаралась доцент кафедры русского языка и литературы БГПУ И. С. Назарова. В докладе «Город Свободный в жизни и творчестве Бориса Черных» заведующая отделом обслуживания Амурской областной научной библиотеки В. В. Соломенник проанализировала особенности формирования «местного текста» в произведениях видного писателя и общественного деятеля **Бориса Черных**. С творчеством ключевой фигуры современного литературного процесса региона **Владислава Лецика** было связано исследование «Мой дед – писатель» учителя высшей категории О. О. Жердевой.

Ещё один важный блок докладов способствовал возвращению в литературный контекст и изучению творчества писателей, ставших узниками БАМлага. Доклад на тему «Рецепция истории БАМлага в дальневосточной прозе» подготовила доцент кафедры русского языка и литературы БГПУ Т. Е. Смыковская. Исследование «Сюита как поэтический жанр в лирике А. И. Цветаевой» представила студентка историко-филологического факультета (ИФФ) БГПУ В. А. Вакал.

Краеведческие аспекты изучения литературы и языка городов и сёл Приамурья были представлены в докладах о белогорском писателе Николае Дегтерева «Сквозь свет далёкого детства» учителя О. Д. Кучеровой; об архаринской писательнице М. Е. Тимкиной «Удивляясь, удивлять» библиотекаря Е. В. Потаповой и поэтессе Л. Н. Романовой «Ей без зимы в России тошно...» заведующей отделом обслуживания библиотеки А. А. Проскуряковой, о «Деятельности Белогорского краеведческого музея по популяризации произведений амурских авторов» писательницы О. Я. Камоско, об «Отражении календарных традиций в говоре жителей с. Албазина» доцента кафедры русского языка и литературы БГПУ О. В. Ладисовой.

По традиции своими находками в методике изучения амурских авторов в школе поделились педагоги В. А. Подорожная, А. А. Буянова, Н. С. Коновалова, О. Н. Онищенко, рассказав об организации литературных кружков, газет, использовании квест-технологий в краеведческой деятельности.

Кроме того, на конференции прозвучали доклады, позволяющие восстановить аспекты языковой картины мира россиян («Лингвокультурологический континуум слова «снег» в русской языковой картине мира (на примере текстов писателей Приамурья)» аспирантки кафедры русского языка Башкирского государственного университета Е. В. Булиной, «Историю освоения Приамурья в произведениях амурских поэтов» учителя Г. В. Бичахчян, выявить «Этнографические мотивы в рассказе Валентины Батяевой “Белый соболю удачу”» учёного секретаря Амурского областного краеведческого музея И. В. Васиной, проанализировать «Особенности хронотопа в малой прозе Ярослава Турова» студентки ИФФ Е. Ю. Опри.

Доклады участников конференции помогли объединить в одном пространстве писателей прошлого и наших современников, аспекты литературоведческие, культурологические и лингвистические. Все эти материалы будут опубликованы в сборнике «Лосевские чтения – 2018», обращённом к читателям, которые интересуются культурой и литературой родного края.

Шунейко А. А.
A. A. Shuneyko

ДЕСЕМАНТИЗАЦИЯ СИМВОЛИКИ В ПОЭЗИИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

DESEMANTIZATION OF SYMBOLS IN THE POETRY OF THE FAR EAST

Шунейко Александр Альфредович – доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, 27. E-mail: shuneyko@ya.ru.

Mr. Alexandre A. Shuneyko – Dr.hab. of Philology, Professor, Linguistics and Cross-culture Communication Department, Komsomolsk-on-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str. E-mail: shuneyko@ya.ru.

Аннотация. В работе рассмотрена семантика символов, представленных в поэтических публикациях журнала «Дальний Восток» с 2013 по 2017 год. Для выявления специфики протекающих семантических процессов была отобрана репрезентативная группа символов, характеризующихся различной частотностью употребления. Затем был произведён семантический анализ словоупотреблений. Этот анализ показал устойчивое наличие случаев, когда символу приписываются противоположные его исходному значению смыслы. Такие случаи названы десемантизацией символики. Отмечено, что для коммуникации в различных функциональных сферах коммуникативного пространства наличие таких случаев может иметь различные последствия.

Summary. The author considers the semantics of symbols presented in the poetic publications of the magazine «Far East» over the period of 2013 to 2017 in the paper. To identify the features of the proceeding semantic processes, the author selected a representative group of symbols characterized by different frequency of use. Then a semantic analysis of the word usage was made. This analysis has shown the steady presence of cases in which the opposite meaning is attributed to the symbol. Such cases are regarded as desemantization of symbols. It is noted that the presence of such cases in various functional areas of the communicative space can have various consequences for communication.

Ключевые слова: десемантизация, символ, семантика, поэзия, Дальний Восток.

Key words: desemantization, symbol, semantics, poetry, Far East.

УДК 007; 81; 82

Работа выполнена в рамках гранта правительства Хабаровского края на реализацию проектов в области гуманитарных и общественных наук по теме «Ключевые символы дальневосточной поэзии как основа для эффективной социальной коммуникации» № 143/2018Д.

Материалом для настоящего исследования послужили все поэтические тексты, опубликованные в журнале «Дальний Восток» за пять лет: с 2013 по 2017 год (см. прим. 1). Такой достаточно большой объём текстов представляется репрезентативным как для характеристики любого типа тенденций современной поэзии в целом, так и для характеристики языковых и общекультурных процессов, разворачивающихся на территории Дальнего Востока.

Все поэтические тексты были обработаны с помощью программы TextAnalise 2.0. Из полученного в результате компьютерной обработки расположенного в порядке убывающей частотности списка слов были отобраны слова, имеющие символическое значение. Из этого списка в случайном порядке были отобраны десять слов с самой высокой частотностью, десять слов со средней частотностью и десять слов с низкой частотностью. Так был сформирован репрезентативный для всего корпуса текстов список слов. Далее они были подвергнуты семантическому анализу.

Семантический анализ включал в себя поиск эксплицированных в тексте характеристик единицы и установление того, насколько эти характеристики соответствуют каноническому значению единицы, тому базовому набору атрибутов, существование которого противопоставляет данную единицу другим единицам, её дифференциальным признакам, обеспечивающим целостность единицы, не позволяющим ей слиться с иными единицами из данной семантической группы.

Семантический анализ контекстов позволил выявить ряд существенных закономерностей. Одна из них описана в этой статье. Прежде чем охарактеризовать названную в заглавии статьи закономерность, необходимо сделать несколько замечаний.

Авторы цитируемых строк не указаны в примерах по трём причинам: 1. Потому что нас интересует процесс. 2. Обнаруженное явление не ограничивается одним каким-либо идиостилем, а встречается повсеместно. 3. Все эти тексты проходили рецензирование и редактуру, то есть отражают не только эстетические установки авторов, но и языковые предпочтения издания в целом, за ними стоит целый коллектив, тиражирующий тексты с учётом определённого адресата.

Отмеченная закономерность существует наряду с многочисленными каноническими номинациями, преимущественно реализующими предметные и наиболее очевидные абстрактные значения.

Подчеркнём, что во всех приводимых ниже случаях семантические деформации только поверхностно связаны с художественными преобразованиями, могут являться компонентами или следствием умелого или неумелого использования изобразительных приёмов. Но в данных случаях не важно, приёмы или нечто иное деформирует прямые номинации, важно, что деформации есть и вычленяется набор деформирующих семантику контекстов. Важен результат.

Проиллюстрируем это на примере различных символов.

Адам. «Из земли родится голем, из него добудут глину, расфасуют по адамам для иванов и марусь»; «Какой по сути нам ещё тракторки, если некое наглядное для всех адамов дано, чего не докумекали экскурсовод и Нострадамус?» Адам, как первочеловек, един и единственен, исключителен в своём первородстве и именно этим противопоставлен всем остальным людям как их праотец. Употребления слова во множественном числе нивелирует все эти отличительные признаки и уравнивает семантику имени с семантикой основного значения слова «человек».

Бессмертие. «Круговым бессмертием окаймлён, прах запрячет в топах свои следы». Бессмертие по своей канонической природе всегда имеет начало, определённую отправную точку. Оно похоже на луч в математическом понимании этого слова. Приписывание же бессмертию круговой природы отождествляет его с безначальной бесконечностью, символизируемой математическим знаком, кругом или змеей, кусающей свой хвост. Но это сущностно совершенно иной объект.

Ветер. «Да и мне бы свой ветер найти»; «Здесь туманом выстланы дороги, вместо браги ветер подают»; «Будет вода, что застынет в иглы и хлопья, Ветер-штык: взгляд исподлобья, Ветер-хлыст: слово из рта»; «Там ветер из строчек плетёт холода»; «За окном летает ветер веры». Любое переносное значение, включая традиционные для поэзии олицетворения ветра, не предполагают, что он может принадлежать конкретной личности, его могут подавать как напиток.

Вечность. «Не зря ты ко мне через вечность летела»; «Жизнь – возвращенье в вечность вкругаля»; «<...> целая вечность ещё до призыва в небо, и до скончанья вечности – жизнь врасплох...»; «И каждый стал на вечность старше <...>». Эти контексты предполагают возможность пролететь через вечность, выйти из неё и в неё вернуться, существование у неё конца восприятие её как промежутка в длительности или протяжённости чего-то иного. Каждая из этих характеристик по отдельности и все они вместе указывают на наличие у вечности границ, то есть противоречат канонической безграничной природе вечности. Вечность, имеющая границы, это уже не вечность, а её противоположность – временность. Контексты замыкают круг энантиосемии и порождают амбивалентный объект, лишённый самостоятельной номинации.

Вьюга. «Не ведал я, что в том глухом году в июльском небе вьюга завывала»; «Горестно под вьюгами реять над россиями». Характеристики вьюги как явления природы, метафорического образа или как символа, формирование которого осуществлено в начале XX века Блоком, если номинация не снабжена дополнительными атрибутами, противоречат двум контекстным характе-



ристикам: 1. Вьюга не может разыграться в июле. 2. Любой объект не может находиться одновременно под вьюгой и над Россией, поскольку вьюга сама над Россией, смыкается с ней так, что между ними не остаётся промежуточного пространства. Актуализация же этих двух характеристик размывает значение стихийного явления и заменяет его предельно неопределённым абстрактным значением.

Гимн. «Пёстрые гимны слышны в воробьином гаме». Каноническое определение слова «гимн» предполагает совокупность коннотаций, связанных со строгостью, торжественностью, официальностью, стройностью и серьёзностью. То есть гимн не может быть пёстрым. Если же ему приписывается эта характеристика, то значение номинации расширяется настолько, что включает в себя одновременно гимн и попсовый шлягер.

Нирвана. «Хореи и ямбы даруют нирваны». Нирвана – единое, внутренне не членимое универсальное состояние, которое не имеет вариантов; в него погружаются. Использование номинации во множественном числе отождествляет семантику со значением сна или кратковременного забвения, что грубо противоречит канону. В результате номинация становится обозначением лишённого дифференциальных черт ментального состояния, которое нельзя считать нирваной, нельзя считать сном, нельзя считать забвением и не следует считать чем-то средним между этими тремя.

Небо. «И будет пир, и небо разольём мы по стаканам»; «Гляди, октябрь, как трогательно мал цветок на стебельке у края тучи, которым это небо раскачал какой-то человек немогучий»; «Но в привычке здесь За ручку неба-зонтика держаться». В этих контекстах небу приписаны отсутствующие у него предметные характеристики, наличие которых противоположно каноническому значению слова.

Солнце. «<...> и лампочка солнца багровым неонем Гаснет под вечер, к утру разгорается»; «И под зелёным солнцем Элисты не зря во мне воскресли – прочь, сомненье»; «Рыбаки, пропахшие потом, рыбаки, пропахшие солью, В тяжёлых горбатых робах, <...> И просолилось небо, И просолилось солнце». Олицетворения и метафорические использования номинации Солнца как звезды солнечной системы предполагают, что оно остаётся общим для всех и единым. Приведённые же контексты отрицают эти неотъемлемые характеристики Солнца.

Человек. «Тебе, долгожданный Иной Человек!». Когда определение «иной» используется не применительно к конкретному лицу, а применительно к абстрактному термину, то словосочетание с ним обозначает человека, который человеком не является, или не человека.

Ямб. «– Пошло все к ямбу!»; «<...> брезгливо отвергнув летучие ямбы-хореи, так затягивал гайки, чтоб верность раба не хирела. Ямб – поэтический размер, обладающий строгим набором формальных характеристик. Эти характеристики, с одной стороны, не позволяют отождествлять его с хореем, а с другой – не позволяют на него посылать. Приписывание же противоположных характеристик номинации заставляет говорить о том, что слово «ямб» в данных контекстах обозначает «поэтический размер вообще, любой безотносительно к дифференциальным признакам» и «речь вообще, преимущественно разговорную и матерную».

Возможно, всё это является ошибками, которые стали следствием элементарного незнания норм лексической сочетаемости слов в русском языке. Возможно, всё это – результаты погони за поэтическими красотами, в результате которой поэты не замечают, что содержательно формулируют. Но аттестация с этой точки зрения для рассматриваемого явления не важна. Поскольку устойчиво повторяемая различными авторами ошибка перестаёт быть ошибкой. Она обращается в демонстрацию тенденции, раскрывающей характер восприятия семантики или движение семантического наполнения определённой группы единиц. Она становится семантическим явлением.

В данном случае это явление имеет общий механизм реализации.

Общий принцип: приписывание какого-либо семантического компонента, который противоречит базовому значению и в силу этого отрицает или разрушает его. Это приписывание в формальном плане осуществляется двумя способами.

Первый предполагает наличие в контексте разного рода мет появления нового атрибута. Он возникает благодаря определениям, отрицающим каноническую семантику: свой ветер, солнце

Элисты. Он возникает благодаря использованию нехарактерной для номинации предикативной конструкции.

Второй предполагает деформацию непосредственно имени. Оно выступает в грамматической форме, противоречащей его канонической природе: нирваны. Оно становится компонентом составного наименования, общая семантика которого отрицает канонические характеристики сходного имени: лампочка солнца, небо-зонтик, ямбы-хореи.

Это приводит к тому, что каноническая семантика единиц деактуализируется или разрушается. Сама единица десемантизируется и, не приобретая новой семантики, теряет старую. Она становится набором звуков или букв, за которым не закреплено никакого определённого значения, который может обозначать и исходную семантику, и её противоположность.

Поэтический язык не может существовать в отрыве от разговорной речи. Они находятся в отношениях взаимного отражения. Обнаруживающиеся в поэтическом языке тенденции так или иначе отражают процессы, разворачивающиеся в разговорной речи.

По этой причине с высокой долей уверенности можно говорить о том, что десемантизация является общим процессом современной речи.

Если транслировать выявленную особенность на реальную коммуникацию, то можно прийти к ряду выводов.

Если говорящий заинтересован в передаче фактической информации, ему необходимо избегать номинаций символов, потому что они уже не воспринимаются частью языкового коллектива как содержательно определённые.

Если говорящий заинтересован в передаче эмоциональной информации, ему необходимо наполнять свою речь большим количеством номинаций символов, потому что предельная широта их значений в одном из множества своих проявлений будет доступна каждому.

В целом же, если отмеченную закономерность удастся обнаружить в иных функциональных проявлениях речи, то это будет означать, что употребление слов становится не зависящим от их семантики. Слова перестают передавать определённые смыслы, то есть в определённых функциональных средах (язык художественной литературы, бытовая речь, СМИ, политика) для достижения коммуникативного эффекта, в принципе, становится безразличным, какие слова употреблять.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Дальний Восток: российский литературно-художественный журнал (выпуски 2013–2017 гг.).